

О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

Воспоминания ветеранов дипломатической службы России

Том 31

МОСКВА
«Вест-Консалтинг»
2024

УДК 82-94
ББК 94.3
О11

Издание Ветеранской организации МИД России

Над сборником работали:

Составитель, главный редактор,
член Президиума Совета ветеранов — А. Г. Чернов
Редактор-консультант,
член Президиума Совета ветеранов — Ю. А. Спирин
Председатель Совета ветеранов — В. И. Морозов
Член Президиума Совета ветеранов — П. С. Акопов
Заместитель председателя Совета ветеранов — А. О. Семенов

О11 **О времени и о себе. Воспоминания ветеранов дипломатической
службы России. Том 31** — М.: «Вест-Консалтинг», 2024. — 216 с.

ISBN 978-5-91865-770-6

В очередной сборник воспоминаний ветеранов дипломатической службы России вошли очерки о работе советских/российских дипломатов на различных направлениях, в том числе в такой до сих пор мало представленной в литературе теме, как «молодежная дипломатия». Важное место в книге занимают воспоминания о жизни и деятельности двух выдающихся представителей Министерства иностранных дел — А. А. Громыко и А. Г. Ковалева. Не обойдены вниманием необычные и даже казусные ситуации в деятельности работников МИД и подведомственных организаций.

Книга рассчитана на широкую читательскую аудиторию.

© Совет ветеранов МИД России, 2024
© Коллектив авторов, 2024
© «Вест-Консалтинг», оформление, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ..... 5

ЧТОБЫ ПОМНИЛИ

А. А. Громыко
ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ ОТЦА 7
ВЕЧЕР ПАМЯТИ А. Г. КОВАЛЕВА (1923–2002 гг.). 23

АФРИКА в ФОКУСЕ

А. С. Зайцев
«РОССИЯ-АФРИКА: ПОМНЯ УРОКИ ПРОШЛОГО,
МОСТИТЬ ДОРОГУ В БУДУЩЕЕ» 62
А. Г. Чернов
«ДОМ ИЗ КАМНЯ» НА КРАСНОЗЕМЕ. 81

К 105-й ГОДОВЩИНЕ КОМСОМОЛА

А. В. Потапов
О СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ, БОЛГАРИИ
И «МОЛОДЕЖНОЙ ДИПЛОМАТИИ» 93

ВОСПОМИНАНИЯ И НАБЛЮДЕНИЯ

Г. П. Троценко

КАЛЕЙДОСКОП МОЕЙ ПАМЯТИ113

О. Г. Пересыпкин

В СТРАНЕ ЦАРИЦЫ САВСКОЙ.....181

НЕ ВСЁ СТАНДАРТНО В ДИПЛОМАТИИ

А. С. Азимов

О НЕОБЫЧНОМ СЛУЧАЕ В ПРАКТИЧЕСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОСЛА РОССИИ В ХОРВАТИИ. . 189

И ВСЕРЬЁЗ, И В ШУТКУ

В. П. Иванов

ВЕЛИКАЯ СИЛА ИСКУССТВА.....200

О НАШИХ АВТОРАХ205

ОТ РЕДАКЦИИ

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

С удовольствием представляем Вашему вниманию очередную сборник из основанного еще в далеком 1997 году меуарного цикла ветеранов дипломатической службы России.

Очерки для сборника отбирались весьма тщательно. При этом задача редколлегии, как и прежде, состояла в том, чтобы по возможности отобразить в книге максимально полную картину различных и разнообразных аспектов дипломатической работы, рассказать о секретах профессиональной деятельности, да и о нередко остающейся «в тени» обычной жизни выдающихся дипломатов. В полной степени эта задача относилась и к повествованию о вкладе в работу не занимающих высоких постов сотрудников Министерства иностранных дел, о которых, скажем прямо, пишут не так много, но без чьих скромных усилий зачастую было бы просто невозможно выполнение задач, стоящих перед отечественной внешнеполитической службой.

Важным и традиционным критерием для отбора материалов была их познавательность, увлекательность, а также поучительность. Уверены, что в этом смысле они могут сослужить неплохую службу молодым людям, только вступающим на стезю дипломатической жизни, и для которых

содержащиеся в сборнике конкретные примеры могут в дальнейшем стать своего рода образцом в выстраивании их собственных действий в различных дипломатических и «недипломатических» ситуациях.

Как и прежде, публикуемые очерки какой-либо глубокой редакционной, в том числе литературной правке не подвергались, а все изменения и дополнения в содержании обязательно согласовывались с их авторами, которые — как и в предыдущих выпусках — высказывают свои мнения и суждения по существу описываемых событий и дают им собственные оценки. Редколлегия настаивала только на том, чтобы эти мнения и оценки были не голословными, а должным образом аргументированными.

Нынешний мемуарный сборник ветеранов дипломатической службы тридцать первый по счету. Редколлегия уже в ближайшее время планирует начать работу над тридцать вторым. В нем могут быть опубликованы и Ваши воспоминания. Напишите нам.

ЧТОБЫ ПОМНИЛИ

Анатолий Громыко

Чрезвычайный и Полномочный Посланник

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ ОТЦА*

*В июле 2024 года исполняется 35 лет с момента
ухода из жизни Андрея Андреевича Громыко.*

АНДРЕЙ ГРОМЫКО служил Отчизне полвека. Наследие его деятельности весьма поучительно. Отмечу следующее. Отец считал, что история стран мирового сообщества, в том числе Советского Союза, самобытна, окрашена в цвета времени господствующих идеологий, зависит от соотношения экономических и военно-политических сил. Он верил в марксизм, изучал его не по учебникам, а по первоисточникам. Верил в принцип исторической справедливости, в человека труда, человека-творца — создателя всех материальных и духовных ценностей. Большое значение отец придавал науке и культуре, роли религий и обычаев. Много раз говорил: без знания истории дипломаты в своей деятельности успешными быть не могут. Отец считал дипломатию наукой и искусством, ценил умение переговорщиков находить в лабиринте запутанных проблем компромиссы, решения, которые укрепляли безопасность Советского

* Публикуется с разрешения семьи.

Союза и его союзников, накапливали для нашей страны большие и малые преимущества.

Западная печать применила по отношению к нему свой любимый прием, окутав его образ застывшими характеристиками. Сначала в ООН его прозвали «Господином "Голос"». Голос у отца был не шелестяще-безразличный и скучный, как у многих дипломатов, а глубокий и размеренный, его было приятно слушать. Говорил он с выражением, порой проникновенно, но на трибуне в ораторский пыл не впадал, не размахивал руками, не распалялся, был спокоен и уверен в себе. Во время его работы в США в местной печати появились статьи о том, что американские женщины находят голос Громыко очень привлекательным. Дипломатический талант отца был замечен за рубежом быстро. В августе 1947 года журнал «Тайм» писал: «Как постоянный представитель Советского Союза в Совете Безопасности Громыко делает работу на уровне умопомрачительной компетентности».

Интерес к отцу быстро рос. Репортеры его буквально преследовали. Поначалу он охотно шел им навстречу, приглашал фотографов на загородную виллу представительства, но вскоре к ним быстро остыл. Работая в библиотеке особняка, арендованного у богатой семьи Миллсов на Лонг-Айленде, около Нью-Йорка, отец однажды ответил отказом об интервью на несколько просьб подряд. Я удивился. «Почему ты всем отказываешь?» — спросил я. Мне было тогда 15 лет. Отец ограничился коротким: «Я занят». Через несколько минут, как будто размышляя над вопросом, добавил: «Сто раз снимут, на 99 фотографиях я буду улыбаться, а поместят ту, сотую, где не буду. Какой смысл встречаться с репортерами, если у них одна задача — изобразить тебя в превратном свете». Я решил, что отец в плохом настроении. Однако со временем, просматривая газеты и журналы, стал замечать, что в них портрет Андрея Громыко действительно

рисуеться черной или в лучшем случае серой краской. Вот лишь некоторые из высказываний, встречавшихся тогда в печати: «Андрей-волк», «робот-мизантроп», «человек без лица», «человек без памяти», «современный неандерталец», «человек — йог, пришедший на смену комиссарам». Его образ старались исказить, не брезгуя обманом. Якобы в одном разговоре на вопрос дамы: «Что вы думаете об американских женщинах?» — Громыко ответил: «Они меня не впечатляют». Отец шутил: «Такая информация дается, чтобы, не дай бог, американки в меня не влюблялись». Всеми этими характеристиками он был награжден лишь в одном номере «Тайм». Можно себе представить, сколько их ходило по страницам прессы. Однако в том же «Тайм» признавалось: «Громыко — это успех».

Я на себе почувствовал, что такое технология по «промывке мозгов», когда увидел в «Тайм» снимок отца,правляющего мне галстук. Что в этом можно было найти? К тому же фотограф сделал кучу снимков нашей семьи, ссылаясь на просьбу главного редактора журнала. Я выгляжу на снимке довольным. А вот подпись под фотографией: «видимой гуманности не прослеживается». «И порядочности у журнала "Тайм" тоже», — подумал я про себя с обидой на то, что именно меня избрали объектом манипуляций.

Постепенно прозвища в духе «Андрей-волк» отпали и осталось только «Человек "Нет"». Отец к этой характеристике относился добродушно, как к неизбежной приправе к статьям и речам тех, кто был недоволен его твердостью в отстаивании интересов Советского Союза. Как-то он сказал: «Мои "нет" они слышали гораздо реже, чем я их "ноу", ведь мы выдвигали гораздо больше предложений».

Пока отец не перешел на работу в МИД СССР и мы не уехали в США, жизнь у родителей была тяжелая. Белоруссия так не голодала, как Украина, но достатка не было. Когда мне

было три года, родители отправили меня в деревню к родственникам. Мои первые воспоминания детства связаны с тем временем. Я с раннего детства невзлюбил сливочное масло. Когда мне давали хлеб с маслом, я умудрялся выносить его на огород и прятал среди листьев картошки, свеклы и кочанов капусты. Огород казался мне лесом, где мои проказы не будут замечены.

Вышло наоборот. В день приезда отца и матери мое «преступление» было раскрыто. Я получил хорошую взбучку. Отец строгим голосом сказал: «Масло есть надо. У нас с мамой хватает денег на один его стакан в месяц, а ты выбрасываешь». Но я все-таки не понимал, почему меня наказывают, все равно масло мне определенно не нравилось, и есть я его не собирался. «Один стакан масла в месяц» — так жили отец с матерью в студенческие годы.

Потом отца перевели из Минска в аспирантуру в Москву. Семья наша жила в Алексеевском студгородке, что за теперешней гостиницей «Космос», напротив ВДНХ. Нашей «квартирой» была комната в бараке, в котором ютилось несколько семей. Жили бедно, но дружно, ходили друг к другу в гости. Вспоминается, как все вместе справляли Новый год. Небольшая душистая елка стояла посередине комнаты, сверкая разноцветными лампочками и золотистым светом свечей. Этот волшебный вечер запомнился тремя событиями: вкусным угощением с мороженым и шоколадом, таинственно искрящимися бенгальскими огнями и импровизированным детским концертом.

Из детства запомнилось, как внимательно мать и отец ухаживали за мной. Однажды я заболел малярией. В то время, в конце 1930-х, она еще водилась в Подмосковье.

Болезнь тяжело, аппетит полностью пропал. Когда отец приходил с работы, мать ему жаловалась: «Толя опять ничего не ест». Тогда он придумывал самые разные игры, чтобы

накормить меня. Например, держит в руках тарелку с манной кашей и говорит: «Представь себе, что каша — это француз, а ты Кукузов, кто победит?» Я отходил в другой конец комнаты, бегом устремлялся к «французам» и в несколько приемов кашу съедал. «Полная победа, наша взяла», — подводил итог сражению отец.

Из моей жизни с родителями в Вашингтоне (1939–1946 гг.) вспоминается такой случай. Однажды я бежал к автобусной остановке. Неожиданно за мной припустилась стая собак. Я был уже готов вскочить на подножку автобуса, как один из псов, большой и рыжий, с лихо закрученным вверх хвостом, укусил меня за лодыжку. На следующий день мать обнаружила, что мои брюки порваны, пришлось родителям все рассказать. Они переполошились: «А вдруг собака бешеная?» Отец нахмурился: «Пойдем, Толя, срочно искать эту собаку». Мы исходили всю округу, но нигде «рыжего» не обнаружили. Отец пригласил на дом американских врачей. Они сказали, что в Вашингтоне уже много лет не было случаев бешенства, но родители должны сами решать, делать ли уколы. Отец и мать колебались. Уж очень мне не хотелось проходить через эту крайне неприятную процедуру, и я «сообразил»: «Не могла бешеная собака бегать в стае». Эта наивная детская догадка повлияла на родителей, и лечение не назначили.

Любил отец надо мной и подшутить. Когда в связи с его назначением в ООН мы переехали из Вашингтона в Нью-Йорк, он взял меня в ресторан. Мне только что исполнилось 14 лет, и этот поход запомнился. Мы обедали в роскошной по тем временам гостинице «Плаза», что рядом с Центральным парком. «Мясо есть будешь?» — спросил он. Я согласился. Подают блюдо вроде бы из куриных ножек, с которым я быстро справился. «Что, вкусно?» — спрашивает, посмеиваясь, отец. «Да, очень», — ничего не подозревая ответил я. «А ты знаешь, это были... лягушачьи лапки, — рассмеялся

отец. — Дома будешь рассказывать, никто не поверит». Так, в первый и последний раз в жизни я приобщился к изысканному блюду французской кухни.

Хорошую шутку отец любил, был наделен чувством юмора. Понравившиеся анекдоты рассказывал сам. Например, такой: «Скажите, что было до сотворения мира?» Когда все сдавались, со смехом отвечал: «Госплан». С удовольствием играл с детьми, шутливо вставал с ними в боксерскую стойку или предлагал пойти поохотиться на тигра, советуя: «Ты схвати его за хвост, раскрути и-и-и как брось!» при этом жестами показывая, как это надо делать.

Интересные у нас с отцом возникали разговоры на крымской даче в Мухалатке, куда со второй половины 1970-х годов родители ездили каждое лето на отдых. Однажды мы гуляли по набережной вдоль моря. Был вечер, над нами светились яркие южные звезды, стрекотали цикады. После жаркого дня с моря тянуло прохладой, дышалось легко. Издали доносились звуки музыки. Я прислушался, и мне показалось, что поет Фрэнк Синатра. Его голос пробудил у меня воспоминания об Америке, где прошла моя юность.

«— Тебе нравится Синатра?— спросил я отца.

— Да, задушевный и мелодичный певец. Помню, как во время войны и сразу после нее восходила его звезда. Он выступал в кинотеатрах, начал сниматься в кино. У него удивительно приятный голос, певец-романтик.

— А из наших песен что тебе нравится? — поинтересовался я.

— Люблю песни Клавдии Шульженко и вообще песни военных лет. Тогда появилось множество музыкальных шедевров. Например, песня из кинофильма «Два бойца» в исполнении М. Бернеса. Это была не песня, а целая философская поэма.»

Я решил вернуться к началу нашего разговора.

«—А какое кино тебе нравится?

— "Унесенные ветром", в нем английская актриса Вивьен Ли бесподобна. А как хорош с нею "Мост Ватерлоо". Еще я люблю Чарли Чаплина. А из наших актеров — Любовь Орлову, Николая Черкасова, Бориса Ливанова. Удивительное это искусство — кино. Однажды ко мне в посольство пришел американский актер Эдвард Робинсон. Он прекрасно сыграл в американском фильме "Морской волк". Я увидел перед собой небольшого роста приятного человека, а в фильме это бывалый капитан, человек несокрушимой воли, большой физической силы. Или возьми Черкасова. Когда мы с ним встречались, я ловил себя на мысли, что это Александр Невский, а Бориса Ливанова воспринимал не иначе как Дубровского или Ломоносова.»

Кстати, Ливанов с супругой Евгенией Казимировной часто бывали у нас в гостях. О чем бы они с родителями ни беседовали, Ливанов после двух-трех рюмок водки в очередной раз обращался к отцу с неизменным вопросом:

«— Андрей Андреевич, когда у нас появится наконец академия театрального искусства?

— Это не по моей части, — отвечал отец. — Сам театр — это и есть лучшая академия.

— Андрей Андреевич, нужна настоящая театральная академия. Почему у художников она есть, а у нас, актеров, нет? Это несправедливо.»

Любил отец и живопись. Ему нравились полотна Павла Корина, братьев Клодт, Айвазовского, Семирадского, Кончаловского, Ильи Глазунова. С последним встречался много раз, беседовал об искусстве и русской истории. Илья Сергеевич хвалил русских царей, особенно Павла I и Александра II, ругал абстракционистов и Пикассо.

«— Это что же за искусство, — говорил Илья. — Как если бы красивую вазу высоко подняли, бросили на пол, она

разлетелась вдребезги, а нам показывают обломки и говорят, что ими надо восхищаться.»

Отец ценил этого художника не только за мастерство, но и за патриотизм.

«— У Ильи Глазунова, — говорил он, — на картинах настоящая русская история.»

Отец любил книги по истории, часто перечитывал Николая Карамзина, Сергея Соловьева, Василия Ключевского. Из русской истории часто обсуждал с нами деятельность Бориса Годунова и таинственную смерть царевича Дмитрия. Годунову симпатизировал как хутородному дворянину и умному правителю. В версию о том, что он стоял за смертью Дмитрия, не верил. «Годунова оболгала родня Дмитрия — Нагие, — говорил он. — Василий Шуйский говорил разное, и церковь постаралась, объявила Дмитрия святым, а святые не могут быть самоубийцами даже по неосторожности. Царевич же, скорее всего, умер от раны в горло, нанесенной самому себе ножом в припадке эпилепсии. Царь Федор расправился с Нагими, думал, что они используют смерть царевича против него. Позже Пушкин под влиянием Карамзина воспринял версию о детоубийце».

Читал отец много. Собрал большую библиотеку. В его руках можно было увидеть книги Куприна, Тютчева, Лескова, Бунина и Вересаева. Из американских писателей и поэтов любил Уолта Уитмена, Теодора Драйзера, Джека Лондона, из французских — Рабле, Даниэля Дэфо, и особенно Оноре де Бальзака. «Будешь в Париже, обязательно посети музей Бальзака, дом, где он жил и работал. "Человеческая комедия" — это монумент французской культуры», — говорил он мне. Любил Шиллера и считал гением Гете. "Фауст" стал его настольной книгой. Особенно часто он обращался к этому произведению во время отдыха в Крыму, подчеркивал синим карандашом полюбившиеся места. Любимыми

произведениями русских писателей у отца были "Война и мир" Льва Толстого, "Князь Серебряный" Алексея Константиновича Толстого, "Тихий Дон" Михаила Шолохова. Недоразумением считал версию о том, что Шолохов не был автором некоторых частей книги. Говорил, что человек не может считать себя образованным, если не прочтет "Цусиму" Новикова-Прибоя. Были у него и свои антипатии. Не воспринимал он Федора Достоевского и Владимира Маяковского. «Стыдно признаться, — говорил он, — но мне их язык решительно не нравится. Таким языком не говорят. То ли дело "Капитанская дочка" Пушкина. Это великий шедевр русской литературы».

Отец не был суеверным, во всякую чертовщину не верил, воспринимал мир как материалист. Но при этом был напичкан разными историями, любил вечером за семейным столом их рассказывать. Вот одна из них:

«В белорусских деревнях была высокая нравственность. Люди берегли свою честь смолоду. Людская молва могла вознести, а могла и погубить человека. Младшие чтили старших, не спорили с ними, а старшие опекали младших, учили их уму разуму. Так и одной девушке мать с отцом строго-настрого наказали: "Возвращайся домой с гулянья в соседней деревне засветло". Весело было ей на празднике, смеялась она и танцевала. Но вот стало темнеть, а как хочется подольше повеселиться с подругами, ах как хочется! Когда наконец плясунья отправилась обратно, опускалась ночь. Испугалась девушка, что нарушила данное обещание, и припустилась что есть силы домой. Но темно еще быстрее. Решила она сократить путь и побежала к своей деревне напрямик через кладбище. Становилось совсем темно. Страшно стало хохотунье, казалось ей, что из могил к ней кто-то тянется. Смотрит — впереди прохожий. Подбежала, увидела мужчину, бледен он был и худ. Молча пошли рядом. Наконец девушка

набралась смелости и спросила: "А вам не страшно?" Прохожий медленно повернул голову и изрек: "Страшно было, куда жив был". Так быстро, как в этот вечер, наша плясунья в жизни больше не бегала. Вот такие истории случались в нашей деревне».

Отец много летал самолетами, но всегда просил меня ездить только поездом. Загораешь на пляже в Сочи, а тут по селектору вызывают тебя к директору санатория. Идешь, волнуешься, как бы чего не случилось. Директор говорит: «Вас просит позвонить Андрей Андреевич».

Звоню по правительственной связи, слышу голос отца и получаю указание: «Я тебя очень прошу, возвращайся в Москву поездом. Это моя личная просьба, обещай». Так же отец оберегал от самолетов и Эмилию. Вот письмо, написанное им маме, которую он называл «Лида» или ласково «Лидунчик», в июне 1958 года:

«Здравствуй, Лидунчик!

Прибыли в Нью-Йорк благополучно и приступили к обычной работе. По-видимому, сессия Ассамблеи скоро закончится — примерно через неделю. Здесь стоит очень жаркая и влажная погода, но пока у меня нет никаких признаков "хай фивер" (воспаление дыхательных путей от пылицы цветов. — *Ан. Г.*), так как все живем в городе и здесь в этом отношении, как известно, лучше, чем на даче».

Самым любимым и уважаемым человеком для отца была его мать Ольга Евгеньевна Громыко. Он рассказывал, что в деревне ее звали «тетя Оля — профессор».

«Толя, — говорил отец, — до сих пор я слышу тихий голос матери, словно какая-то невидимая нить связывает нас: «Сынок, если люди друг к другу идут не со злом за пазухой, а с открытым сердцем, если слушают не только себя, а слышат других, если живут не только настоящим, а помнят о прошлом, то будут они счастливы. Если не так, то придет к ним большое

горе. Людей должна связывать любовь, а не зависть». «Ты давно был на могиле бабушки?» — спрашивал отец.

Про себя я думал, что традиции почитания умерших на Руси были куда крепче, чем сейчас. В моду вошло пренебрежительно хулить усопших, которым раньше курили фи-миам.

«Я поставил матери памятник, — продолжал он, — как она пожелала, из черного мрамора, с крестом. Умирала она тяжело, от рака, лекарств для облегчения ее страданий даже в кремлевской больнице не было.

Я часто навещал ее, мы вспоминали Гомельщину, отца, его поездку на заработки в Америку. Он повредил там руку и вернулся домой ни с чем. Мать мечтала о встрече на том свете с убитыми на войне сыновьями Алексеем и Федором, крестила меня и приговаривала: «Бог спас тебя, Андрей, от смерти. Когда я вижу всех вас, сердце мое успокаивается».

Оглядываясь сейчас назад, я могу с уверенностью сказать, что отец в глубине души с большим уважением относился к православию, считал, что научный социализм и идеалы христианской веры во многом совпадают. Возможно, это ассоциировалось у него с образом матери, ее взглядами на жизнь. Отец никогда не внушал мне антирелигиозных мыслей. Не помню сейчас в какой связи, но однажды мы с ним вспоминали о восстаниях Разина и Пугачева, и отец сказал, что именно в лесах юго-восточной Белоруссии скрывались пугачевцы, пользуясь поддержкой местного населения.

В речах и выступлениях отца никогда не было подобо-страстного, нарочитого восхваления ни Хрущева, ни Брежнева, ни других последующих генсеков. Его здравицы в их честь, которые он произносил на съездах и официальных приемах, были весьма сдержанны. Ни разу в нашем доме, когда собирались гости, отец не произносил тостов в честь

партийных лидеров. Не любил и когда расточали похвалу ему самому. На своем 60-лети, которое отмечалось на нашей даче во Внуково, гости были немало удивлены, в особенности тамада — его первый заместитель Василий Кузнецов, когда отец, опередив всех, встал и сказал: «Предлагаю тост за то, чтобы в честь юбиляра не было тостов». Тосты, конечно, были, но, думаю, их число и продолжительность резко сократились.

Не менее были удивлены гости, когда обнаружили, что на столе нет водки — только вино. Отец не пил крепких спиртных напитков и не курил, мог, правда, иногда пригубить сухое вино или шампанское. Только однажды на фотографии я увидел его с папироской в руке. Это было в Вашингтоне, во времена конференции по выработке Устава ООН. Но, по-моему, это было сделано для видимости.

Были ли у него друзья, если не считать родных? Боюсь, что нет. Судьба политика и дипломата, члена Политбюро исключала тесную дружбу. Из советских партийных и государственных политиков он ценил маршала Жукова, Брежнева и как дипломата — Молотова. По его ходатайству Вячеслава Молотова восстановили в КПСС, а Кагановичу в этой просьбе отец отказал. Ровными были отношения министра со своими подчиненными. Наиболее близкими к нему в личном плане были замминистра Владимир Семенов и посол в США Анатолий Добрынин: «Очень хороший работник Добрынин». Высокого мнения отец был о замминистра Георгии Корниенко. Тепло отзывался о замах Игоре Земскове и Анатолии Ковалеве, огорчился, когда последний при Шеварднадзе стал принижать результаты работы прежнего министра и усердствовал в возвеличивании нового шефа. «Я о Ковалеве был лучшего мнения», — сказал он мне как-то. Тепло говорил о ветеранах дипломатической службы Иване Тугаринове и академике Сергее Тихвинском, о крупных

советских дипломатах Юлии Воронцове, Петре Абрахимове, Александре Бессмертных, Валентине Фалине, Юлии Квицинском, Михаиле Капице, Алексее Шведове, Леониде Замятине, Александре Солдатове.

Из иностранных политиков и дипломатов отец выделял госсекретарей США Генри Киссинджера и Сайруса Вэнса, министров иностранных дел ФРГ Вальтера Шееля и Вилли Брандта, итальянских премьер-министров Альфредо Моро и Аминторе Фанфани, британских премьеров Гарольда Вильсона и Гарольда Макмиллана.

В последние годы жизни он признал внешнеполитические достижения Ричарда Никсона и Франсуа Миттерана. Отец любил рассказывать о встречах с ними, вспоминал о смешных ситуациях. Например, когда Генри Киссинджер приезжал в Москву, то постоянно боялся подслушивания со стороны КГБ. Однажды во время встречи он указал на люстру, висевшую в комнате, и попросил, чтобы КГБ сделал ему копии американских документов, так как у американской делегации «вышла из строя» множительная техника. Отец в тон ему ответил шуткой, сказав, что люстры делались еще при царях и в них могут быть только микрофоны.

В повседневной жизни отец был скромн. Он предпочитал темные и серые костюмы, американские рубашки фирмы «Эрроу», любил синие галстуки, зимой носил серые каракулевые шапки, в мороз надевал теплую парку. Весной переходил на фетровые шляпы и на отдыхе на соломенные итальянской фирмы «Барсалино». Костюмы и пальто, как правило, шил из английской ткани.

К вещам привыкал, и, случалось, вся семья упрашивала его сшить себе новый костюм. В еде был сдержан и предпочитал небольшие порции. Очень любил хорошо заваренный чай с вареньем и сушками. Именно за чаепитием в семье часто возникали интересные беседы.

Помимо пеших прогулок отец любил плавание. Правда, заниматься этим ему удавалось только во время отдыха в Крыму. В Москве он никогда не посещал правительственный спортивный центр на Воробьевых горах. Прежним государственным руководителям в отличие от нынешних и в голову не приходило создавать для себя и своих друзей закрытые спортклубы. В Крыму, в Мухалатке, отец плавал каждый день по нескольку раз. После каждого заплыва он шел в беседку на пляже и своим любимым синим карандашом ставил галочку в специальной тетради. Когда отдых подходил к концу, подсчитывал общее число заплывов и объявлял результат.

На отдыхе каждое утро, спустившись на пляж, делал легкую зарядку с гантелями и шутливо показывал свои мышцы детям. В теннис отец не играл, но иногда приходил на корт и наблюдал за игрой родных. Однажды сам взял ракетку, предупредив, что у него сильный удар, размахнулся, ударил, и теннисный мяч улетел далеко за пределы корта в сторону моря.

Страстью Андрея Андреевича в течение многих лет была охота. Он начал охотиться при Хрущеве, но по-настоящему пристрастился к этому занятию при Брежневе. Меня на охоту с собой приглашал регулярно, и я, как правило, не отказывался, пока не случилось следующее. Однажды мы охотились под Серпуховом. Я стоял в цепочке охотников и неожиданно именно на меня вышло стадо лосей. Я выстрелил из гладкоствольного ружья с расстояния примерно в 50 метров, и, к моему удивлению, лось, в которого я целился, рухнул. Остальные бросились бежать в мою сторону, я еле успел спрятаться за стоящее рядом дерево. Мы подошли к сваленному лосю, и я был потрясен. Он плакал, из его больших черных глаз катились крупные слезы. Егеря стали поздравлять меня с удачей, а у меня на душе стало тоскливо. Видимо, мои

чувства отразились на лице. Отец о чем-то пошептался с егерями, и они в один голос заявили, что «зверя нынче столько развелось, что охота полезна, иначе лось погубит молодую поросль».

Отец сам положил конец моим колебаниям по части охоты. Как-то раз поехали мы с ним в Завидово на уток. Встали на заре, часа в четыре утра, в пять я уже сидел в камышах в плавающей бочке. Убаюканный тишиной, я заснул, прислонившись к ружью. Проснулся от страшного грохота: во сне умудрился нажать на спусковой крючок, и ружье выстрелило у правого уха. Даже испугаться не успел, только подумал: «Так погибают от несчастных случаев». Охота продолжалась, и я подбил несколько уток. Я не рассказывал отцу о происшедшем, но он словно чувствовал.

— Ты почему стрелял, когда уток не было? — спросил он строго. Пришлось рассказать.

— Не умеешь обращаться с оружием, растяпа, — в сердцах сказал отец и больше на охоту меня не брал.

Я всегда удивлялся скрупулезной точности и аккуратности отца, его чувству ответственности. Они проявлялись во всем. Я ни разу в жизни не видел его небритым.

В людях его раздражала расхлябанность. Его пунктуальность походила на немецкую. На отдыхе в Барвихе отец поскользнулся, упал и сломал правую руку. Встал вопрос, как ему подписывать документы, срочно сделали печатку с аналогом подписи. Следующие три месяца его постоянно можно было видеть с теннисным мячом в руке, которую он активно разрабатывал, чтобы скорее восстановить способность без труда писать.

Когда отец отошел от активной деятельности и вышел на пенсию, он прикрепил в спальне листок с распорядком дня:

— подъем 8.30 — завтрак

9.0 — прогулка

12.0 — работа

14.0 — обед

15.0 — работа

19.0 — ужин

20.0 — работа

24.0 — отбой

За два дня до того, как отца свалила болезнь, я приехал к нему на дачу. Мы пошли прогуляться. Он был в приподнятом настроении:

— Я закончил работу над вторым изданием мемуаров. Осталась мелочь...

Я собираюсь домой в Москву, вхожу в столовую, в проеме наружной двери вижу на ярко освещенной солнцем террасе отца. Он устроился в тени, в качалке, смотрит на милый его сердцу подмосковный лес. Через месяц ему исполнится 80 лет. Если бы я знал, что в добром здравии вижу отца в последний раз... Жизнь человека летит как стрела. У Андрея Громыко она была на излете.

Я горько переживал смерть отца. Вспоминается, как однажды, незадолго до смерти, он обнял меня и сказал: «Толя, помни, никогда нельзя унывать. Видишь, даже в мои года я не чувствую себя стариком. Физически люди умирают, а духовно — никогда. Надо верить».

Таким Андрей Андреевич Громыко остался в моей памяти — внимательный и строгий отец, преданный идее политик и выдающийся дипломат, решавший международные вопросы мирового масштаба во благо Отчизны.

ВЕЧЕР ПАМЯТИ А. Г. КОВАЛЕВА

(1923–2002 гг.)

По инициативе Ветеранской организации МИД России, при участии Ассоциации российских дипломатов и активной организационной поддержке Первого Европейского департамента в Министерстве состоялся Вечер памяти по случаю столетия со дня рождения блестящего советского и российского дипломата, бывшего первого заместителя Министра иностранных дел,

Чрезвычайного и Полномочного Посла Анатолия Гавриловича Ковалева. В Вечере приняли участие его коллеги и друзья, ветераны МИД и действующие сотрудники, в том числе молодежь. В зале, где проходил Вечер, Историко-документальный департамент развернул обширную выставку с уникальными фотографиями и документами, рассказывающими о жизненном и трудовом пути А.Г. Ковалева. Но главным все-таки были личные воспоминания участников.

Отчет о Вечере и выступлениях участников поместила на своих страницах газета общественных организаций МИД «Наша Смоленка: люди и дела». Вместе с тем, следуя установившейся традиции, редакция сборника публикует расширенные материалы того памятного события, ведущим которого выступил коллега Анатолия Гавриловича Чрезвычайный и Полномочный Посол Погос Семенович Акопов.

П. С. Акопов. Дорогие друзья, товарищи, коллеги, уважаемые гости! Совет ветеранов, Ассоциация российских дипломатов совместно с департаментами и другими подразделениями Министерства проводят встречи, посвященные памяти выдающихся отечественных дипломатов. Очень важно отметить, что эти мероприятия проводятся при активном участии родных и близких наших ушедших коллег. Такие встречи призваны, с одной стороны, сохранить память о тех наших предшественниках, которые внесли неоценимый вклад в историю отечественной дипломатии, а с другой стороны — передать молодому поколению богатейший опыт и знания этих людей.

Хочу напомнить, что мы уже провели встречи, посвященные памяти таких наших «корифеев», как А. Ф. Добрынин, О. А. Трояновский, В. В. Кузнецов, Ю. М. Воронцов, Ю. А. Квицинский, М. С. Капица, И. А. Рогачёв, М. Д. Сытенко, В. С. Лавров, ... Всех перечислить трудно.

Сегодняшняя встреча посвящена одному из наших выдающихся предшественников — Анатолию Гавриловичу Ковалёву. Анатолий Гаврилович более 40 лет проработал в Министерстве — с 1948 по 1991 год. Он многие годы был заместителем, а затем и первым заместителем Министра иностранных дел, вошел в историю нашей дипломатии как один из авторов многих важнейших документов международного

характера. Достаточно упомянуть его активное участие в подготовке и принятии Хельсинкского Заключительного акта, ряда важнейших Заявлений советского правительства и многих других документов. У меня лично осталось неизгладимые воспоминания об этом талантливом, неординарном человеке...

Помимо того, что Анатолий Гаврилович был блистательным дипломатом, профессионалом высочайшего уровня, являлся также высококультурным, всесторонне образованным, исключительно интеллигентным человеком. Он глубоко знал свою страну, ее историю, экономику, культуру, литературу и сам писал стихи, которые, как вы все знаете, получали положительные отклики.

Дорогие друзья, об Анатолии Гавриловиче я мог бы долго говорить, поскольку сам работал под его началом. Но дадим возможность высказаться другим коллегам. Хочу предоставить слово Студенникову Артему Игоревичу и, пользуясь случаем, от имени наших коллег и от себя лично поздравить его с назначением на должность директора Первого Европейского департамента.

А. И. Студенников. Спасибо большое. Уважаемые коллеги, дорогие друзья, без всякого лицемерия хочу сказать, что для меня, с одной стороны, это большая честь выступать перед вами. А, с другой стороны, я не без некоторой робости вышел к этой трибуне, чтобы открыть сегодняшний Вечер, учитывая масштаб личности Анатолий Гавриловича Ковалёва и присутствие здесь стольких опытейших дипломатов, заместителей Министра, послов. Когда я готовился к этой встрече, невольно вспомнил строчку из известнейшего стихотворения М. Ю. Лермонтова «Да, были люди в наше время...» И это как раз об Анатолии Гавриловиче — выдающемся профессионале, к которому мы, современное поколение мидовцев, относимся с огромным пиететом.

Время бежит стремительно, неумолимо. Я пришел в МИД в 1991 году, то есть именно тогда, когда Анатолий Гаврилович завершал свою карьеру в Министерстве. Я никак с ним не пересекался, начинал трудовую деятельность на африканском направлении, но, когда мы приступили к подготовке этого Вечера, многое узнал об этом человеке, в немалой степени благодаря воспоминаниям его товарищей, коллег. Впечатлен был его поэтическим творчеством. Можно смело сказать, что он был популярным поэтом-песенником. Песни на его стихи исполняли звезды как советской, так и современной российской эстрады. Вот такая это была многогранная и масштабная личность. Не говоря уж о его дипломатическом опыте, вкладе в важнейшие внешнеполитические достижения нашей страны...

Хочу также подчеркнуть глубокий символизм этой встречи. Ведь чувствуя сегодня память Анатолия Гавриловича, мы связываем времена невидимой нитью. Подчеркну, что это мероприятие готовили — в том числе — наши самые молодые дипломаты, которые еще меньше, чем я соприкасались с той эпохой. Наш Первый Европейский департамент и конкретнее отдел Франции, за который я еще совсем недавно отвечал как заместитель директора, вложил душу в организацию сегодняшнего Вечера. И для меня очень важно, что именно молодые дипломаты так увлеченно занимались подготовкой сегодняшнего события. Хочу от имени коллег поблагодарить это новое поколение, которое придет и моему поколению на смену.

Мы храним память о тех, кто уже давно ушел, и являемся продолжателями их дела, а они были продолжателями дела тех, кто предшествовал им. Необходимо сохранять эту связь времен, память о наших коллегах и не только о крупных дипломатах, но и о тех, кто пусть и не оставил такой неизгладимый след в нашей внешней политике, но честно трудился

на протяжении десятков лет на благо Родины. Сегодня, вспоминая Анатолия Гавриловича Ковалёва, могу заверить, что мы и впредь будем бережно хранить память обо всех наших ветеранах, уделять внимание всем тем, кто с нами, и помнить о тех, кто ушел. Это наш человеческий и профессиональный долг.

П. С. Акопов. Спасибо, Артем Игоревич! Сейчас, друзья, перед нами выступит по видеоконференцсвязи Чрезвычайный и Полномочный Посол Адамишин Анатолий Леонидович. Напомню, что он был заведующим Первым Европейским отделом в 1978–1986 гг., заместителем Министра в 1986–1990 гг., первым заместителем Министра в 1992 г.

А. Л. Адамишин. Дорогие мои коллеги! Я очень рад, что Вы меня пригласили. Под началом Анатолия Гавриловича Ковалёва я проработал 25 лет без перерыва в центральном аппарате нашего дорогого Министерства. А начиналось это так. Я зачитаю Вам одну выдержку, сам вычитал ее в мемуарах Ковалёва. *«Вскоре, после того, как я приступил к работе (я — А. Г. Ковалёв), в мой кабинет вошёл А. Л. Адамишин, второй секретарь Первого Европейского отдела. Он обратился с просьбой разрешить ему уйти из МИДа на научную работу. На вопрос: "Чем вызвана такая просьба?", он прямо ответил: "Не согласен с нашей политикой в отношении Италии". А. Г. Ковалёв пишет: «Я не стал отговаривать его, просто попросил повременить хотя бы с месяц, посмотреть, как пойдут дела на итальянском направлении, а потом принимать решение».* Вот такая мудрость А. Г. Ковалёва — «повременить», «посмотреть», а по сути — одуматься — отвела меня от научной работы, которая мало как могла способствовать делу в те времена...

Хочу вспомнить и о другом случае — визите Андрея Андреевича Громыко в Италию. Я был крепко связан с Италией, переводил Андрею Андреевичу. Его сопровождали два

«золотых» мужа нашей дипломатии — Анатолий Гаврилович Ковалёв и Валентин Михайлович Фалин. Это было истинное удовольствие работать с такими людьми, они грамотно анализировали происходящее, мастерски выстраивали обстановку. Работа была напряженная, но были и моменты отдыха, когда мои старшие коллеги не обходились без шуток. В один из таких моментов Анатолий Гаврилович говорит: *«Вот, я стихи сочинил:*

*«Средь античных развалин и флорентийских видов
Даже Фалин кажется Давидом».*

А Фалин вообще-то не тянул на это описание. Однако Андрею Андреевичу Громыко, который присутствовал при этом, явно понравилась эпиграмма. И он просит Ковалёва повторить ее, тот повторяет еще два-три раза, Громыко тогда чётко запоминает и ждёт ответа от Фалина. Но ответ последовал только на следующий день:

*«Стать дипломатом — дело плёвое,
Читайте азбуку Ан. Ковалёва».*

Как раз в это время вышла книга Анатолия Гавриловича Ковалёва, которая так и называлась — «Азбука дипломатии»...

Это был период, когда мы работали на разрядку, на снижение напряжённости, и весь настрой был весьма интересным. Но, как известно, не всё пошло так, как хотелось. Анатолий Гаврилович Ковалёв был убеждённым, что называется, «разрядочником», убеждённым сторонником улучшения отношений со странами не только Востока, но и Запада. Он не особенно критиковал нашу политику в те годы, но когда дело сводилось к какой-то «перебранке», просто говорил: «Я не понимаю». И это означало, что что-то действительно было ему не по душе. Ведь даже тогда «разрядочные» настроения часто сменялись периодами обострения. Так что первое качество, которое я бы выделил у Анатолия Гавриловича — это истинная и твёрдая убеждённость, вера в то, что только

на этом пути мы можем добиться успеха. Хочу еще отметить, что «либерал» Ковалёв, как порой его называли, собирал вокруг себя людей, которые были ему близки по духу. Он действительно воспитал, целый, я бы сказал, «сонм» наших крупных дипломатов... Но должен признаться, что работать со мной ему иногда было не так-то легко. Когда меня задержали в МИДе, и я не пошёл в аспирантуру, учебу не оставил — пропадал на сколько-то часов, возвращался, а Ковалёв меня спрашивает: «Где Вы были?». Отвечаю: «Английским языком занимался». А он мне: «Да за это время китайский можно было выучить».

Взаимодействие с Анатолием Гавриловичем продолжалась. К сожалению, время, на которое пришлось последние годы его работы в МИДе — уже при Б. Н. Ельцине — не было простым. Хотел он было уехать послом в Швейцарию, но не получилось. И, насколько могу судить, — правда, весьма отдалённо, поскольку меня в тот момент не было в Москве — его последние годы, были довольно тяжёлыми и в личном плане. Однако, несмотря на все сложности, А. Г. Ковалёв оставался оптимистичным, энергичным, целеустремленным, каким и был всегда. Анатолий Гаврилович лично для меня останется, крупной фигурой, высочайшим профессионалом и, пожалуй, лучшим выразителем политики разрядки.

П. С. Акопов. Спасибо, Анатолий Леонидович! Мы ожидаем, что в следующий раз Вы здесь с нами очно будете отмечать очередной юбилей наших коллег. Здоровья Вам и дальнейших успехов в написании мемуаров.

А. Л. Адамишин: И Вам спасибо за добрые слова...

П. С. Акопов. А мы переходим к следующему участнику... Сейчас зачитаем адрес от нашего посла в Италии, предыдущего директора Первого Европейского департамента, **Алексея Владимировича Парамонова.** Вот что он написал:

«18 мая 2023 года исполняется 100 лет со дня рождения Анатолия Гавриловича Ковалёва — выдающегося советского дипломата, опытного наставника, творчески одарённого поэта и писателя. Его яркий жизненный путь сложно свести к какой-то одной конкретной сфере. Это был человек большого таланта, проявивший себя в многочисленных, самых разных ипостасях с одним общим знаменателем — безграничной любовью к Родине, стремлением посвятить всю свою жизнь служению интересам России. Дипломатам-международникам Анатолий Гаврилович Ковалёв запомнился, прежде всего, как человек, ставший подлинным архитектором европейского направления отечественной внешней политики. Неоценим его вклад в достижение разрядки в Европе, продвижение идей мирного сосуществования и добрососедства. Под его талантливым руководством Первый Европейский отдел МИД СССР, наследником которого ныне является Первый Европейский департамент МИД России, закрепил за собой звание одного из наиболее востребованных и компетентных территориальных подразделений внешнеполитического ведомства. Признанный эксперт в вопросах европейской дипломатии, образец профессионализма, честности и искренности, Анатолий Гаврилович Ковалёв не только снискал заслуженное уважение у работавших с ним коллег, но и стал достойным примером для подражания для многих поколений советских, а затем и российских дипломатов. Его заветы любви к Отчизне, самоотверженности и долгу остаются ориентиром в нашей дипломатической работе и сегодня».

Посол России в Италии и Сан-Марино,
Алексей Владимирович Парамонов,
Рим, 17 мая 2023 года.»

П. С. Акопов. Спасибо! А сейчас зачитаем Адрес от нашего посла в Нидерландах — Шульгина Александра Васильевича:

«Уважаемые коллеги! Анатолий Гаврилович Ковалёв по праву принадлежит к плеяде советских дипломатов, чей талант и самоотверженное служение Родине оставили выдающийся след в истории нашей дипломатической службы.

Он начал свой путь кадровым сотрудником Министерства иностранных дел в непростые послевоенные годы, когда страна нуждалась не только в восстановлении народного хозяйства, но и выстраивании заново внешнеполитического курса с учётом складывающихся международных реалий. Анатолий Гаврилович стал одним из представителей новой волны советской дипломатии, востребованных в эпоху начала холодной войны.

Казалось, что мы совсем недавно собрались вместе на Вечер памяти, посвящённый 90-летию со дня рождения Анатолия Гавриловича. Трудно представить, что минуло целое десятилетие. Мы стали свидетелями тектонических сдвигов международной обстановки, роста новых центров силы многополярного мира, изменений политического ландшафта в Европе и США. Я могу сказать с полной уверенностью, что на этом фоне выдающееся качество А. Г. Ковалёва — работоспособность, эрудированность, требовательность к себе и коллегам, тщательность в подготовке документов станут для нынешних молодых дипломатов примером образцового выполнения задач по продвижению внешнеполитической повестки нашей страны и укрепления позиций российской дипломатии в мире.

Анатолий Гаврилович был основателем особого стиля дипломатического общения. Один из его фирменных приёмов заключался в том, что он старался использовать в беседах с иностранными представителями яркие обороты — нестандартные выражения, таким образом привлекая

дополнительное внимание собеседников, настраивая их на живое, заинтересованное общение. Эти приёмы успешно срабатывали, и начатые в традиционной атмосфере дипломатические переговоры приобретали живость, помогали ведению откровенного диалога.

Светлый образ Анатолия Гавриловича Ковалёва неотделим от его литературной деятельности. Он — автор поэтических сборников, его отличал особенный, только ему присущий стиль стихотворных произведений. Буквально в две-три фразы он передавал глубину чувств, поиск смысла жизни. Насколько известно, он сотрудничал с известными в то время исполнителями, для которых писал слова к песням. Его интересовало, как молодое поколение воспринимает эту поэзию, звучащую в выступлениях известных солистов.

А. Г. Ковалёв всегда был на острие нашей дипломатической активности, неоднократно выполнял ответственные поручения руководства МИД, передавал иностранным лидерам послания руководства СССР. В частности, в 1986 году он встречался с тогдашним премьер-министром Швеции У. Пальме, и передал ему наши соображения в связи с выдвинутой в то время инициативой продвижения к безъядерному миру. Фактически, он был последним советским представителем, кто видел У. Пальме живым. Спустя короткое время швед погиб от руки экстремистов.

Вполне можно говорить о сложившейся в те годы школе Анатолия Гавриловича. На него равнялись как маститые дипломаты, так и молодые люди, только делавшие первые шаги в дипломатии. Для тех, кто работал под его руководством, он был мудрым наставником и учителем.

В целом, можно говорить о том, что Анатолий Гаврилович вписал яркую страницу в историю советской дипломатии на европейском направлении, особенно в то бурное время, когда зарождались политическая разрядка, велась

подготовка к принятию Хельсинского документа. Достигнутые тогда договорённости с западными странами стали краеугольным камнем для создания новой, более безопасной архитектуры международных отношений на континенте. На многие годы вперёд был заложен фундамент отношений нового типа, равноправных, при взаимном учёте интересов сторон. Таким человеком, преданным своему делу, всецело отдававшимся работе, он и останется в наших сердцах.

Александр Шульгин».

П. С. Акопов. А вот какой адрес мы получили от Александра Алексеевича Авдеева — нашего бывшего Посла в Ватикане, бывшего заместителя Министра, первого заместителя Министра иностранных дел, а затем и Министра культуры.

«Хотел бы выразить признательность инициаторам Вечера памяти Анатолия Гавриловича Ковалёва — одного из главных «архитекторов» благотворного периода в нашей внешней политике, именуемого как строительство «общеевропейского дома» или «Хельсинский процесс».

По поручению Андрея Андреевича Громыко Анатолий Гаврилович многие годы возглавлял работу МИДа по переводу европейского направления внешней политики на новую модель. В её основе был вывод о том, что, несмотря на военно-политическую конфронтацию тех лет, поколению победителей, сохранивших в памяти традиции союзничества, под силу выстроить в Европе новую систему доверия, безопасности и сотрудничества.

Анатолий Гаврилович стал главным координатором, я бы сказал, «душой» сложной дипломатической подготовки Общеευропейского совещания и работы над текстом Хельсинского Заключительного акта.

Его прозорливость и редкая политическая интуиция позволили выстроить и уникальный для своего времени

феномен — советско-французское политическое согласие и партнёрство. Во многом с нашей подачи Париж осознал, что сохранить реальный статус Франции как великой державы, можно только в условиях обеспечения советско-американского военного равновесия, неучастия Парижа в военных органах НАТО и развития особых предпочтительных отношений с СССР.

В тот период французы стали нашими главными партнёрами по продвижению в жизнь Хельсинских договорённостей и строительству «новой Европы от Атлантики до Владивостока».

Под руководством Анатолия Гавриловича Ковалёва работа по этому сценарию позволила в течение десятилетий эффективно обеспечивать национальные интересы нашей страны на европейском направлении.

Блестящее перо, глубокий аналитик, ювелирно чувствовавший силу слова и фразы, он считал дипломатическую профессию творческим, высокоинтеллектуальным трудом.

Общение Анатолия Гавриловича с начинающими дипломатами, скорее, напоминало консультацию крупного учёного с молодыми аспирантами. Уважение к подчинённому любого ранга, полное отсутствие командного стиля, желание привлечь собеседника к нахождению подходящего аргумента, оброта, поворота мысли — это и есть «стиль Ковалёва», сформировавший школу его учеников. Из-под отеческого крыла Анатолия Гавриловича вышла целая группа замечательных советских и российских дипломатов — это Ю. В. Дубинин, А. Л. Адамишин, А. И. Глухов, Н. Н. Афанасьевский, А. К. Орлов, А. В. Шульгин и многие другие.

Сейчас для нас, учеников Ковалёва, настало иное время. Западом оказался погран замечательный проект «общиеевропейского дома». Но, несомненно, что этот уникальньй опыт прошлых лет, его наработки, политические и дипломатические

итоги, безусловно, будут востребованы в арсенале российской внешней политики.

Таких подвижников, как А. Г. Ковалёв, в истории нашей национальной дипломатии не так много, но именно они остаются примером понимания главных смыслов нашей профессии и служения Родине.

Александр Алексеевич Авдеев.»

П. С. Акопов. Спасибо! Обращение Директора Департамента общеевропейского сотрудничества МИД **Николая Сергеевича Кобринца** и коллектива Департамента зачитает советник ДОС — Антипин Станислав Владимирович.

«Уважаемые коллеги, дорогие друзья! Сегодняшний Вечер, посвящённый памяти Анатолия Гавриловича Ковалёва, даёт возможность вспомнить о его незаурядной дипломатической судьбе, а также вернуться в эпоху, когда слова «разрядка», «общеевропейский процесс», «хельсинские принципы» были не пустым звуком. Они вселяли надежду, что разделённый между Организацией Варшавского договора и НАТО после Второй мировой войны континент, будет жить как «общеевропейский дом». Дом, в котором для каждого гарантирована неделимая и равная безопасность, а сотрудничество осуществляется на равноправной и взаимовыгодной основе. Прийти к этой цели предстояло через Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе.

В качестве курирующего заместителя Министра иностранных дел СССР, А. Г. Ковалёв являлся непосредственным участником Совещания и внёс огромный вклад в двухлетний переговорный процесс, увенчавшийся подписанием 1 августа 1975 г. в Хельсинки Заключительного акта СБСЕ.

Благодаря усилиям советских дипломатов удалось достичь исторического прорыва по сближению государств, принадлежавших к разным политическим системам. Залогом

успеха тогда стала воля сторон к диалогу и умение находить взаимоприемлемые решения. Для его достижения трудились люди, познавшие ужасы самого кровавого конфликта за всю историю человечества. Они трепетно относились к миру, знали цену международному согласию, стремились обеспечить безопасную жизнь для следующих поколений.

В 1990 г. под непосредственным кураторством Анатолия Гавриловича в качестве первого заместителя Министра иностранных дел, была подписана Парижская хартия для новой Европы, основополагающий для СБСЕ/ОБСЕ документ. Его суть и стратегический замысел следуют из заголовка преамбулы — «Новая эра демократии, мира и единства». В Хартии подводилась черта под «эрой конфронтации и раскола», зафиксирован принцип неделимости безопасности на евроатлантическом пространстве, признана необходимость «нового качества политического диалога и сотрудничества». Это был общий и искренний порыв к новому качеству отношений, как на Востоке, так и на Западе. Дул ветер перемен, одним из инициаторов которого и был Анатолий Гаврилович Ковалёв.

К сожалению, сегодня потенциал СБСЕ/ОБСЕ почти полностью растерян. В венской организации нет ни доверия, ни готовности к сотрудничеству. Налицо глубочайший кризис, и абсолютно не ясно, способен ли западный лагерь отойти от русофобских установок, подрывающих основополагающие принципы и правила работы ОБСЕ. Убеждены, что её развал не отвечает интересам нашей страны. Не так видели судьбу Организации её создатели, которые верили, что этот форум будет работать на благо всех без исключения государств-участников.

В нынешних сложнейших условиях незаурядный дипломатический талант Анатолия Гавриловича Ковалёва, его профессионализм и приверженность делу остаются для нас достойным примером искреннего служения Отечеству.

Директор Департамента общеевропейского сотрудничества,

Николай Сергеевич Кобринец,

18 мая 2023 года.»

П. С. Акопов. Слово предоставляется Евгению Георгиевичу Кутовому — Послу в отставке, профессору Дипломатической Академии МИД России.

Е. Г. Кутовой. Вы знаете, в самом начале своего выступления, Погос Семёнович, как ведущий Вечера, очень правильно оценил значение нашего мероприятия и, в частности, той проблемы, которую мы всегда с большим удовольствием активно обсуждаем. Это — деятельность тех людей, с которыми мы работали многие годы подчас по разным направлениям, но с едиными целями. И очень важно оценить правильность работы этих людей, то, что и как они делали. Знаете, я бы рекомендовал в этой связи посмотреть одну из работ Валентина Фалина «Без скидок на обстоятельства». Это — серьёзная работа, потому что именно в ней он оказывается близким в практических делах с Анатолием Гавриловичем. Ковалёв после окончания Института международных отношений в 1948 году и после зарубежных командировок долго работал во главе Управления по планированию внешнеполитических мероприятий. Это был период после отставки Н. С. Хрущёва и прихода Л. И. Брежнева, когда такое Управление было создано. Его создание много дало тогда для разработки новых направлений в деятельности Министерства и в решении тех задач, которые возникали перед нашим государством. В этом плане его — как начальника Управления — высоко ценил Андрей Андреевич Громыко. Андрей Андреевич вообще высоко оценивал дипломатическую деятельность и способности Ковалёва, часто поручал ему готовить отдельные разного рода соображения, а потом и проекты своих выступлений

и на Генеральной Ассамблее, и на других крупных международных форумах. Мне думается, что уважительное отношение к Анатолию Гавриловичу просматривается и в тех двух книгах, которые опубликовал Андрей Андреевич, где помещено множество фотографий, среди которых Вы увидите также фотографии Министра с Анатолием Гавриловичем.

...Сам Анатолий Гаврилович — прежде всего преданный идеям нашего государства политик, активно участвовавший в успешном решении многих международных вопросов мирового масштаба во благо Советской Отчизны. Важным его достоинством, на мой взгляд, было то, что он относился к разряду тех дипломатов, которые считали, что лучше проводить международные дискуссии и спорить по острым проблемам, разделяющим государства, с целью поиска взаимоприемлемых решений, чем решать их с помощью силы. Это — очень важная черта в работе Анатолия Гавриловича.

А. Л. Адамишин назвал Ковалёва человеком, который целиком посвятил себя перестройке. Это был очень сложный период, когда ломался Варшавский договор, когда возникали сложности с Германской Демократической Республикой, когда мы воссоединили две страны — две Германии, причём с нарушениями, которые допускались в тот период. Так, однажды посол В. И. Кочемасов докладывал в Москву о том, что представители ГДР получили сообщение о намерении изменить характер государственной границы между ГДР и Западным Берлином. Кочемасов запрашивал инструкции. И по телефону Анатолий Гаврилович спокойно дает ему совет, что это, прежде всего, вопрос самой Германской Демократической Республики и она должна решать этот вопрос сама. Но В. И. Кочемасов сказал, что устного ответа недостаточно, необходим письменный. Проходит после этого день, второй, третий, на четвертый Кочемасов наконец получает соответствующее сообщение — письменное из Москвы, причём до сих пор

никто не знает, то ли его подписал Э. А. Шеварднадзе, то ли А. Г. Ковалёв...

Мне лично довелось работать под началом Анатолия Гавриловича, и я скажу, что это было непросто. Мы готовили разного рода документы, очень важные документы. У него были повышенные требования, он и сам делал очень многое.

А потом пришёл Э. А. Шеварднадзе. И вот Анатолий Гаврилович стал обучать его международной деятельности, потому что Э. А. Шеварднадзе не знал языка, не имел опыта работы с представителями — министрами иностранных дел других государств. Ковалёв сделал очень много, настраивая Шеварднадзе на нужную линию на международных переговорах, хотя мы знаем, что не всегда всё у Э. А. Шеварднадзе получалось...

Конечно, мы высоко ценим и писательскую деятельность Анатолия Гавриловича. Здесь на столе лежат его известные работы, книги — «Азбука дипломатии» и некоторые другие. А еще он был поэт и написанные им стихи интересные, примечательные.

Что мне кажется особенно важным сказать о деятельности Анатолия Гавриловича так это то, что он лично уделял большое внимание профессиональной карьере своих талантливых коллег — что бы с ними ни случилось. Мне вспоминается разговор по телефону с Анатолием Гавриловичем. Когда я работал в моем кабинете в МИД с документами уже поздно вечером, раздался звонок по правительственной связи, и Анатолий Гаврилович спросил: «У Вас в Отделе нет вакантной должности главного советника по внешней политике? Хотели бы предложить ее для Ю. А. Квицинского». Вы помните трагедию уважаемого человека, Ю. А. Квицинского, который, будучи первым заместителем Министра иностранных дел в тот период, направил одну депешу, я не буду вдаваться во все тонкости, но депешу, которую изначально

должен был подписать Министр или Ковалёв. Но Анатолий Гаврилович «сбросил» ее Ю. А. Квицинскому, и тот отправил депешу по всем нашим Посольствам, за что был снят с поста первого заместителя Министра иностранных дел... Мы сразу же нашли для Квицинского вакантную должность по — фактически — ходатайству Анатолия Гавриловича.

Потом, спустя годы, мы встретились с Квицинским, когда его назначили послом в Норвегию. В тот момент у меня тоже была командировка в эту страну. Мы вспоминали с ним Анатолия Гавриловича, и приходили к выводу о том, что при всех его высоких качествах и талантах, конечно, ему было трудно, он шёл по трудной дипломатической дороге. Давайте помянем этого великого человека, Анатолия Гавриловича, который сделал много для страны, Может, получалось что-то не так, как надо, но — тем не менее — он решал вопросы и воспитывал подрастающее дипломатическое поколение нашего государства. Очень приятно, что здесь присутствуют молодые люди, и мы пожелаем, чтобы они всегда помнили об этом великом дипломате.

П. С. Акопов. Спасибо, Евгений Георгиевич! Сейчас попрошу зачитать адрес, направленный нашим добрым коллегой, послом в отставке, Алексеем Гайковичем Дульяном.

«С Анатолием Гавриловичем Ковалёвым я был знаком с 1969 г. Тогда он был заведующим 1 Европейским отделом. А в 1979 г. по его предложению я пришел на работу в Секретариат Анатолия Гавриловича, ставшего заместителем Министра.

Для меня это была отличная профессиональная школа, возможность детально ознакомиться, понять, прочувствовать непростой механизм деятельности отечественной дипломатии. Хотел бы отметить, что А. Г. Ковалёв был одновременно руководителем элитного подразделения УПВМ,

своего рода «МИД в миниатюре» и мозгового центра, где готовились прогнозы и уникальные инициативы по различным аспектам внешней политики нашей страны, соображения по их реализации.

Приоритетное место в деятельности А. Г. Ковалёва занимало европейское направление. Его имя неотделимо от процесса ОБСЕ, Хельсинского Заключительного акта, других основополагающих документов периода разрядки.

Анатолий Гаврилович запомнился мне, как масштабная личность, государственный, обладающий концептуальным видением, способностью принимать быстрые, нестандартные решения. Он был требователен к себе и к тем, кто с ним работал. Был творческим, разносторонне одаренным человеком. Его книга «Азбука дипломатии» служила и служит сегодня полезным пособием для целого ряда поколений отечественных дипломатов. Поразительно, что при огромной профессиональной загруженности А. Г. Ковалёв писал талантливые лирические стихи, был автором нескольких стихотворных сборников.

В целом, трудно переоценить тот вклад, который активно вносил Анатолий Гаврилович в осуществление внешней политики нашей страны, продвижение ее интересов. И это высоко ценилось руководством государства.

Полагаю, светлая память об А. Г. Ковалёве будет оставаться ярким примером служения Отечеству, самоотдачи, творческого подхода к делу, высокого дипломатического мастерства».

А. Г. Дульян,

Посол в отставке.

П. С. Акопов. Спасибо большое! Теперь слово предоставляется Игорю Александровичу Шпынову, который в свое время работал помощником А. Г. Ковалёва.

И. А. Шпынов. Спасибо! У меня было в то время два начальника — Анатолий Гаврилович, конечно, и Ранних Александр Александрович, как раз он присутствует на сегодняшнем мероприятии по видеоконференцсвязи, я его приветствую.

Хотел бы рассказать о специфике общения с А. Г. Ковалёвым. Вы же прекрасно помните, что многие боялись прийти к нему, представить бумагу, обсудить ее, потому что у него был особый стиль. Это была совершенно уникальная личность, он очень любил слова, их красоту и то, как они формируются. Наверное, тот уровень дипломатического мастерства, которым он владел, во многом основан и на его поэтическом даре, потому что он умел сочетать таким определенным образом слова, чтобы они гармонично выстраивались в концепции, в идеал дипломатии, гармонии. Читайте «Азбуку дипломатии» А. Г. Ковалёва — она именно об этом.

Я писал песни на стихи дипломата А. Г. Ковалёва и, когда работал в Женеве, у меня был его сборник «Стихи». Там, например, были такие строки:

«Что-то бурное, что-то тайное,
Ты, Женева в себе сберегла,
Камень Байрона, камень Байрона
На твоих берегах».

Потом была еще песня, которая показывает, каким Анатолий Гаврилович был романтиком:

«Там, где я не был,
Чайное небо,
Необычайное,
Небо чайное».

Были у него и глубокие философские вещи, осмыслившие жизнь, то, что происходит вокруг:

«Могилы забытые, могилы брошенные,
Дождями мытые, грозами битые,
Снежком запорошенные...»

И далее:

«Не забудьте нас, не забудьте,
Мы ведь одних кровей.
И высвечиваются незабудки
В самой высокой траве».

Хотел бы рассказать про один интересный случай. Московская программа телевидения должна была снимать сценку, как в доме диктора телевидения — моя супруга была диктором телевидения тогда — празднуют 8 марта. И было предложение исполнить песню на стихи Анатолия Гавриловича, которая была написана мною именно к 8 марта — «Две ветви», её потом еще ансамбль «Пламя» исполнял. Но перед исполнением нужно объявлять авторов — меня и автора слов. Со мной все просто, а как быть с Анатолием Гавриловичем, ведь он ничего не знал об этой песне. Сергей Карпов, который в то время был помощником, говорит: «Ты сходи сам, потому что объяснить Ковалёву, когда он завален бумагами, ряд — на 40 папок, второй ряд — на 30 папок, он сидит и что-то пишет, — ну. сам понимаешь...». Я захожу и говорю: «Анатолий Гаврилович, я пишу песни, — он машет головой время. — Песни будут записаны на телевидении, проблемы никакой нет». Он продолжает писать. «Только стихи — ваши». Ковалёв оставался. Я говорю: «Со мной проблемы нет, эту песню я написал, но мне надо знать, как Вас объявить». Он говорит:

«А что за песня?» Отвечаю: «Две ветви». Он говорит: «Туда я дописывал ещё припев». Я говорю: «Мне ничего не надо дописывать, у меня всё это есть». «Вот так и объявите»

В итоге такая песня вышла (поет, аккомпанируя себя на гитаре):

«Взгляд вопрошающий твой ловлю,
Ты не придумывай и не гадай,
Я любил тебя и люблю,
И буду любить всегда.
Я любил тебя и люблю,
И буду любить всегда.
Пусть время летит —
Оно, не бескрыло,
Но неразрывно судьба нас свела.
Видишь сосна — за окном как лира.
Мы две ветки, мы две ветки,
Мы две ветви одного ствола.
Сам ли тебя я в жизни нашёл,
Ты однажды открыла меня,
Но срослась душа с душой,
На зябком ветру звеня.
Перебираю и тереблю
Струны, протянутые сквозь года,
Повторяют они «люблю»,
И буду любить всегда.
Пусть время летит —
Оно, не бескрыло,
Но неразрывно судьба нас свела,
Видишь сосна за окном, как лира,
Мы две ветви её ствола».

Вот такая песня! И совместное творчество с Анатолием Гавриловичем.

П. С. Акопов. Игорь Александрович, спасибо большое! Сейчас я предоставляю слово Сергею Борисовичу Крылову. Вы все его знаете, нашего бывшего посла в ФРГ, заместителя Министра, Постоянного представителя при международных организациях в Женеве, профессора.

С. Б. Крылов. Спасибо большое. Мне очень приятно видеть всех вас здесь, очень приятно видеть своих коллег и приятно слышать добрые слова в адрес Анатолия Гавриловича. Все выступавшие вспоминали его как «разрядчика», как человека, который многое сделал для Хельсинкского процесса и для общеевропейского процесса в целом. Я бы хотел вспомнить немножко другое, самое начало его пути. После окончания института в 1948 г. он работал в Германии. Причем работал с таким весьма сложным и очень опытным, тонким человеком, как В. С. Семенов. Был у него помощником. Но что значит быть помощником? Есть две возможности: одна — приносить бумажки и уносить их с резолюциями, передавать их, другая — стараться воздействовать на те решения, на те обсуждения, на те возможные выводы, которые делает непосредственный начальник. А. Г. Ковалёв всегда отличался именно этим, вторым качеством. Он не просто читал бумаги. Он не просто их носил в одну и вторую сторону. Он пытался воздействовать на происходящее. 1953 год — всего пять лет, как он окончил институт — выступление трудящихся в Берлине, в ГДР, против тех порядков, которые существовали в этой стране. Военные, естественно, предлагали ввести войска и подавить это восстание. Анатолий Гаврилович, видимо, был одним из тех немногих, кто, предвидя, чем это все обернется, возражал против такого решения. Это записано и в его мемуарах, это есть и в других публикациях. Вот такая его позиция была в то время. Я сам не работал напрямую с Анатолием Гавриловичем, но на протяжении многих лет имел возможность читать те документы, которые

он представлял Министру. Я в то время работал в Секретариате Министра. И я всегда поражался тому, как четко он излагал мысли на бумаге, той глубоко продуманной аргументации, которой он всегда завершал свои мысли и тем, что он не ограничивался текущими делами. В каждую свою бумагу он пытался заложить мысли о том, что будет дальше, какие последствия может вызвать то или иное решение...

Мы все хорошо помним Анатолия Гавриловича, мы, и я думаю и следующие поколения, которое работают в МИДе, помнят что он сделал и как он это делал. Но будучи в Германии я убедился в том, что его хорошо помнят и немцы. В одном из разговоров с Вальтером Шеелем, который впоследствии был и президентом Германии, и короткое время совмещал президентство с канцлерством, он вспоминал 1969–1970 гг., когда вырабатывался Московский договор, и он мне рассказывал о тех встречах, которые тогда проходили. Естественно он больше внимания уделял своему непосредственному партнеру А. А. Громыко, но он помнил А. Г. Ковалёва, и он помнил, как Анатолий Гаврилович изобретательно улучшал тот проект, который обсуждался в то время, и который вылился в Московский договор. И вот наконец последнее — тоже связанное с Германией — это уже вторая половина 1980-х гг., когда пришел Э. А. Шеварднадзе. Вы все помните, кто работал в то время, что одна из вещей, которую он сделал, исходя из разного рода идеологических устремлений, — он решил несколько «перетрясти» структуру МИД, а наше Министерство одно из самых консервативных, и правильно консервативных. Структура складывалась не просто так. Она складывалась, исходя из хорошо продуманных вещей. Э. А. Шеварднадзе решил, что это неправильно, что европейские и азиатские социалистические страны находятся вперемешку со странами «проклятого Запада», и почему ГДР — наша опора в те годы — соседствует

в Третьей Европе с Западной Германией и с Западным Берлином, не говоря уже о других странах. Решил «вырвать» и перенести ГДР в создаваемое Управление социалистических стран. Насколько я помню, Анатолий Гаврилович был тогда одним из немногих, кто возражал против этого, и возражал не просто так, а возражал аргументированно, исходя из проблематики Западного Берлина. Ведь, как с ним быть? Перенести его с ФРГ? Это противоречит нашей позиции, это не часть Западной Германии. Перенести его вместе с ГДР в Управление соцстран Европы? С нами никто из западников не будет разговаривать по германскому вопросу. Германский вопрос, видимо, всегда занимал Анатолия Гавриловича, на протяжении всей его жизни, хотя он и переключался на другие участки, как вы знаете. Я думаю, что человек, посвятивший столько лет Европе, столько лет Франции, которую он очень любил и которой он серьезно занимался, он, конечно, хорошо и внимательно прочитал мемуары Шарля де Голля и запомнил мысль, которую он неоднократно повторял нам, молодежи — «думайте о будущем, будущее длится долго, и то решение, которое вы примете сейчас, повлияет на то, что будет в дальнейшем». Анатолий Гаврилович всегда старался в своих решениях, в своих предложениях исходить из того, что они помогут тем, кто придет потом.

П. С. Акопов. Спасибо Сергей Борисович! Уважаемые коллеги, нам поступило также обращение к 100-летию А. Г. Ковалёва от наших коллег в Финляндии — Посла России П. М. Кузнецова, советника-посланника Л. В. Анисимова и Посла в отставке А. А. Ранних, который участвует в нашем сегодняшнем мероприятии по видеоконференцсвязи. Прошу зачитать.

«В этом году исполняется 100 лет со дня рождения Анатолия Гавриловича Ковалёва — человека, который внёс большой

вклад в историю и развитие России. Блестящий советский и российский дипломат — везде, где он работал, А. Г. Ковалёв оставил в памяти коллег глубокий, незабываемый след, как гражданин и высокий профессионал.

За пределами МИД России А. Г. Ковалёва знают как одного из авторов идеи общеевропейского дома, проложившего непростой путь от конфронтации к разрядке в отношениях между Востоком и Западом. Он лично внёс неоценимый вклад в процесс вывода международных отношений из состояния холодной войны.

Для нас же, сотрудников Министерства, А. Г. Ковалёв был, прежде всего, авторитетным наставником, надёжным соратником и по-настоящему верным другом. Его день рождения является для нас общим праздником. Он знал очень многих, по-доброму относился к людям, и они отвечали ему искренним уважением. Его отличала способность к принятию взвешенных и последовательных решений, а также редкие, а потому столь ценные в нашем мире, человеческая мудрость, системное и глубокое понимание происходящих глобальных процессов, скромность в быту, любовь к поэзии.

Не только на Смоленской-Сенной площади, но и в розагранучреждениях по всему миру продолжают чтить память об этом замечательном человеке, с именем которого связаны значительные сдвиги в европейской и мировой дипломатии, отечественной внешней политике.

Для нас огромная честь, что в непростые времена конца 80-х — начала 90-х годов нас посчастливилось работать под его непосредственным руководством. Анатолий Гаврилович навсегда останется в наших сердцах выдающимся дипломатом и человеком, опередившим время».

Чрезвычайный и Полномочный
Посол Российской Федерации
в Финляндской Республике

П. М. Кузнецов

Советник-посланник Посольства
Российской Федерации
в Финляндской Республике
Чрезвычайный и Полномочный
Посол Российской Федерации
в отставке

Л. В. Анисимов

А. А. Ранних

П. С. Акопов. Спасибо большое! А теперь слово передаю одному из соавторов этого обращения Александру Александровичу Ранних. Пожалуйста, Александр Александрович, Вам слово.

А. А. Ранних. Сегодня уже очень много было сказано об Анатолии Гавриловиче. То, что он действительно блестящий дипломат, великолепный переговорщик, очень твердый, очень умный, и сам ценивший других хороших переговорщиков. В этом тоже Анатолий Гаврилович Ковалёв. Я мог наблюдать довольно длительный период подготовки к будущему Заключительному Хельсинкскому акту ... Это был тяжелейший труд. Это были переговоры с оппонентами, с партнерами по переговорам и, одновременно, очень часто нужно было вести переговоры с Центром и убеждать, что «так будет правильней». Анатолий Гаврилович обладал качествами и свойствами, которые может быть не совсем типичные и характерные для дипломата. Он был, ко всему прочему, еще романтик и идеалист. Это проявлялось и в его отношении к идее общеевропейского дома. Это очень сильно проявлялось в его отношении к слову. Он высоко ценил слово, он умел им пользоваться, используя все его возможные аспекты. Он умел дискутировать и любил серьезные разговоры. Помню один случай, когда я был его помощником. В очередной раз он пригласил меня для того, что бы надиктовать что-то, а он часто надиктовывал первоначальные тексты, в том числе речь М. С. Горбачеву в Осло при получении

им Нобелевской премии. Ну и в какой-то момент я говорю Анатолию Гавриловичу, мол, зачем я Вам? Вот у Вас есть Света, есть Люба, они отлично Вас телеграфируют, а я буду сидеть битый час. На что он мне ответил удивительную вещь: «Александр Александрович, да, есть Света и Люба, они все стенографируют, но Вы мне нужны. Вы же мне оппонируете, Вы со мной спорите периодически, а мне это и нужно. Мне нужен оппонент, когда я пишу выступления, когда я пишу какую-то бумагу». Это вот демонстрирует его отношение к слову, которое, конечно, наверное, лучше всего проявилось в его книге «Азбука дипломатии», которая является, собственно, гимном слову. Еще, то, что прозвучало, когда Игорь Александрович Шпынов пел, это — отношение Анатолия Гавриловича к женщине. Удивительное отношение к женщине вообще, очень высокое отношение. Ну, вот его романтизм и идеализм были очень хороши по-человечески. А вот в его любви к общеевропейскому «дому» они, возможно, не дали ему увидеть то, что в конце концов мы сегодня в так называемом «доме» имеем. То, что, оказывается, не все так видят нашу общую Европу. Товарищи англосаксы используют эту самую Европу для себя, для своих личных интересов. В любом случае Анатолий Гаврилович был прекрасным учителем. Это видно по тому, сколько известных советских и российских дипломатов он воспитал. Он был очень красивым человеком, и было очень большим удовольствием и счастьем работать под его руководством.

П. С. Акопов. Спасибо, Александр Александрович! Слово предоставляется Александру Арсеньевичу Орлову, нашему коллеге, профессору МГИМО МИД России.

А. А. Орлов: Спасибо большое. Вы знаете, здесь очень много было сказано об Анатолии Гавриловиче Ковалёве и просто не хотелось бы повторяться. Какие-то свои личные

впечатления выскажу. Я как раз пришел на работу в Первый Европейский отдел (тогда он так назывался) буквально сразу после подписания Заключительного акта в Хельсинки, и вот эта атмосфера витала в воздухе. Собственно у нас, считаясь, между ними была определенная дискуссия, кто больший архитектор Заключительного акта с советской стороны — это Анатолий Гаврилович Ковалёв, который был руководителем нашей делегации на Женевском этапе (второй этап выработки Заключительного акта), и Юрий Владимирович Дубинин, который был его заместителем, а когда я пришел в Первую Европу, он был заведующим Первым Европейским отделом. И их обоих, а также Анатолия Гавриловича Адамишина, который сегодня выступал, я вообще считаю своими учителями дипломатическому искусству по жизни. В одном из выступлений, а, может быть, посланий, прозвучало такое слово — «школа», вот здесь я бы сказал о том, что действительно эти люди составили основу школы, не то что «европеистики», а действительно советской и в последующий период российской школы работы с международными организациями и, в частности, с общеевропейскими организациями... В дальнейшем значительная часть моей дипломатической карьеры была связана с Организацией Объединенных Наций, мне приходилось часто возглавлять российские делегации на различных форумах, но вот то, что я почерпнул у этих действительно мастодонтов, если так можно выразиться, российской дипломатии, я всегда об этом помнил. Мне бы здесь хотелось немножко отойти от формальных вещей. Собственно, когда я пришел сюда молодым дипломатом, мне тоже довелось несколько раз, переводить Анатолию Гавриловичу Ковалёву. И действительно, вы знаете, здесь был диссонанс между его брутальным внешним видом и внутренней лирической консистенцией (о чем говорил Александр Александрович и другие наши сегодняшние коллеги, они это, может

быть, лучше знают). И это прозвучало в послании, которое Александр Шульгин, мой коллега, направил сегодня. Там речь шла о том, что Анатолий Гаврилович часто в своих беседах с иностранными представителями старался выразиться нетривиально, я бы так сказал. Зачастую это создавало определенные сложности для переводчиков.

И в заключение — тоже в общем достаточно любопытный момент. В 1977 году были восстановлены дипломатические отношения СССР с Испанией. Анатолий Гаврилович Ковалёв был курирующим замминистра, естественно, он сам в переговорах не участвовал, но был тем ответственным государственным лицом с нашей стороны, который собственно и произвел обмен грамотами об установлении дипломатических отношений с Испанией. Затем прибыл испанский Посол Хуан Антонио Самаранч, который впоследствии станет президентом Международного Олимпийского комитета (МОК). Он не был профессиональным дипломатом, а, можно сказать, приехал накануне Олимпиады-80 для того, чтобы здесь заручиться поддержкой и избраться президентом МОК. Он в тот период был заместителем, вице-президентом Олимпийского комитета, но на это никто особого внимания не обратил, обратили внимание на то, что он франкист, но дело не в этом — он каталонец, и по-каталонски его фамилия звучит Самаранк. Мы в секторе обсудили этот вопрос и приняли политическое решение, что «Самаранк» звучит неубедительно, а вот «Самаранч» другое дело. Нашу точку зрения, поддержал и А. Г. Ковалёв и, как ни странно, через 3 года президентом МОК стал именно «Самаранч», и мне кажется, ему и самому так больше понравилось. Так что Анатолий Гаврилович, он даже и в этом поучаствовал. Спасибо за внимание.

П. С. Акопов: Спасибо, Александр Арсеньевич, очень интересно.

Слово предоставляется Светлане Дмитриевне Васильевой, сотруднице секретариата Анатолия Гавриловича.

С. Д. Васильева: Об Анатолии Гавриловиче можно говорить много, потому что человек необычный совершенно, просто фантастический, таких больше я не встречала. Я с ним проработала 25 лет без перерыва, никуда он не отпускал, так сложилось. И, конечно, самые приятные, самые замечательные воспоминания остались о нем. Работать с ним было очень приятно, потому что с умными людьми вообще приятно общаться, а работать тем более. Мы работали сутки напролет, без конца. Самые замечательные воспоминания остались. Жалко, что все так быстро прошло.

П. С. Акопов: Спасибо большое. Теперь слово Зотову Сергею Сергеевичу, Послу в отставке, Послу в Словакии, на Мальте. Он работал с Анатолием Гавриловичем.

С. С. Зотов: Прежде всего, поблагодарю Валерия Ивановича Морозова за то, что традиция вечеров памяти сохраняется, развивается. Мы вспоминали чествование Степана Васильевича Червоненко, моего учителя Льва Исаковича Менделевича, и вот сегодня этот замечательный день. И я хочу сказать, что мы все это говорим сегодня не для себя, мы все это многое знаем. Очень важно, чтобы мы сегодня говорили об Анатолии Гавриловиче так, как будто мы передаем эстафету знаний младшему поколению, чтобы они видели и реально ощущали, как велась эта дипломатическая работа, как мы достигали тех огромных внешнеполитических успехов. Я сейчас вспоминаю, как Анатолий Гаврилович, конечно, работал и с кадрами. И в моей жизни он сыграл большую роль, потому что в 1970-м году он меня принимал на работу и, что интересно, буквально через месяц состоялся визит президента Франции Жоржа Помпиду в Москву. Анатолий Гаврилович мне сразу поручает быть переводчиком на этом

мероприятии на высшем уровне. И так молодой дипломат оказался в Грановитой палате в окружении всего нашего Политбюро, своего визави князя Андронникова, который всячески пытался исказить в переводе речи наших руководителей, но это, так сказать, одна сторона. Друзья мои, хотел бы, чтобы вы представили, как рождалось Общеввропейское совещание. Я вот не знаю, кто самый первый выступил инициатором, это было решение политического консультативного комитета Варшавского договора, но я могу сказать, что фактически все это направление, как мне кажется, придумал и вел Анатолий Гаврилович Ковалёв. Как я уже говорил, придя в Первый Европейский отдел, я почти каждую неделю приглашался Анатолием Гавриловичем переводить его переговоры с послом Франции в Москве Роже Сейду Форнье де Клозон. Это известнейший дипломат, и его брат был выдающимся дипломатом. И вот постепенно встречу за встречей Анатолий Гаврилович насыщал переговоры концепцией европейского совещания, ведь никто не знал, о чем говорить. Где говорить, как говорить, какая повестка дня, какой может быть регламент? И вот Анатолий Гаврилович очень деликатно, каждый раз добавлял в это общение с французским послом, которого он выбрал как представителя на Западе, как и в целом Францию — действительно то звено, за которое можно было потянуть, чтобы выйти на эту самую разрядку. Так появилась у Анатолия Гавриловича идея не только военных вопросов и разоружения, но и экономическое сотрудничество в будущем Общеввропейском совещании. Но я вам скажу прямо, что для нас, для Анатолия Гавриловича тоже, когда на одной встрече посол говорит: «А вот давайте мы теперь введем третий пункт — гуманитарное сотрудничество». Сначала это называлось культурное сотрудничество, и мы сначала не совсем раскусили, что это такое, но потом мы поняли, что это была та мина замедленного действия, которая

привела к очень большим изменениям в нашей жизни, в нашей политике внутренней. И, в конечном счете, я лично убежден, что с помощью этой гуманитарной «третьей корзины», которая потом так стала называться, мы, по сути дела, поощряли, создавали оппозицию, пятую колонну...

Анатолий Гаврилович был очень мудрый человек. Как только началась конкретная работа над общеввропейским процессом, а это были многосторонние консультации, а он меня попросил быть в делегациях, чтобы я ему направлял в Москву все проекты документов «на считку». А таких документов были десятки, ведь была представлена каждая страна — и не только НАТО и Варшавский договор — это были индивидуальные позиции стран. И вот эти все документы — я немножко так, тайно в общем-то, дипломатической почтой, направлял Анатолию Гавриловичу, который имел всю палитру того, что происходило на совещании, из-за этого мне, правда, попало от Льва Исааковича Менделевича, но мы чувствовали, что в Москве дело в руках Анатолия Гавриловича. А он очень четко отслеживает какие направления и какие формулировки можно принимать или не принимать и все время поправляет, пока мы наконец не вышли на проект документа. И это действительно его детище. По сути, если говорить о самом главном вкладе Анатолия Гавриловича, — конечно, это общеввропейское совещание. Но были и другие дела.

Поскольку я был во французском секторе и тут много присутствует молодых ребят, я просто хочу рассказать, как он работал на двустороннем направлении. Во-первых, вся концепция отношений с Францией тогда действительно была задумана как прорыв наших отношений, как выход Советского Союза на совершенно новые, другие позиции. Это все было в речах наших руководителей, когда они принимали руководителей Франции: министра иностранных дел, президента, и потом в 1971 году Анатолий Гаврилович руководил

подготовкой визита Леонида Ильича Брежнева — первого визита во Францию. Надо сказать, что до самого последнего момента, до 5 часов утра, накануне вылета делегации Леонида Ильича Брежнева в Париж, Анатолий Гаврилович работал с французами над оттачиванием текста важнейших документов, которые должны были быть подписаны — ну все, наверное, знаете это «принципы сотрудничества», протокол, и т. д. Это уникальные документы, таких документов до этого не было никогда, и они по сути дела стали целым этапом в выстраивании разрядки. Так что я хочу, чтобы вы понимали, ту работу, тот принцип, технологию, которым научил нас Анатолий Гаврилович, а это была работа над штучными документами. Каждый документ, Анатолий Гаврилович считал, должен быть ювелирным изделием. Поэтому проекты речей наших руководителей — черновики первые — писали их мы на нашем уровне — он заставлял переделывать. Рекорд был 17 раз, причем последние варианты были повторением наших предыдущих, но он хотел найти какую-то супер- истину, супер-формулировку. Так, я помню, появились такие слова, как «соработничество». Конечно, для переводов в Хельсинки это была совсем на больную голову проблема. Можно многое еще вспомнить, и я готов встретиться, с молодежью, чтобы рассказать о других важных вещах, принципах, которым нас учил Анатолий Гаврилович.

П. С. Акопов: Спасибо, Сергей Сергеевич. То, что вы сказали, очень важно, у нас есть такая форма — семинары молодых дипломатов. Может быть, вы подготовитесь, и мы дадим возможность вам рассказать молодым дипломатам о методах работы Анатолия Гавриловича, это очень важно, многие наши выдающиеся дипломаты так поступали.. Я вот вел эти семинары и помню, на них выступали и Г. М. Корниенко, и С. В. Червоненко, выступал и А. Ф. Добрынин.

Ну, дорогие друзья, мы почти два часа работаем, и я думаю, что надо подвести итоги. Коротко: прежде всего, спасибо всем тем, кто выступал, они готовились, очень интересные сообщения были, и особенно хочу поблагодарить Артема Игоревича Студенникова, за присутствие, за выступление, за участие в подготовке нашей сегодняшней встречи, поблагодарить всех присутствующих, которые до конца остались здесь, и молодежь. Молодежь — это относительное понятие. Что значит молодежь? Они все дипломаты. Такие встречи, может быть, подтолкнут вас к тому, чтобы покопаться, найти, как говорили наши выдающиеся дипломаты, вот это самое ценное, что есть в их трудах. Это не так просто, надо все это «перелопатить».

В завершение я хочу сказать, что, конечно, еще очень много можно говорить об Анатолии Гавриловиче Ковалёве, но надо особо подчеркнуть некоторые важные детали, которые характеризовали и его положение, и его деятельность. Он был членом Центральной ревизионной комиссии ЦК КПСС. Это должность высокая, высокое доверие ему оказывалось тогда. Анатолий Гаврилович был награжден Орденом Ленина, двумя Орденами Октябрьской революции, тремя Орденами Трудового Красного знамени, он был лауреатом Государственной премии СССР, Заслуженным работником дипломатической службы. Этот человек вошел в историю нашей дипломатии и является — как бы громко это ни звучало — ее золотым фондом.

Уже после окончания Вечера свои воспоминания прислал один из его организаторов, член Президиума Совета ветеранов, посол в отставке Ю. А. Спириин...

Начну издавека. Ядро ближайших сотрудников Министра А. А. Громыко составляли, в основном, те, кто начинал свой дипломатический путь в недрах советской военной ад-

министрации в Германии. Из этой среды вышли заместители министра, заведующие отделами, помощники министра, помощники генсеков ЦК КПСС (Семенов В. С., Смирнов А. А., Пушкин Г. М., Орлов А. Л., Грибанов М. Г., Луньков Н. М., Блатов А. И., Александров-Агентов А. М. и др.). Там истоки уверенного восхождения нынешнего юбиляра. К 1958 году А. Г. Ковалёв — уже помощник министра.

В 1963 году нашему выпуску МГИМО был предложен никогда не читавшийся в институте курс — спецсеминар «дипломатические документы». Вел его А. Г. Ковалёв. Занятия проходили в здании у Крымского моста, в зале второго этажа над помещениями иностранной библиотеки. Практические задания базировались, в основном, на нотной переписке по германской проблематике. Руководитель семинара в перерывах почти все время курил, приветливо улыбался, был немногословен. В ходе спецкурса он почти текстуально свою будущую, неоднократно переиздаваемую книгу «Азбука дипломатии». Замечу, что впоследствии два моих сокурсника, слушатели семинара, работали руководителями секретариата Анатолия Гавриловича.

Так случилось, что три года спустя я возвращался из отпуска в столицу Гвинеи Конакри, где работал в должности атташе совпосольства. Тем же рейсом «Аэрофлота» туда летел А. Г. Ковалёв, уже заведующий Первым ЕО. Его сопровождал помощник Анатолий Александрович Слюсарь (позднее главный советник УПВМ, посол СССР в Греции), которого я немного знал с институтских времен. Мой недавний руководитель семинара направлялся в Гвинею для консультаций по повестке дня предстоящей сессии ГА ООН. В посольстве я обеспечивал контакты посла с гвинейским руководством. Взяли меня и на беседу с президентом Секу Туре. По предложению А. Слюсаря условились, что в переводе я беру на себя «двусторонку», а он страхует перевод международной оо-

новской специфики. И слава богу. Только после аудиенции я оценил всю деликатность своего старшего коллеги, своевременно подставившего свое плечо: до сложной разоруженческой тематики я тогда еще не дотягивал. Спасибо А. Г. Ковалёву, он заметил это, но в претензии не был.

Первый Европейский отдел А. Г. Ковалёв возглавлял в течение 6 лет. Был членом Коллегии. Уже в качестве замминистра еще 20 лет курировал работу отдела. В этом старейшем именитом отделе Министерства наладилась хорошая преемственность. «Заведование» продолжали ближайшие единомышленники А. Г. Ковалёва — Ю. В. Дубинин, А. Л. Адамишин, А. И. Глухов, Н. Н. Афанасьевский. Это была поистине «могучая кучка».

Как известно, разрядка пришла в Европу через Францию, через франко-российское сотрудничество начала 1960-х. И на острие стоял Первый ЕО. Мой товарищ по учебе Н. Н. Афанасьевский, возвращенный в Первой Европе, как-то сказал мне в начале 70-х (мы были еще вторыми секретарями), что А. А. Громыко на одной из коллегий назвал франко-советские отношения «золотым яичком», которое нужно лелеять и оберегать.

В истории МИДа, написанной к его 200-летию, А. Г. Ковалёв упоминается достаточно часто. Вот несколько цитат.

«В 50-е годы III ЕО представлял собой сильную группу профессионалов, куда входили И. И. Ильичев (глава отдела, пришедший из Комитета информации), В. М. Фалин, А. Г. Ковалёв, А. П. Бондаренко».

«В 1973 году советскую делегацию на втором этапе общеевропейского совещания в Женеве возглавлял замминистра А. Г. Ковалёв, опиравшийся на группу опытных работников МИДа — Ю. В. Дубинина, Ю. Б. Кашлева, В. Ф. Петровского и др.».

Приводится в истории и еще один штрих деятельности А. Г. Ковалёва как одного из руководителей Министерства: «В ноябре 1990 года совпосол в ГДР Кочемасов докладывал: руководство ГДР хотело бы посоветоваться насчет введения послаблений в режиме на границе с Западным Берлином. Первый заместитель министра А. Г. Ковалёв по телефону дал послу указание сообщить в ответ на обращение, что «определение режима границы является внутренним делом ГДР». Посол не довольствовался устным указанием и запросил письменные инструкции. Был оформлен соответствующий запрос из МИД ГДР. В ответ поступила «телеграмма, подтверждающая — пограничный режим есть внутреннее дело ГДР».

Так, может быть, при активной роли и участии дипломата-германиста А. Г. Ковалёва невольной была поставлена точка под существованием ГДР, рождение которой он видел в качестве молодого сотрудника аппарата Советской Контрольной комиссии в Германии.

Можно лишь предполагать, что в период между двумя стремительными взлетами — успехом Хельсинки 1975 года и назначением первым заместителем Шеварнадзе — А. Г. Ковалёв не без переживаний испытывал ощущение своей неполной в Министерстве «востребованности» (если судить по запискам, изданным уже после ухода из жизни под редакцией его сына).

«Дипломатические новеллы» Анатолий Гаврилович надиктовал, как он сам признается, по настоянию семьи, будучи основательно больным, хотя он по-прежнему состоял в кадрах МИДа в качестве Посла по особым поручениям. В мемуарах он признает свой, мягко говоря, непростой характер, «труднопроницаемость», свою сверхтребовательность. В то же время подчеркивает, что на протяжении долголетней службы в МИДе старался выделять, пестовать дипломатов,

по его убеждению, перспективных, тяготел к ним и надеялся, что они отвечали ему тем же.

При Горбачеве, будучи избранным в состав Центральной Ревизионной комиссии КПСС, он единственный раз решился выступить на одном из пленумов ЦК. Выступление не прозвучало так, как ему хотелось бы. И он с самоиронией пишет: «Я на трибуне не трибун».

Должно сказать, что А. Г. Ковалёв в 1990-е годы ни во что не ставил ни по интеллекту, ни по другим качествам новоявленного Министра иностранных дел РФ Козырева. Заявление об отставке написал уже при Е. М. Примакове в 1997 году. Прощаясь со своими коллегами по МИД, в кратком письме поблагодарил их за внимание и поддержку «в ненастные для меня времена».

Рукопись «Дипломатических новелл» А. Г. Ковалёва досталась его душеприказчику со словами автора: «Делай с ней, что хочешь». Нельзя избавиться от мысли, что перелитая в книгу под названием «Искусство возможного», перекомпонованная, сокращенная, с пространными навязчивыми комментариями и вызывающим много вопросов предисловием книга стала менее привлекательной.

Дипломатия — дело коллективное. Мысли, предложения, формулировки А. Г. Ковалёва-дипломата достигали своих адресатов на самом верху, на уровне тогдашнего руководства страны, принимались или включались в соответствующие документы и директивы, в международные акты. В этом, как мне представляется, и есть суть наследия Анатолия Гавриловича Ковалёва...

АФРИКА В ФОКУСЕ

Анатолий Зайцев

Чрезвычайный и Полномочный Посол

«РОССИЯ-АФРИКА: ПОМНЯ УРОКИ ПРОШЛОГО, МОСТИТЬ ДОРОГУ В БУДУЩЕЕ».

НОВЫЙ ПОСОЛ В КОНГО: К МЕСТУ НАЗНАЧЕНИЯ С ЭСКОРТОМ МИГОВ

Итак, я в Африке. После непродолжительной посадки ночью на Мальте, едва приоткрыв глаза, полусонный прильнул к иллюминатору аэрофлотовского ТУ-154. Светало. Было утро 22 ноября 1989 года. Далеко внизу, переливаясь различными оттенками желтизны, расстилались бескрайние просторы пустыни. Прошло уже немало времени, но картина внизу, как ни всматривался, оставалась все той же. Кажется, самолет прекратил движение и застыл на месте. Неужели я лечу над Сахарой?!

Память непроизвольно выхватывала эпизоды последних предотъездных суетных дней, обрывки напутствий бывалых коллег, рассказавших мне, впервые отправлявшемуся на незнакомый мне континент, немало поражавших воображение историй из своего африканского опыта,

и советовавших, среди прочего, запастись лекарствами для профилактики тропической малярии.

Наконец, самолет пошел на снижение. Первая посадка на африканской земле — Дуала. С любопытством прошелся по тесным рядам сувенирных лавок в небольшом здании аэропорта самого крупного города Камеруна.

Следующий пункт — столица страны моего нового назначения — Браззавиль, названный именем первооткрывателя этого региона Африки известного итало-французского путешественника Пьера Саворьяна де Бразза. Вспомнилось, как перед отлетом, на вопросы знакомых коллег в министерстве «ты куда, старик, собрался?» отвечал, ловя на себе завистливые взгляды, — «в столицу Свободной Франции». И это сущая правда. После оккупации Франции фашистской Германией Браззавиль был назван этим именем, став одним из основных опорных пунктов для Ш. де Голля и его соратников по Комитету Свободная Франция; там были расквартированы и воинские части Вооруженных сил, носящих то же название. Вилла, в которой он жил в тот период, — ныне резиденция французских послов, до сих пор носит имя «Каза де Голль».

Через полтора часа полета, когда уже объявили посадку, вздрогнул от неожиданности. Сидевшая позади меня в полупустом салоне первого класса французенка испуганно вскрикнула, энергично жестикулируя в сторону иллюминатора. «Смотрите, русские летят!». Последовав ее призыву, отчетливо разглядел знакомые очертания истребителя МИГ, следовавшего в опасной близости от нас параллельным курсом. Такой же самолет был виден через иллюминатор напротив.

Вошедший в салон самолета поверенный в делах, провел меня в здание столичного аэропорта «Майя-Майя», где в небольшой комнате меня встречали, выстроившись по ранжиру, старшие дипломаты посольства, руководители наших

учреждений в Конго и сотрудники протокольной службы конголезского МИД.

Когда я уже заканчивал знакомиться со своими новыми коллегами, с которыми предстояло вместе проработать почти целых пять лет, ко мне подошел один из встречающих, одетый, как и все, в гражданское, но с характерной выправкой, и по — военному отрапортовал: «Товарищ посол. Поздравляю с благополучным прибытием. По этому случаю на подлете к аэропорту Вас встречал и сопровождал почетный эскорт МИГов». (Позднее, общаясь с нашим военными советниками, я не раз возвращался к этому эпизоду, пытаюсь выяснить, кто в нарушение строгих международных правил санкционировал такой «жест», но никто так и не признался).

АККРЕДИТАЦИЯ

В последующие дни после посещения конголезского МИД познакомился с коллективом посольства, побывал в других наших загранучреждениях (их на то время еще оставалось около десяти). В ожидании назначения даты вручения верительных грамот нанес визиты вежливости послам восточноевропейских стран. Как было видно из бесед, проблемы, которые в первую очередь занимали моих коллег из Болгарии, Чехословакии и ГДР были сходными. Повсюду царило чемоданное настроение, послы ждали решения своей судьбы, скорого закрытия посольств*. Все пристально следили и не без тревоги комментировали происходящее у себя

* Уже на следующий год были закрыты посольства ЧССР, НРБ и ГДР (их интересы представляли теперь послы из Киншасы), еще раньше подобным образом поступили поляки, венгры и югославы. В Браззавиле оставались посольства Китая, Вьетнама, КНДР, Кубы и Румынии (на уровне поверенного в делах). Всего в Браззавиле на то время были аккредитованы послы 47 стран (еще 5 представлены поверенными в делах), из них больше половины имели резиденции в Киншасе.

дома, строили предположения, в каком направлении будут развиваться дальше перестроечные процессы в Советском Союзе и как это может сказаться на ситуации в их собственных странах. Сетовали на спад двусторонних экономических связей с Конго по причине невыполнения конголезской стороной взятых на себя обязательств по заключенным ранее контрактам.

Поздно вечером накануне назначенной на 9 декабря церемонии вручения верительных грамот (по конголезскому протоколу она включала беседу один на один с президентом, запись в книге почетных гостей и интервью для местной прессы и телевидения) внезапно почувствовал, что заболеваю... Врач посольства, осмотрев и измерив температуру, поднялась за сорок, вынесла привычный для здешних мест вердикт — тропическая малярия, прописала сильнодействующие лекарства и постельный режим. (Впоследствии, проболев за время командировки этой распространенной болезнью еще четыре раза, стал, как и другие наши старожилы, обыденно — снисходительно называть ее «маляркой»).

После недолгих раздумий, несмотря на отвратительное самочувствие, был уже поздний вечер, решил конголезцам не звонить и оставить все, как запланировано, сочтя отсрочку вручения верительных грамот плохим предзнаменованием. Чтобы не пропустить время приема лекарств, которые надлежало принимать строго каждые три часа, поставил будильник. Так, практически без сна с высокой температурой дождался приезда около 8-ми утра шефа конголезского протокола, который сопровождал меня в президентский дворец. За сотню метров у входа по обеим сторонам выстланной длинной ковровой дорожки встречали одетые в живописные мундиры гвардейцы почетного караула. Выйдя из машины, под оглушительные звуки оркестра прошел по ней, стараясь держаться прямо и не пошатнуться.

Президент НРК Дени Сассу-Нгессо, выслушав полагающиеся по такому случаю слова и приняв верительные грамоты, представил меня присутствующим на церемонии членам конголезского руководства, а я ему в свою очередь — торгпреда, советника — посланника и военного атташе.

Затем с президентом перешли в отдаленную часть зала, проведя за беседой около получаса. Президент держался подчеркнуто дружелюбно, его в первую очередь интересовало происходящее у нас в стране и наших восточноевропейских союзников. Остановившись на двусторонних связях, заверил главу конголезского государства в неизменности стремления руководства нашей страны и дальше «поддерживать и развивать отношения дружбы и сотрудничества с Народной Республикой Конго». В подкрепление этих слов назвал несколько планируемых конкретных шагов с нашей стороны в этом направлении.

Перешел затем к теме — этого президент явно ожидал — его официального визита в СССР. (Отмена в 1988 г. по нашей инициативе его визита в Москву оставила у конголезской стороны негативный осадок). Развеять эти настроения должно было переданное мною устное послание Председателя Президиума Верховного Совета СССР. Составленное в обтекаемой форме, оно было призвано создать у адресата, выслушавшего послание с очевидным удовлетворением, впечатление, что вопрос о его визите не снят нами с повестки дня и дело только за согласованием взаимоприемлемых сроков. (Россию президент Д. Сассу-Нгессо посетил в 2006 г. в качестве приглашенного на саммит «Большой восьмерки» в г. С.-Петербурге)...

Покончив с записью в книге почетных гостей и выйдя на крыльцо резиденции, я попал в окружение газетчиков и телевизионщиков. Как и ожидал, главное, что их интересовало после традиционных вопросов о впечатлениях

от беседы с президентом и о состоянии и перспективах наших двусторонних отношений, — это ход перестройки у нас и последние события в восточноевропейских странах. В этих и других вопросах сквозила озабоченность, не приведут ли происходящие внутри Советского Союза и восточноевропейских странах перемены с приходом к власти новых демократических сил к пересмотру их курса по отношению к «дружественным, идеологически близким странам». Отвечая на эти непростые вопросы, к тому же по-французски, пришлось изрядно попотеть, тем более, что уже вовсю жарило солнце.

На этом мои испытания в тот памятный день не закончились. В посольстве меня ждал традиционный прием для своих и конголезского протокола. Не без усилий выстоял еще часа два, общаясь с коллегами. Остаток сил ушел на краткую телеграмму в МИД о состоявшемся вручении верительных грамот с припиской в конце, что подробный отчет о беседе с президентом представлю по выздоровлении.

Так я официально вступил в новую должность: первые два года в качестве посла СССР в Народной Республике Конго и еще более двух с половиной последних — посла Российской Федерации в Республике Конго. (В 1991 г. стране было возвращено прежнее название).

ПЕРЕСТРОЙКА «ПО-КОНГОЛЕЗСКИ»

Страну я застал почти на пике политического и социально-экономического кризиса. Сложную внутривнутриполитическую обстановку в стране усугублял продолжающийся спад экономики, которая так и не оправилась после кризиса 1985 г., вызванного падением цен на нефть, главного источника ее валютных поступлений.

В конголезском обществе, традиционно очень политизированном, росло движение за перемены, в котором все активнее участвовали профсоюзы и студенты. Внутри правящей Конголезской партии труда (ее председателем четыре месяца назад был переизбран на новый срок президент страны Д. Сассу-Нгессо), переживавшей острый идейно-мировоззренческий кризис, усилилось влияние реформаторского крыла, которое выступало за разрыв с идеологическим наследием 60-х годов, обновление всей общественно-политической системы страны.

25 февраля 1991 г. под давлением профсоюзов и оппозиции была созвана Национальная конференция, в которой приняли участие представители свыше ста партий и ассоциаций. Однако ее работа вскоре зашла в тупик. С одной стороны, по причине неготовности руководства страны к радикальным шагам в направлении демократизации жизни страны, с другой — нерешительности самой оппозиции, которая, настаивая на своих требованиях, не была готова к решительным мерам из-за опасений насильственных действий со стороны властей. Руководство КПТ тогда еще надеялось, что демократическими средствами удастся обеспечить мирный конституционный переход к многопартийности, избежав при этом конфликтов и применения силы, подобно тому, как это было в Мали, Камеруне и ЦАР.

В дипкорпусе, с напряженным вниманием наблюдая за ходом острой полемики на конференции, в которой преобладала разоблачительная риторика в адрес руководства партии и страны, опасались эксцессов и силовых столкновений.

Послы большинства аккредитованных в Браззавиле африканских стран, особенно тех, которых еще не затронули такого размаха обновленческие процессы, воспринимали происходящее в Конго с нескрываемой тревогой, примеряя

происходящее здесь на себя. В беседах они, подкрепляя свою точку зрения экскурсами в историю и ссылками на специфику своих стран и Конго, подчеркивали опасность форсирования процессов демократизации, к чему конголезцы, судя по тому, как развивались события, оказались явно неподготовленными.

Западные же партнеры Конго, в первую очередь его главный донор Франция, поначалу придерживались выжидательной позиции, не будучи уверенными в конечном исходе конференции. Однако обуславливая предоставление финансово — экономической помощи Конго «прогрессом на пути демократизации», они по существу подталкивали события, поощряя на более активные действия политические силы, под флагом демократических перемен добивающиеся власти.

Западные державы, продолжая публично декларировать свое невмешательство во внутренние дела, все активнее втягивались в предвыборную борьбу, взяв на себя — напрямую и через международные организации — финансирование парламентских и президентских выборов.

К июню 1991 г. президенту Д. Сассу-Нгессо все же удалось — в попытках обеспечить политическую стабильность и преемственность в процессе формирования в условиях многопартийности новых властных структур в стране — найти приемлемый компромисс с большей частью оппозиции, добиться сохранения президентского поста, хотя и со значительно урезанными функциями. Чем он еще раз подтвердил свою репутацию ответственного, сильного и решительного политика.

Национальная конференция закрылась достижением, после бурных дискуссий, в результате взаимных уступок и политического лавирования, консенсуса на 12-ти месячный переходный период, во время которого предусматривалось проведение конституционного референдума (намеченный

на ноябрь 1991 г, он так и не состоялся), парламентские и президентские выборы.

В разгар предвыборной президентской кампании поддержать Д. Сассу-Нгессо прилетел Н. Мандела, тогда в качестве лидера АНК, с которым мне довелось встретиться дважды — на приеме и во время устроенной для него с приглашением нескольких послов прогулки по реке Конго. Когда Д. Сассу — Нгессо представил меня легендарному борцу с апартеидом, Н. Мандела повел себя довольно сдержанно, к продолжению беседы со мной интереса не проявил. В его глазах, по тому, как он воспринял посла новой России — премьера главного многолетнего донора АНК, — явственно читались непонимание и сожаление.

В АВГУСТЕ 1991-го

Ко времени моего приезда наше присутствие в Народной Республике Конго заметно сократилось. В первую очередь это затронуло технико-экономическое сотрудничество. Главным образом, по причине резкого сокращения советских кредитов, в счет которых осуществлялись командирование наших специалистов, поставки техники, материалов и горючего. Были закрыты представительства ГКЭС и Экспортфильма, корпункты ТАСС и АПН. Еще функционировали, при постоянно сокращаемых финансировании и штатах, торгпредство, культурный центр и представительство Аэрофлота, работали группы геологов, преподавателей лицеев, профтехучилищ и военных специалистов.

Основная волна сокращений пришлась на конец 1991-начало 1992 гг. после произошедших у нас в стране событий, приведших к распаду Советского Союза.

Известие о них застало меня утром 19 августа 1991 г. в командировке в г. Пуэнт-Нуаре перед выездом из гостиницы

на визит к префекту области Куилу. От оставшегося в посольстве на хозяйстве советника — посланника узнал по телефону, что никакой информации и указаний из Центра не поступало. Он сообщил также, что в посольство звонили из конголезского МИД, там ждут от нас официального подтверждения полученной из своего посольства в Москве информации. Сказал, что смогу вылететь в Браззавиль только на следующий день утренним рейсом (единственный сегодняшний уже улетел) и распорядился запроситься на завтрашний день на беседу к руководству конголезского МИД, рассчитывая к тому времени получить из Москвы на этот счет указания.

На следующий день 20 августа я встретился с генеральным секретарем МИД (второе должностное лицо в министерстве) и сославшись на полученное из Москвы поручение за подписью и.о. министра иностранных дел СССР (министр, как стало позже известно, днем раньше ушел в отпуск) передал текст Обращения ГКЧП. Принимая его, собеседник, уже осведомленный конголезским посольством в Москве о происходящих у нас событиях и не задав ни одного вопроса, ограничился общим заявлением, что «Конго, руководствуясь принципами международного права, рассматривает происходящее в СССР как его внутреннее дело. Новое конголезское руководство хотело бы, несмотря на ограниченные возможности обеих сторон, сохранить и максимально развивать сотрудничество с Советским Союзом, с которым Конго связывают более четверти века дружественных отношений».

Спустя два дня 22 августа, исполняя новое поручение Центра, информировал руководство Конго о восстановлении в нашей стране конституционного порядка.

24 декабря министр иностранных дел Ж. Б. Кололо, которому я передал текст подписанных в Алма-Ате документов,

заявил в беседе, что «не видит проблем с признанием со стороны Конго будущего статуса посольства РФ в Браззавиле».

31 декабря я был приглашен к министру иностранных дел, который информировал об официальном признании Республикой Конго Российской Федерации в качестве государства — продолжателя бывшего СССР и передал соответствующий документ.

На флагштоке посольства в присутствии сотрудников посольства и других наших загранучреждений был спущен государственный флаг СССР и поднят новый — Российской Федерации. Его полотнище было спешно сшито по запрошенному в Москве описанию руками жен сотрудников посольства из закупленного в городе материала.

Через полгода, прилетев в Москву на похороны матери, обнаружил в своей кадровой справке запись о том, что я был уволен в феврале 1992 г. «в связи с ликвидацией МИД СССР» и в том же месяце переназначен послом РФ в Республике Конго.

СОТРУДНИЧЕСТВО В НОВЫХ РЕАЛИЯХ

В ноябре 1991 г. было получено указание о переводе с января 1992 г. работы наших специалистов на коммерческую основу и проведении в срочном порядке с конголезской стороной переговоров для заключения соответствующих контрактов.

Прекращение нашей безвозмездной помощи и кредитов Конго, на которых «держался» и без того заметно сократившийся в последние годы объем двустороннего технико-экономического и культурного сотрудничества, поставило как конголезцев, так и посольство с торгпредством в затруднительное положение.

Конголезские отраслевые ведомства, куда торгпредством были разосланы соответствующие письма с указанием конкретных дат отъезда в январе наших специалистов (если к этому сроку контракты подписаны не будут), ссылаясь в ответ на нехватку финансовых средств, после долгих проволочек согласились перевести до конца учебного года на коммерческие контракты небольшие группы военных советников, геологов и преподавателей лицеев.

Не менее болезненно, чем конголезской стороной, перспектива досрочного возвращения домой была воспринята нашими специалистами, особенно недавно прибывшими. На встречах, которые я провел с каждой группой специалистов, было нелегко убедить возбужденных людей, что продление их пребывания или досрочное возвращение домой зависят не от посольства и торгпредства, а от конголезской стороны, ее согласия взять отныне на себя оплату расходов по их командированию.

С досрочным отъездом в Москву большей части наших специалистов, затягиванием конголезской стороной подписания коммерческих контрактов на тех, кто остается, в коллективах росли напряженность и нервозность, которые усиливали приходящие вести об экономических тяготах дома.

В новых условиях выстраивание отношений с Конго требовало от всех нас немалых усилий. Прежде всего, нуждалась в приведении в соответствие с новыми реалиями договорно-правовая база сотрудничества СССР-НРК, заложенная в иных политических и социально — экономических условиях.

Начав с инвентаризации вместе с представителями конголезских ведомств заключенных двусторонних соглашений, многие из которых устарели, посольство в своей работе и в направляемых в Центр предложениях старалось сохранить все полезное из наработанного почти за 30 лет опыта сотрудничества с Конго.

УЙДУТ ЛИ РУССКИЕ ИЗ АФРИКИ?

В мае 1992 г. вместе с информацией о закрытии в африканских странах 9 посольств, 4 консульств, большого количества торговых представительств и культурных центров пришли указания о прекращении деятельности генконсульства в г. Пуэнт — Нуаре. Получил из Центра сообщение о планируемом закрытии нашего посольства в соседней ЦАР и моем назначении в Банги послом по совместительству (в последний момент перерешили и посольство в ЦАР было сохранено). После очередных сокращений в российских посольствах в двух соседних странах оттуда в Браззавиль раз в месяц стали приезжать «отписываться» наши послы.

В беседах с нами в тот период, особенно после закрытия нашего генконсульства в экономической столице Конго — г. Пуэнт-Нуаре, конголезскими представителями различного уровня неизменно высказывалась «озабоченность по поводу сокращения присутствия России в Конго и Африке, в чем они откровенно усматривали «линию на свертывание российско — африканских связей», «потерю интереса России к Конго». Наших конголезских собеседников не очень убеждали ссылки в ответ на «исключительно финансово-экономические трудности» и то, что «инвентаризация наших миссий за рубежом, как в качественном, так и количественном планах, отнюдь не преследует каких — либо целей с политическим подтекстом».

Рассеять подобные сомнения не помог и блиц — визит в феврале 1992 г. мининдел РФ А. В. Козырева в Анголу, ЮАР и АРЕ, в результате которого было подписано Совместное заявление об установлении дипломатических отношений на уровне посольств между Россией и Южноафриканской республикой.

По мнению руководства конголезского МИД, не подкрепленная ни до, ни после реальными делами, эта поездка не столько убедила страны континента в намерении России играть более активную роль в Африке, сколько вызвала разноречивые предположения насчет «приоритетов нового российского руководства на африканском направлении». Как конкретное подтверждение нашей заинтересованности в продолжении и активизации политического диалога с Конго расценила конголезская сторона состоявшиеся в Браззавиле в сентябре 1992 г. межмидовские консультации с участием начальника Управления стран Африки ДАБВ МИД РФ Карасина Г. Б. Проведенные в их рамках беседы подтвердили, что у наших стран сохраняются определенные возможности для взаимодействия по политическим вопросам с учетом того, что конголезцы разделяют подходы России к урегулированию конфликтных ситуаций на африканском континенте. Принимались нами во внимание и давние тесные связи Браззавиля с руководством Народного движения за освобождение Анголы — Партия труда (МПЛА), которое с 1963 по 1976 годы базировалась в НР Конго и пользовалась ее финансовой поддержкой и конечно соседство с ангольским анклавом Кабинда, где активизировалась сепаратистская деятельность Фронта освобождения анклава Кабинда (ФЛЕК). Не был забыт и Браззавильский протокол, подписанный 13 декабря 1988 г. по завершении многосторонних переговоров по Намибии с участием Анголы, Кубы и ЮАР. Как признание заслуженного реноме НР Конго в региональных делах рассматривались визиты в Браззавиль президентов влиятельных африканских стран, избрание министра иностранных дел НР Конго председателем Совета Министров ОАЕ.

Переводя на новую основу торговые и экономические связи, посольство делало упор на освоении новых форм

сотрудничества, активное привлечение, помимо государственных, и коммерческих структур. Направленные нами в федеральные ведомства многочисленные конкретные предложения на этот счет помогли в некоторой мере пробудить интерес к деловому сотрудничеству с Конго у ряда коммерческих организаций (от них только в 1993 г. в Браззавиле побывало 15 делегаций). Однако к. п. д. от проведенных переговоров, в том числе о создании совместных предприятий, оставалось ниже ожиданий. Сказывались, среди прочего, как слабое знание российскими партнерами местных условий, их стремление получить быструю отдачу от инвестиций, так и унаследованные от прошлого рецидивы иждивенчества с конголезской стороны, ее нежелание взять на себя часть финансовых обязательств.

Ценой немалых усилий с обеих сторон в июле 1992 г. удалось провести в Москве 2-ое заседание Смешанной двусторонней комиссии по экономическому, научно — техническому сотрудничеству и торговле. Однако выполнение принятых решений, наталкиваясь на многочисленные трудности, главным образом финансовые, затягивалось, как и рассмотрение конголезской стороной переданных ей проектов двусторонних соглашений.

С трудом продвигались инициированные российской стороной переговоры об урегулировании конголезской задолженности. (Общая сумма отсроченного до 1 января 1991 г. долга Конго перед СССР составила свыше 240 млн. инв. рублей, из них 70% за военные поставки). Конголезская сторона возражала против включения в общий объем долговых обязательств военных поставок, заявляя, что «рассматривает получение нашей военной помощи как форму оказания бескорыстной поддержки со стороны СССР борьбе с империализмом».

Ободряло же нас то, что, вопреки всем трудностям, удалось поддержать на плаву сотрудничество в области образования и культуры: продолжали работать Российский культурный центр и группа преподавателей в местных лицеях и профтехучилищах, сохранилась практика приема (теперь уже на компенсационной основе) конголезских студентов на учебу в российские вузы. Поддерживались межвузовские связи, были заключены новые соглашения.

За прошедшие 30 лет со дня установления дипломатических отношений с НР Конго в вузах Советского Союза было подготовлено свыше семи тысяч конголезских специалистов, из которых более трети находились на ключевых постах в различных отраслях экономики, министерствах и ведомствах, в том числе в МИДе. Эту помощь нашей страны в подготовке национальных кадров специалистов, как и в других областях взаимного сотрудничества, конголезцы до сих пор высоко ценят.

ОБОСТРЕНИЕ ВНУТРИКОНГОЛЕЗСКОГО КОНФЛИКТА И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

После проведенных в июне — августе 1992 г. парламентских и президентских выборов противостояние основных политических сил в стране вылилось в прямые кровопролитные столкновения между сторонниками пропрезидентского альянса и вооруженными формированиями оппозиционного блока СДВ — КПТ, оспорившего результаты второго тура президентских выборов.

Массовые обстрелы с применением гранатометов подразделениями армии и полиции двух густонаселенных районов города, куда проникли вооруженные отряды оппозиции, привели к многочисленным жертвам среди населения.

Они особенно усилились в июне и ноябре 1993 г. и после короткой паузы вновь возобновились в декабре 1993 — январе 1994 гг. Seriously пострадали посольства, расположенные в зоне перекрестного обстрела, в том числе резиденция посла США.

В Браззавиле был введен комендантский час. Передвижения по городу были затруднены из-за обстрелов и проверок на блокпостах. На них, несмотря на ноты протеста посольств, продолжали задерживать дипломатов, включая послов в автомашинах под флагом, что приводило к многочисленным инцидентам и становилось поводом для официальных представлений. Во время одной из таких стычек был убит посол Ливии. Мне, как исполняющему в это время в отсутствие посла Камеруна обязанности дуайена дипкорпуса, пришлось по просьбе прибывшего из Триполи специального представителя президента Ливии возглавить траурные мероприятия и после краткой церемонии вместе с несколькими послами сопровождать («из соображений безопасности», — как он объяснил) гроб с телом убитого коллеги в аэропорт*.

Не меньше проблем доставляли длительные перебои со снабжением города продовольствием. Ситуация заметно ухудшилась после вывода из строя единственной железнодорожной магистрали, по которой доставлялось в столицу продовольствие (страна почти целиком зависела от его им-

порта) из порта г. Пуэнт-Нуара. В самые трудные периоды мы обращались за помощью к нашему посольству в сопредельном Заире, которое выписывало продукты питания через иностранную фирму.

В связи с резким обострением обстановки осенью 1993 г. пришлось эвакуировать в Москву членов семей сотрудников нашего посольства. А несколькими месяцами раньше в феврале 1993 г., когда после выступления военных в соседнем Заире в очередной раз там вспыхнули беспорядки, наше посольство во второй раз за короткое время стало временным пристанищем перед отправкой самолетом в Москву для эвакуированных через реку из расположенной напротив Браззавиля Киншасы членов семей сотрудников нашего посольства в Заире. (Парадоксально, что эта самая крупная река в Африке — а граница между Конго и Заиром проходит по ее фарватеру — обозначалась тогда на географических картах этих стран по-разному. В отличие от Республики Конго (и всего мира) ее сосед упорно продолжал именовать ее рекой Заир вплоть до переименования Заира в Демократическую Республику Конго).

Когда улетал из Браззавиля, ситуация в стране начала меняться, хотя и медленно, в сторону нахождения компромиссных развязок для вывода Конго из затянувшегося политического кризиса. Однако прежде стране еще предстояло пройти долгий и трудный путь...

Перебирая в памяти события, лица и эпизоды того времени, и сейчас продолжаю и ощущать необъяснимое притяжение Африки (причины пытаюсь разгадать до сих пор) и, конечно же, Республики Конго, к которой за годы работы успел основательно прикипеть душой.

* Отсутствие на церемонии послов западных стран объяснялось их позицией бойкота Ливии, обвиняемой в организации теракта, приведшего к гибели в сентябре 1989 г. пассажирского самолета DC-10 авиакомпании ЮТА. Это трагическое происшествие поставило НР Конго, выступавшую с трибуны ООН за пресечение международного терроризма, в двусмысленное положение, так как этот самолет вылетел с международного аэродрома Браззавиля, а главный свидетель — конголезец вскоре «исчез» при загадочных обстоятельствах из браззавильской тюрьмы.

* * *

Из воспоминаний о работе в Республике Конго взял, на мой взгляд, актуальное для нынешнего момента, когда для успеха России на африканском направлении особенно важно объективно оценить уроки прошлого, сохраняя и используя все позитивное из наработанного за прошедшие более шести десятилетий опыта наших отношений со странами Африки.

За последние годы взаимовыгодное сотрудничество Российской Федерации с Конго и в целом с Африкой заметно выросло и сегодня выходит на новый стратегический уровень. Крепнет дружба, переданная по наследству от Советского Союза и проверенная годами. Намерение сторон развивать совместные проекты во многих отраслях экономики подтвердил официальный визит в июле 2022 г. в Конго Министра иностранных дел России С. В. Лаврова. Прошедшие уже два саммита «Россия-Африка» придают новый импульс развитию и укреплению нашего многопланового партнерства.

Александр ЧЕРНОВ

Чрезвычайный и Полномочный Посланник

«ДОМ ИЗ КАМНЯ» НА КРАСНОЗЕМЕ

Мой давний приятель, кандидат исторических наук, американист, по заданию своего научного руководства, чутко реагирующего на тренды текущего дня, углубился в изучение американской и в целом западной политики в отношении Черного континента. Начал практически с нуля и сразу же, по его собственному выражению, «стал открывать для себя в Африке Америку».

«Александр, — обратился он ко мне, — ты ведь работал в Зимбабве, объясни, что за блажь нашла на Роберта Мугабе — бывшего президента этой весьма благополучной по африканским меркам страны — блажь, заставившая его, борца против расистского белого режима Яна Смита, затеять расистскую, но уже черную земельную реформу. Эта реформа превратила экономику Зимбабве в руины»...

Откуда информация? — спросил я приятеля. — Источник, — сказал он, — проверенный — независимая западная пресса, ну и, конечно, наша родная Википедия...»

О Зимбабве («Доме из камня» на языке шона), о политике расистского режима Яна Смитa в отношении чернокожего большинства в этом «доме», которому колонизаторы дали свое имя — «Родезия» (в честь захватившего эти места в 19-м веке британца Сесилия Родса), я много читал в нашей прессе, еще учась в конце 1960-х годов в Московском университете. Советские газеты немало писали и о земельной проблеме в этом государстве. Речь шла не о нехватке земли, ее-то — того самого плодороднейшего южноафриканского краснозема — как раз хватало — но вот распределен он был крайне неравномерно. К концу 90-х годов прошлого века (то есть практически через 20 лет после обретения Зимбабве политической независимости) 70 процентов лучших сельхозугодий в стране — а это 12 миллионов гектаров — принадлежали всего четырем с половиной тысячам белых фермеров — потомков главным образом британских колонистов. А чернокожее население (тогда более 12 с половиной миллионов человек) вынуждено было довольствоваться остающимися 30 процентами, в том числе самой скудной категории земель, перемежающихся к тому же с обширными скалистыми участками (Зимбабве ведь «Дом из камня»).

Таково было колониальное наследие. Изменить его было весьма непросто. В 1979 году на прошедшей в Лондоне так называемой «Ланкастер — хаузской конференции», положившей конец вооруженной борьбе чернокожего населения за свободу и проложившей путь к провозглашению независимости в апреле 1980-го, земельный вопрос обсуждался особо. Ведь было абсолютно очевидно, что зимбабвийцы рано или поздно потребуют возврата своей земли, являющейся для большинства чернокожего населения главным, а то и единственным средством существования. Предвидя это, британцы — в лица правительства консервативной партии — «широким жестом» взяли на себя обязательство

о предоставлении Лондоном финансовых средств на выплату компенсаций белым фермерам в случае отторжения у них угодий. Но это «отторжение» могло осуществляться только по «добровольному принципу» — как со стороны «продавца» (то есть фермера), так и «покупателя» — правительства. Параллельно бывшие колонизаторы навязали независимой Зимбабве такую конституцию, которая не позволяла в течение 10 лет предпринимать какие-либо изменения в этой сфере...

Что получилось на деле? А то, что денег на выплату компенсаций катастрофически не хватало — или их не давали? — (по некоторым подсчетам, требовалось порядка трех миллиардов долларов США — по тем временам сумма огромная). И белые фермеры — в ожидании поступления средств и в полном соответствии с конституцией — удерживали имеющиеся у них угодья. После истечения десятилетнего срока, запрещающего изменение законов, британское консервативное правительство продолжало «кормить» зимбабвийские власти обещаниями о выделении денег на выплату финансовой компенсации белым фермерам — «как только деньги появятся». Вот такой заколдованный круг сложился, или, по утверждению некоторых наших зимбабвийских собеседников, был искусственно создан. Но ведь говорят же, что «как долго веревочке не виться...»

11 августа 1997 года я, тогда советник Посольства России в Зимбабве, по поручению посла присутствовал на ежегодном мемориальном митинге участников антиколониальной борьбы. Митинг проводился на так называемом «Акре героев» — участке земли в пригороде столицы страны Хараре, где похоронены наиболее известные зимбабвийцы, погибшие в боях за свободу. На их могилы возлагаются венки, проходит торжественный парад военнослужащих, звучат патристические песни. Центральное место в церемонии занимает

выступление президента, который обращается с речью к участникам митинга и приглашенным.

В тот день президент Роберт Мугабе в черном костюме, белоснежной сорочке и черном галстуке перед тем, как подняться на трибуну, по традиции обошел могилы героев, поправил ленты на венках, замер в центре Акра при исполнении гимна страны. Было видно, что участники церемонии — главным образом ветераны войны за независимость, расположившиеся на поставленных полукругом деревянных скамьях в амфитеатре Акра, относятся к этому прекрасно образованному, признанному в Зимбабве, в Африке, да и во всем мире лидеру национально-освободительного движения не просто с уважением, но с огромным почтением...

Вот он поднимается на трибуну, подтягивает ближе к себе микрофоны — и тут начинается невообразимое. Участники церемонии вскакивают с мест, топают ногами, бьют кулаками по невесть откуда взявшимся африканским барабанам — там-тамам — и, как по команде, — скандируют: «Мугабе, дай нам землю! Мугабе, нам нужна земля!»

Дождавшись успокоения толпы, президент произнес речь, посвященную памяти погибших героев, но она была короткой и без каких-либо конкретных обещаний на будущее.

Тогда все это выглядело неожиданным и казалось спонтанным проявлением давно копившегося раздражения. Но по прошествии лет и в результате анализа всей имеющейся на сегодня информации, я не исключаю, что это могла быть спланированная акция. Которая должна была показать, что народные массы, за свободу которых сражались ветераны, настроены самым решительным образом и что ждать восстановления справедливости больше они не намерены. Тем более, что незадолго до этого сам Мугабе предупреждал, что если белые поселенцы не поделятся с чернокожим большинством имеющимися у них излишками земли (о ее полной

конфискации речи не шло), то люди возьмут эти уголья самостоятельно.

Вместе с тем президент за годы независимости зарекомендовал себя искусным дипломатом, не рубил сплеча и выступал за решение сложных проблем путем переговоров. Как представляется, такой подход стоял и за созывом в Хараре 9–11 сентября 1998 года «Конференции земельных доноров». По поручению посла я зарегистрировался на ней в качестве наблюдателя.

Конференция стала заметным событием. Было представлено 48 стран, включая Великобританию, несколько международных организаций. Крупнейшие информационные агентства прислали в Хараре своих корреспондентов. В выступлениях зимбабвийцев на конференции явно прослеживался призыв к союзникам, партнерам и друзьям Великобритании в условиях декларируемого недостатка у нее необходимых для выкупа земель средств помочь Лондону и в знак солидарности выделить соответствующие финансы. Но, как представляется, такая формула — кто бы ее ни придумал — была изначально нерабочей. Логика здесь простая: «Почему кто-то другой должен платить за решение проблем, созданных британскими колонизаторами?» То, что ничего из этого не выйдет и что каких-либо больших денег никто не даст (а так оно впоследствии и получилось), становилось ясно уже по ходу работы конференции. Например, представители бывших колониальных держав — Франции, Португалии, Испании — воздерживались от каких-либо конкретных обязательств, заявляя лишь о намерении «серьезно рассмотреть эту тяжелейшую проблему». В доверительных же беседах с нами «на полях» конференции представители этих стран говорили, что у них со своими бывшими колониями и собственных проблем хватает. Завуалированный отказ в финансовом спонсировании земельных преобразований

в Зимбабве прозвучал с трибуны конференции из уст Высокого комиссара (посла) Австралии, заявившей, что до сих пор, несмотря на запросы их Высокой комиссии в Хараре, каких-либо инструкций по этому вопросу от австралийских властей не получено — дескать, будем ждать...

В то же время проведение конференции было полезно Зимбабве с точки зрения пиара. Хараре еще раз продемонстрировал, что выступает за ненасильственное решение британского земельного беспредела. Кроме того, организованные в рамках конференции ознакомительные поездки участников и наблюдателей «в поля» позволяли — с учетом включения в них корреспондентов мировых СМИ — ознакомить общественность с реальным положением дел на местах. Состоялось, например, несколько поездок в местные деревушки. Запомнились чистота и порядок (и это отличительная национальная черта чернокожих зимбабвийцев). Однако прежде всего в глаза бросались скудные наделы земли с выходом камня на поверхность, располагавшиеся за круглыми небольшими хатками. С таких наделов прокормиться большой семье вряд ли возможно.

Участники конференции и наблюдатели побывали также у белых фермеров. Картина — прямо противоположная. Отличные дома со всеми удобствами. Хорошо оборудованные хозяйственные строения, хлев с породистым скотом и вдалеке — поле для гольфа. Одна старая белая фермерша, приняв нас, видимо, за любопытных иностранных экскурсантов, с горечью говорила о том, что на ферме не хватает рабочей силы для обработки всей имеющейся земли (полторы тысячи гектаров), что дети выросли и разъехались кто куда — главным образом в Британию (любят они родину предков), и что ей очень тяжело приходится — одной хозяйке на такое большое хозяйство — за нанятыми чернокожими работниками, дескать, глаз да глаз нужен. Да и обрабатывают они всего лишь

пятьсот гектаров, а остальная земля заросла бурьяном — в этом и мы, участники поездки, убедились своими глазами...

Сама того не подозревая, белая леди затронула острейшую проблему землевладения в Зимбабве, а именно наличие огромных излишков земель у нее и ее соплеменников. Согласно зимбабвийской статистике, на конец прошлого века в стране не обрабатывалось в среднем до одной трети лучших, принадлежавших белым фермерам угодий. Правительство Мугабе, по-видимому, искренне надеялось, что на основе обещанных англичанами средств удастся безболезненно для экономики передать эту треть чернокожим малоземельным и безземельным (такие тоже были) крестьянам и включить земли в хозяйственный оборот, что только ускорит развитие страны. На деле оказалось, что это были всего лишь благие пожелания. Со всей очевидностью и окончательно это подтвердило отсутствие каких либо позитивных результатов от донорской конференции, на которой, кстати говоря, сами англичане ушли от заявлений о продолжении финансирования ими выкупа угодий.

Первый «звоночек» в этом плане прозвучал, однако, еще в ноябре предыдущего года. Тогда мы в посольстве с тревогой вчитывались в распространенное агентством Рейтер письмо нового — уже лейбористского — Государственного секретаря Великобритании по международному развитию Клары Шорт, назначенной после поражения в мае на парламентских выборах консервативной партии. До сих пор храню перевод того высокомерного и претенциозного документа. «Я должна заявить, — писала Государственный секретарь зимбабвийскому Министру земель и сельского хозяйства Кумбираи Кангаи, — что мы не согласны с тем, что Великобритания несет особую ответственность за неблагоприятные результаты выкупа земли в Зимбабве. Мы являемся новым правительством и наши действия осуществляем на других

принципах, не имеющих ничего общего с прежними колониальными интересами». А далее — еще «круче»: «Мои собственные предки были ирландцами и, как вы знаете, мы были угнетенным народом, а не колонизаторами». Коллеги в российском посольстве, усмехаясь, задавали тогда друг другу наводящий риторический вопрос: «А что, в правительстве Великобритании все ирландцы?»

Одним словом, сама жизнь заставила зимбабвийское руководство расстаться с иллюзиями, перестать полагаться на совесть бывших колонизаторов и ужесточить позицию по земельному вопросу. Для начала правительство составило список из 1471 фермы, которые теперь подлежали отчуждению у белых владельцев без компенсации. Это были не единственные фермы в их собственности, земли им все равно хватало. Отчуждение же совершалось на основе специального дополнения ко все еще действующему Закону о приобретении земли, и это дополнение гарантировало оплату прежним хозяевам за проведенные ими на фермах любые усовершенствования, созданную инфраструктуру, меры по повышению плодородия и т. д.

Политика отчуждения ферм мгновенно вызвала гневное осуждение Британии и коллективного Запада. Какие только обвинения не звучали тогда в адрес лично Мугабе и его правительства! Указывалось в том числе на «чудовищное попрание чернокожим режимом священного права частной собственности» (при том, что большинство белых фермеров землю не покупали, она досталась им по наследству от захвативших ее предков-колонистов). На мой взгляд, лучше всего на эту британскую и в целом западную истерику ответил тогдашний Министр иностранных дел Зимбабве Айзек Муденге: «В то время, как никто не протестовал против поправок прав человека и прав собственности коренного черного населения белыми колонистами, британские власти вдруг стали ярыми

защитниками прав человека сейчас, когда исправляется несправедливость, оставшаяся от их колониального правления, и их родственники и друзья теряют колониальное наследство в виде привилегий для белых. Черное большинство, являющееся жертвами, изображается теперь негодяями».

Надо отметить, что отчуждение земель поначалу проводилось властями все-таки весьма осторожно, как бы по принципу «семь раз отмерь...» С этим, однако, были категорически не согласны радикалы из числа ветеранов национально-освободительного движения. С февраля 2000 года они вместе с сельскими жителями начали осуществлять захваты белых ферм под лозунгом «Мы намерены вернуть назад свою землю». Таким образом, сбылось приведенное выше предостережение Р. Мугабе о том, что если белые не поделятся добровольно и без всяких условий излишками земель, то коренное население возьмет их самостоятельно. На фоне разворачивающихся в таком ключе событий правительство вынуждено было ускорить темпы и к июлю 2001 года оно составило список «обязательных к перераспределению» 4784 ферм, занимавших 9.33 млн. га, и уже к концу июля на половину этих площадей в ускоренном порядке были переселены 127 тысяч семей, а это больше 1 миллиона человек, проживавших ранее на малопродуктивных и коммунальных землях.

Земельная реформа набирала темпы. И Лондон — ожидаемо — взял курс на политическое и экономическое давление на Хараре. Начатую антизимбабвийскую кампанию Великобритания всячески пыталась интернационализировать. Против Хараре было применено излюбленное западное средство — экономические санкции, к ним — в знак солидарности — активно присоединились ЕС, все англосаксы и США в первую очередь. Какого-либо серьезного запаса экономической прочности у Зимбабве не было. Начал резко снижаться уровень жизни всех зимбабвийцев, пропали многие

необходимые товары. Одним из печальнейших результатов западного «санкционного наказания» стала жесточайшая гиперинфляция. Храню у себя выпущенную в начале двухтысячных годов Банком Зимбабве напечатанную на простой бумаге банкноту в 10 миллионов зимдолларов! На эти деньги в то время нельзя было купить даже буханку хлеба. 10 миллионов — не предел. Позже в обращении появились и купюры достоинством в 100 триллионов зимдолларов!

Инициаторы санкций, понятно, делали расчет на то, что население страны выступит с резким протестом, выйдет на улицы и свергнет «ненавистный режим» Мугабе. Ничего подобного не произошло. Режим устоял. Недовольные, конечно, были, но большинство прекрасно понимало причину происходящего, и люди были готовы пережить все трудности.

...С моим приятелем — кандидатом наук — мы обсуждали эти зимбабвийские события несколько вечеров. Приятель слушал внимательно, что-то записывал, «мотал, как он выразился, на ус», а потом вдруг сказал: «В твоём изложении, Александр, Мугабе предстает в образе чуть ли не ангела-спасителя — защитника чернокожих зимбабвийцев, но действующего без какого-либо расистского «антибелого» подтекста». Ответил приятелю, что так оно и было — что бы там ни писали «независимые западные СМИ» и зачастую просто копирующая их оценки «наша родная Википедия». Зимбабвийское правительство расистских побуждений не имело. Даже глава печально знаменитого белого расистского режима Ян Смит совершенно вольготно чувствовал себя при новой власти. Некоторое время он продолжал политическую деятельность в качестве оппозиционного члена парламента, свободно критиковал правительство чернокожих в многочисленных интервью британским и американским газетам, радио и телевидению, до самой кончины в 2007 г. жил в своём собственном доме в Хараре или на просторной семейной

ферме Гвеноро. В конце 90-х — начале 2000-х по уик-эндам он иногда встречался с друзьями в престижной харарской гостинице «Миклз». Находится она в пешей доступности от нашего посольства, и однажды в очередной уик-энд из чистого любопытства я отправился туда. Ян Смит был на месте — в баре в окружении друзей со стаканом своего любимого «Блэк лейбл» со льдом («на скалах»), и выглядел вполне счастливым человеком...

Что же касается Р. Мугабе, то ангелом, конечно же, он не был. В условиях враждебности Запада, при жесточайшей экономической депрессии ему приходилось принимать жесткие, непопулярные, а иногда и непродуманные решения. Так, под давлением обстоятельств, передавая в спешке землю чернокожим крестьянам, правительство Р. Мугабе совершенно упустило из вида то обстоятельство, что у них нет ни средств, ни соответствующей техники, ни навыков обработки больших угодий. Все это и многое другое приходилось выправлять в авральном порядке и не всегда успешно. Сельскохозяйственное производство начало «проседать» (а ведь до этого Зимбабве считалась продовольственной корзиной Южной Африки). Понадобилось время для улучшения ситуации, и, кстати сказать, помогли оставшиеся в стране белые фермеры — каких-либо официальных гонений на них не было и уехали далеко не все.

Р. Мугабе резко критиковали за то, что отторгаемые у белых колонистов угодья иногда оказывались не у безземельных чернокожих крестьян, а у партийных функционеров и нечистых на руку государственных чиновников. Правительство вынуждено было прибегать к суровым мерам, чтобы пресечь такую практику. Отмечались и другие упущения властей, за которые Р. Мугабе получил, как говорят англичане, свою долю песка (презрения) в лицо. Но главным провалом — совершенно очевидно — стали события, связанные

с деятельностью его второй, красивой молодой жены Грейс (разница в возрасте — 41 год; первая — Салли — была соратницей Р. Мугабе по национально-освободительной борьбе и похоронена на Акре героев).

Грейс когда-то работала в канцелярии президента машинисткой, а потом — секретарем. Став супругой главы государства, «прославилась» любовью к драгоценностям и роскошным нарядам, на которые в годы зимбабвийской гиперинфляции тратились в ходе зарубежных поездок немалые суммы в твердой валюте. Вступив в правящую партию, Грейс Мугабе быстро продвигалась по партийной лестнице и, особенно не скрывая, стала претендовать при поддержке некоторых своих коллег на пост руководителя партии и даже главы государства.

Конец этой вакханалии положили зимбабвийские военные, которые 17 ноября 2017 года отстранили девятилетнего (!) Р. Мугабе от власти. При этом весьма показательным было заявление представителей национальной армии. Как сообщил генерал-майор Сибусисо Мойо: «Мы хотим сделать абсолютно ясным, что это не захват власти военными. Наша цель — покончить с окружавшими президента преступниками, которые причиняют стране социальный и экономический ущерб». Сам президент официально подал в отставку, его супруга и ее соратники были исключены из правящей партии.

Роберт Габриэль Мугабе, правивший страной 37 лет подряд, скончался 6 сентября 2019 года. Пройдут годы, мутная пена осядет, горький привкус забудется. И новые поколения чернокожих зимбабвийцев наверняка вспомнят «Боба» (как иногда называли его коллеги) с благодарностью за то, что он вернул истинным владельцам «Дома из камня» их главное богатство — землю.

К 105-й ГОДОВЩИНЕ КОМСОМОЛА

29 октября 2023 года исполнилось 105 лет ВЛКСМ

Анатолий Потапов

Чрезвычайный и Полномочный Посол

О СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ, БОЛГАРИИ И «МОЛОДЕЖНОЙ ДИПЛОМАТИИ»

Одним из уникальных явлений, созданных в период Советского Союза, был Ленинский комсомол. Его возникновение в октябре 1918 года, как и создание органов народной власти — Советов народных депутатов, стало проявлением творчества народных масс. Для того, чтобы справиться с возникшими задачами в молодой Советской стране, необходимо было объединиться всем честным и добросовестным людям организации, имеющие общие цели и единство руководства. Именно такой организацией, объединяющей передовую молодёжь с целью оказание помощи Коммунистической партии в строительстве новой жизни, стал комсомол, выбравший в качестве своей идейной основы линию партии. За годы своего существования на счету комсомола много славных дел. Через его структуры прошли миллионы юношей и девушек, активно участвующих в строительстве новой жизни. Это помогало воспитанию всей молодёжи Страны Советов. Много

книг написано об участии комсомола в жизни страны в годы Гражданской и Отечественной войны. Комсомольцы были в первых рядах, сражавшихся против бывших эксплуататоров и чужеземных захватчиков. А после обеих войн комсомольцы со свойственным молодёжи энтузиазмом участвовали в восстановлении народного хозяйства. Об этом тоже написано немало книг и сочинено песен.

Я расскажу о такой мало отражённой в литературе теме, как «молодёжная дипломатия». Поскольку мне довелось работать послом в Болгарии, а ранее в комсомольских органах, то покажу это на примере деятельности ВЛКСМ по укреплению связей с молодёжной организацией Болгарии, называвшейся Димитровским комсомолом или кратко ДКСМ. По поручению первого секретаря ЦК ВЛКСМ Е. М. Тяжельникова соответствующий отдел ЦК комсомола занялся подготовкой необходимых документов для учреждения двустороннего литературно-художественного и общественно-политического журнала «Дружба», который бы издавался регулярно на двух языках, соответственно в Москве и Софии. Ранее уже имелся опыт издания подобного альманаха, как говорится, *ad hoc*. В новых условиях для улучшения творческого взаимодействия молодых авторов центральные комитеты ВЛКСМ и ДКСМ договорились издавать журнал на постоянной основе. В ту пору для этого необходимо было каждой стороне получить согласие от высших партийных органов. В подготовке необходимых документов полезную консультацию оказывал соответствующий Отдел ЦК КПСС. И вскоре журнал был учреждён. Его главным редактором с нашей стороны стал известный поэт Владимир Фирсов. Болгары главным редактором утвердили тоже известного поэта Лучезара Еленкова. За годы существования журнала на его страницах увидели свет многие талантливые произведения литераторов, публицистов, художников, критиков двух стран. Другой

полезной формой культурного сотрудничества между нашими странами был советско-болгарский клуб творческой молодёжи. В организации заседаний этого клуба, которые попеременно проходили через год то в одной, то в другой стране, международный отдел ЦК ВЛКСМ сотрудничал с отделом культуры ЦК комсомола. В нём работали талантливые люди, хорошо знавшие молодёжную культуру нашей страны. Один из сотрудников этого отдела, которого звали Саша, как-то поделился со мной, что поздно вечером, а практически ночью, у него в квартире раздался телефонный звонок. Он берёт трубку. В ней голос Александры Пахмутовой. Она извинилась за поздний звонок и говорит:

— Саша, мы с Колей (Добронравовым) только что закончили новую песню. Ты послушай, пожалуйста, получилась ли она у нас?

Надо сказать, что у Саши было консерваторское образование. И не в первый раз с ним советовались признанные музыканты.

Такие кадры подбирались в отдел культуры ЦК комсомола. С их помощью международному отделу ЦК и Комитету молодёжных организаций удавалось включать в наши делегации на международные мероприятия артистов разных жанров, а также молодых писателей и поэтов, которые были победителями престижных конкурсов. Вот, к примеру, как проходило в столице Болгарии заседание клуба творческой молодёжи двух стран. Участники клуба с привлечением широкой аудитории обсудили актуальные проблемы развития культуры в своих странах и место в этом процессе молодёжных организаций. Тональность дискуссии задал доклад, с которым выступил молодой литературовед, главный редактор серии ЖЗЛ издательства «Молодой гвардии» Юрий Селезнев. Он говорил о значении для современного молодого поколения классической русской литературы. Понимание

её духовной глубины, интеллектуальной мощи и высокого гуманизма защитит молодые, неокрепшие души, их совесть и самое будущее. В его речи не было высокопарных слов, не было пафоса. Приводимые им мысли Достоевского о том, что лучшие люди должны объединиться или призыв классика оберегать сердце народа, звучали весьма современно. Казалось, что особую достоверность словам докладчика придавала его внешность, напоминавшая образы русских аристократов середины прошлого века, известных по романам Тургенева и Толстого. Светло-голубые глаза светились искренностью и магнетической силой убеждённости, пышная причёска волнистых тёмно-русых волос так же, как и аккуратная бородка со свисающими вниз усами, были тронуты ранней сединой. Неожиданным для участников дискуссии было его утверждение о том, что третья мировая война уже идёт давно. Её ведут при помощи страшного оружия, которое опаснее атомного, водородного и даже нейтронного. Это идеологическое оружие направлено на разрушение сознания, совести и душ молодёжи. И в этой войне, по словам Селезнева, классическая, в том числе и русская, литература есть и будет одним из основных плацдармов всего лучшего, что накоплено тысячелетней историей человечества. Пройдёт полтора десятилетия, и мы убедимся, насколько провидческими оказались утверждения Юрия Селезнева, с ранним уходом из жизни которого русская литература понесла невосполнимую утрату. Наряду с серьёзными диспутами участники творческого клуба выступали на совместных концертах. В аудиториях, как принято говорить, яблоку негде было упасть. Особый успех стяжал тогда ещё малоизвестный за рубежом неподражаемый композитор и исполнитель своих замечательных песен Евгений Мартынов.

В регионах нашей страны болгары работали на лесозаготовках в Коми АССР, на нефте- и газовых разработках

в Тюменской области, Узбекистане, Туркмении, на горно-обогатительных комбинатах Белгородской и Курской областей. Общее количество болгарских рабочих и специалистов в СССР к концу 80х годов превышало 40 тысяч человек. Координацией деятельности болгарских коллективов занимался комитет Болгарской компартии и комитет Димитровского комсомола при посольстве НРБ. Отдел ЦК комсомола традиционно поддерживал дружеские контакты с секретарём посольства, ответственным за работу ДКСМ, Валентином Жевковым. Он в прошлом был выпускником одного из советских вузов.

В Сыктывкаре, а также в городах, где жило немало болгар — Благоево и Междуреченске — проходили дружеские встречи с советскими рабочими коллективами. Болгары в большинстве своём быстро овладевали русским языком. Они приезжали в СССР добровольно в командировку, как правило, от трех до пяти лет. Иные обзаводились семьями и возвращались на родину с молодыми жёнами, а иногда и с детьми. В Междуреченске произошёл забавный случай. На дальнем участке лесоразработок на автобазу не вернулся из рейса лесовоз, на котором водителем работал болгарин. До этого никаких нарушений за ним не наблюдалось. Все ломали голову, что могло случиться? Решили, что в пути сломалась автомашина и он самостоятельно пытается её починить. Никакой связи с участками тогда не существовало. Мобильных телефонов не было. Прождали день, второй. А его всё нет. Направили на тот участок другую автомашину. Но вернувшийся водитель сообщил, что три дня назад гружёный лесовоз выехал на базу, куда так и не прибыл. Когда уже стемнело, стали через управление запрашивать вертолёт для поиска водителя и лесовоза. На пятый день пропавший всё-таки сам появился на базе и рассказал, что он случайно заблудился в пути, выбрав в темноте не ту дорогу. Опасаясь,

что машина может забуксовать, он её оставил и отправился пешком искать какую-нибудь близлежащую деревню, чтобы уточнить, как ему выбраться отсюда. Уже к утру он набрёл на какую-то лесную избушку. Открывает дверь и, к своему удивлению, в сизом табачном дыму видит освещённых слабым керосиновым фонарём пятерых мужиков, похожих на бичей (так тогда называли опустившихся и спившихся людей, иронично расшифровывая эту аббревиатуру как «бывший интеллигентный человек»). Они сидели на чурбачках за дощатым столом, на котором водитель заметил несколько бутылок водки и самогона. По выражению их далеко нетрезвых глаз он понял, что его появление вызвало у них не меньшее удивление.

— Я болгарин, — сказал он, — с вырубок вывожу лес и заблудился.

— О! Братушка, — в один голос закричали они. — Давай к нам! У нас есть и водяра, и самогон.

Они подставили к столу ещё один чурбачок и разлили спиртное по стаканам. Начались тосты. Пили «за Шипку», «за дружбу», «за Болгарию», «за Советский Союз». И только когда у них закончились все запасы, они меня отпустили и показали, как добраться до базы, — закончил свой рассказ ещё окончательно не протрезвевший водитель. Вот таким было у нас отношение к болгарам в глубинах народных.

В те годы отношения между Болгарией и Советским Союзом достигли исторического максимума. Вспоминается случай, произошедший на открытии нового комплекса болгарского посольства, в котором участвовал Тодор Живков. Обращаясь к присутствовавшим на церемонии послам дружественных стран, он спросил:

— Как считаете, красивое у Болгарии в Москве посольство?

Дружное «да» было ему ответом. Он довольно улыбнулся и назидательно произнёс:

— Будете с Советским Союзом дружить, как Болгария, и у вас будут такие посольства.

С болгарской молодёжной организацией ВЛКСМ имел самые интенсивные контакты. Некоторые формы взаимодействия были присущи только им. В соответствии с требованиями времени комсомол искал новые формы взаимодействия с молодёжными организациями. Совместно с руководством Димитровского комсомола было решено апробировать участие в строительстве Усть-Илимского лесопромышленного комплекса, объявленного всесоюзной комсомольской стройкой, болгарского молодёжного отряда. Идея получила поддержку ЦК партий двух стран. Стройка нуждалась в водителях большегрузных автомобилей. ДКСМ сформировал такой отряд в количестве ста молодых посланцев из Болгарии.

В сорокаградусный мороз они прибыли в далёкий сибирский город, о существовании которого до того почти никто из них и слыхом не слыхал. Об экипировке, тем не менее, позаботились заранее: многие были в дублёнках, меховых шапках и в валенках. На торжественной встрече в городе некоторые парни, ловя на себе оценивающе заинтересованные взгляды девушек, не могли сдержать улыбок. Они машинально аплодировали речам ораторов о «братской дружбе», а в мыслях уносились в романтические приключения с приглянувшимися им сибирячками. Болгар поселили в недавно выстроенном пятиэтажном доме. На следующий день их ознакомили с грандиозной строительной площадкой, на которой кипела работа, и выделили новенькие большегрузные автомобили. Отрядом руководил умелый организатор, которого звали Стефан Станев, его заместителем был Виктор Простов, а парторгом отряда Валентин Петров. Каждый из них представляет собой очень любопытный характер, а в судьбе всех есть много общего, что могло бы пригодиться для понимания особенностей того времени и современного

разногласия о недавнем прошлом и об отношениях между нашими двумя народами.

Это был первый опыт проверки отношений между комсомольскими организациями двух стран не на словах о «вечной дружбе», а на деле — участием в сооружении крупного промышленного объекта в суровых сибирских условиях.

Стефан до командировки был сотрудником центрального комитета Димитровского комсомола. У него было инженерное образование и опыт руководящей работы. С первых дней на новом поприще он сумел создать в отряде атмосферу взаимной требовательности и взаимовыручки. Его привлекательная внешность с аккуратной причёской тёмных волос и внимательный взгляд карих глаз, бархатный голос, приятная улыбка и благородные манеры располагали к нему с первых минут знакомства. Всё это вместе с хорошим знанием русского языка с едва заметным акцентом позволило Стефану установить очень хорошие деловые отношения с представителями руководства Братскгэсстрой, в системе которого были оформлены на работу болгары, и с городскими властями. Он хорошо понимал, что без таких отношений и тесного взаимодействия с ними невозможно будет справляться с бесчисленными малыми и большими проблемами, которые на практике возникают почти ежедневно и, как правило, совершенно неожиданно. Если для этого надо было с каким-то начальником посидеть за «рюмкой чая» и поговорить по душам, то Стефан находил удобный повод и подходящую форму, чтобы этот начальник довольно скоро считал его чуть ли не закадычным другом. А когда ему предстояло продвинуть как можно быстрее бумагу с просьбой о необходимом содействии начальства в получении для членов отряда то ли запасных частей, то ли дополнительного горючего, то перед его обаятельной улыбкой не могла устоять ни одна сотрудница любой канцелярии.

В отряде его авторитет можно было назвать безусловным. Он никогда не допускал и намёка на своё превосходство и покровительственного тона даже к тем, кто поначалу едва справлялся с необычными условиями труда и быта и втайне подумывал, как бы найти удобный повод, чтобы покинуть этот суровый край. Стефан хорошо понимал по собственным ощущениям, что трудно было сразу привыкнуть к испытанию лютым холодом и необычной пищей, которым подвергается в новых условиях организм человека, привыкшего к мягкому климату и самобытной болгарской кухне. Тем более, что до прибытия сюда многие члены отряда имели о бескрайней Сибири весьма приблизительное представление. Им, как впрочем, и многим жителям Болгарии, а также и других европейских стран казалось, что Сибирь — эта та часть России, в которой морозы бывают в течение круглого года, и будто бы на улицах поселений бродят медведи.

В первые месяцы своего пребывания в Усть-Илимске, несмотря на необычные условия, работа была для многих в удовольствие. Ребята довольно быстро привыкали к новым обстоятельствам. Но отсутствие привычной пищи всё-таки постепенно стало сказываться на их настроении. Стефан стал замечать, что у некоторых это проявлялось в излишней нервозности и неводержанности. Надо было что-то делать. Он посоветовался с Виктором и Валентином. Триумвират пришёл к выводу, что нужно найти возможность получить для отряда, хотя бы разово, традиционные болгарские продукты.

Удобный случай вскоре представился. Ознакомиться с работой отряда прибыл в Усть-Илимск посол Болгарии Димитр Жулев. В беседе с ним ребята попросили помочь с поставкой болгарской брынзы. Разумеется, не бесплатно. Они зарабатывали приличные деньги по тем временам. Вскоре Стефана и Валентина пригласили в управление рабочего снабжения, которое занималось поставкой для системы

Братскгэсстрой разнообразных товаров. Каково же было их удивление, когда они узнали, что в адрес отряда поступил железнодорожный вагон болгарской брынзы! Чувство радости у них перемежалось с озабоченностью, что же им делать с целым вагоном брынзы? Стефан предложил каждому отрядовцу купить столько, сколько ему было по силам одолеть. Тогда ещё не было у них холодильников. Устьилимцы в своём большинстве в ту пору тоже обходились без них. Они и научили посланцев южной страны хранить скоропортящиеся продукты в работающих безотказно и без электричества самодельных холодильниках между оконными рамами. Кое-кто делал иначе: они складывали продукты в сетки, получившие с лёгкой руки популярного сатирика название «авоськи», и выставляли их в форточки. Зимний городской пейзаж благодаря этому имел неизменную инсталляцию, как принято сегодня называть такой род народного творчества: почти из каждого окна выглядывали ёмкие авоськи с продуктами.

Оставшуюся часть поступившей брынзы Стефан распорядился продать жителям города. Благодаря этому им впервые нежданно-негаданно выпало удовольствие отведать вкусного заморского продукта.

Но история с брынзой на этом не закончилась. Через пару месяцев Валентин был вызван в Москву на заседание объединенного парткома Болгарской компартии при посольстве. Секретарь парткома неожиданно спросил у него:

— Как получилось, что вагон брынзы, предназначенный для работающих в Коми болгарских рабочих, а их там с семьями несколько десятков тысяч, оказался у вас в Усть-Илимске?

Строгий голос секретаря, взгляды членов парткома то ли с иронией, то ли с сочувствием и совершенно неожиданный вопрос в первый момент обескуражили Валентина. Но он быстро овладел собой и сказал:

— Этот вагон поступил в Усть-Илимск не в отряд, а в управление рабочего снабжения Братскгэсстроя. И произошло это после того, как в городе побывал посол Жулев.

Члены парткома многозначительно переглянулись. Валентин заметил, что строгость в их глазах начала исчезать. Кто-то даже приятно улыбнулся.

— Вы можете это уточнить у посла, — уже спокойно давил Валентин.

Упоминание фамилии посла изменило настрой заседавших. Секретарь объявил перерыв. А после перерыва он уже не стал возвращаться к этому вопросу.

Стефан хорошо изучил характер и наклонности членов своей команды. Он умел найти для каждого нужное слово, чтобы ободрить его. Со всеми старался быть равным. Он никогда не выказывал своих симпатий или антипатий кому-либо. В его отношении к ребятам не было ни панибратства, ни начальственной высокомерности. Для подобных коллективов весьма важно, чтобы руководитель обладал качествами, которые не вызывают у подчинённых ни сомнений, ни насмешек, ни пересудов. Несмотря на множество соблазнов для молодого человека с такой привлекательной внешностью, как у Стефана, он никогда для этого никому не давал никакого повода. А, как известно, в молодом, растущем городе, где нет недостатка в девушках, ищущих романтических приключений, тем более с «горячими южными парнями», с которыми при благоприятных условиях они могли бы уехать и в экзотическую Болгарию. Различных соблазнов здесь было в изобилии. Понимая это, Стефан пригласил в Усть-Илимск свою супругу Аню на пару месяцев. После этого народная молва быстро разнесла по городу весть о том, что «командир болгарского отряда однолюб и хороший семьянин». С тех пор уже никто из начальников, чьими сильными

качествами отнюдь не были тактичность и деликатность, уже не говорили ему фамильярно:

— Мы тебе здесь такую невесту найдём, что ты у нас останешься навсегда!

Стефан не был и ханжой. В выходные и праздничные дни все вместе собирались за общим столом. А отмечали они и советские, и болгарские праздники. Было весело и непринуждённо. Звучали задорные здравицы, которые помнят на их родине ещё со времён освободительной войны против турецкого владычества: «На здраве, воевода!». В ответ раздавалось: «На здраве, дружина!».

Стефан не требовал от ребят чего-то, похожего на монашество. У многих сложились добрые отношения с городскими парнями и девушками. Были искренние отношения дружбы. Кое у кого появились и романтические увлечения. Уместным будет сказать, что вождения некоторых молодых устылимок оправдались. До конца пребывания отряда в этом городе было сыграно более тридцати болгаро-советских свадеб. Для молодых людей это также естественно, как дышать. Они сумели выстроить хорошее взаимодействие с городским комсомолом, который возглавлял коммуникабельный Леонид Шагин. Довольно скоро преобразилась вся жизнь города. На совместных вечерах устылимцы весело подпевали болгарам: «Моя страна — моя Болгария» или «Хей, Балкан, ты роден наш...» Болгары научили местных парней и девушек танцевать популярное на их родине «хоро». Они полюбили русские песни. Игравшие на гитарах разучили почти весь репертуар Высоцкого и Окуджавы. Стефан поощрял тех, кто хотел продолжить своё образование. Возможность учиться без отрыва от работы, было дополнительным стимулом для членов отряда. К осени некоторые из них, в том числе и Валентин, поступили на заочное отделение вузов в городе Иркутске.

Со временем у этого коллектива выработался свой стиль. Обладая крепким характером, смелостью в принятии решений и готовностью брать на себя ответственность, искренним отношением к нашей стране, чувством юмора и доброй душой, Стефан с самого начала пребывания в Усть-Илимске оказался в положении неформального вожака, чьё мнение, как обычно, предварительно обдуманное, не подвергалось никаким сомнениям другими членами команды. Столь же уважительно к нему относились и руководители города и Братскгэсстроя.

Рабочие будни всегда бывают связаны с различными неурядицами. Произвольно или непроизвольно возникают то большие, то малые проблемы. Всё это требует соответствующей реакции. К чести Стефана и его соратников, их реакция никогда не превращалась в склоки, препирательства или разборки. Благодаря этому им удалось сохранить свой коллектив, который, справляясь со всеми заданиями, успешно проработал в Усть-Илимске в течение почти пяти лет.

У кого-то может возникнуть вопрос: «Неужели болгары прибыли в далёкую Сибирь добровольно?» Подразумевая при этом, что только тоталитарная власть могла понудить их оставить благодатный климат своей страны и отправиться «за какие-то прегрешения» в холодные края. Не верилось, а сегодня и подавно никто не поверит в то, что они отправились на эту стройку по своей воле, из-за присущей в тот период молодым людям романтики, не испугались трудностей: жить и работать в чужом государстве с суровым климатом и отсутствием привычного бытового комфорта. Поспешим успокоить сомневающихся. Разумеется, у каждого отрядовца был и определённый меркантильный интерес. У них была возможность заработать там приличные по тем временам деньги, на которые у себя на родине они могли построить дом, купить квартиру или машину, помочь своим родителям или детям.

И всё-таки главным общим бесценным достоянием этого уникального опыта стали отношения подлинного товарищества между членами болгарского молодёжного коллектива, а также с их коллегами из Усть-Илимска, которые они сумели сохранить на долгие годы вперёд.

Перед отъездом на родину Стефан был удостоен советской государственной награды — Ордена Дружбы Народов. Устьилимцы избрали его почётным гражданином своего города. Другие члены коллектива были награждены главными комсомольскими штабами обеих стран.

Возвратившись в Болгарию, они не прервали связей. Традицией стало собираться ежегодно в определённый день всем вместе. Когда жизнь в наших странах совершила крутой поворот, то те, кто сумел найти себя и обрести крепкую финансовую и экономическую почву под ногами, помогали другим, кому по каким-то причинам не повезло.

Стефану доверили руководство крупным автокомбинатом, объединявшим все автохозяйства его родной Велико-тырновской области. В этом качестве он проработал до выхода на пенсию. Он не раз мне говорил, что в руководстве автокомбинатом ему очень помогал опыт, полученный в далёком Усть-Илимске.

После выхода на пенсию Стефан тяжело заболел. Спустя пять лет после того памятного юбилея телефонный звонок принёс скорбную весть. Стефан ушёл из жизни. Это случилось ранней весной. На его похороны пришли тысячи жителей города, провожая Стефана в последний путь. Казалось, что и погода оплакивала кончину славного сына болгарского народа. По небу низко плыли свинцовые тучи, осыпая дождём и снегом землю и собравшихся на траурную церемонию. Почему столько людей в непогоду пришло проводить Стефана? Не только добрая память о нём привела их сюда. Это было выражение их благодарности за ту доброту,

которую он проявлял к людям, и за его врождённое чувство справедливости. Эти чувства будут в них жить долго. Некоторые передадут их своим детям. Есть определённая закономерность в том, что память о человеке живёт тем дольше, чем богаче он наделён такими качествами.

Ближайшие соратники Стефана Виктор и Валентин много сделали, чтобы память о нём сохранялась и далее. Так продолжалась их дружба со своим вожаком, приобретая уже в определённом смысле метафизическое измерение.

Тогда никто не мог предположить, что пройдёт пара десятилетий, и Валентин по роду своей новой службы окажется в Москве как сотрудник болгарского посольства. Здесь он возобновил прежние контакты с городом Усть-Илимском. Вёл регулярную переписку с городской администрацией и прежними комсомольскими вожаками города и руководителями разных уровней, выдающимися людьми двух наших стран: космонавтами, учёными, артистами, спортсменами. Валентин добровольно взял на себя миссию главного архивариуса устьилимского отряда. Он со свойственной ему чёткостью и несуетливостью сумел собрать большой массив материалов, составляющих настоящую летопись этого отряда. Часть материалов он передал в открытый в городе Усть-Илимске музей. А, как известно, музеи — это материальная и духовная связь времён. На примере родного города Пловдива и своей страны Валентин убедился, насколько важно, чтобы ни один исторический период, ни один значительный факт или событие не исчезли в реке времени. Мы за последние десятилетия многократно убеждались в том, что новый исторический документ, свидетельствующий о далёком или недавнем прошлом, может кардинально изменить наше представление о конкретных обстоятельствах минувшего. Валентин уверен, что если сегодня какие-то из сохранённых им документов не относятся к числу востребованных,

то завтра или послезавтра они будут представлять несомненный интерес.

Для молодого сибирского города это тоже важно. Не случайно, у посетителей устьилимского музея всегда большое внимание привлекают те разделы, которые рассказывают об интернациональных отрядах из Болгарии, Венгрии, ГДР и Польши. Уместно будет напомнить, что болгарский отряд был самым многочисленным и задержался он в Сибири на много дольше остальных. Да, и память о себе он оставил намного богаче.

Нечто примечательное есть и в том, что ни один из отрядов других упомянутых социалистических стран не продолжил своих контактов с Усть-Илимском. И никто из бывших членов этих отрядов не навещал его. В этом, несомненно, есть определённая социологическая характеристика с далеко идущими обобщениями.

Примечательно и то, что каждый из троих руководителей болгарского отряда находил повод и возможность в разное время приехать в полюбившийся им город, встретиться со своими давними друзьями и знакомыми. Однажды вместе с Валентином и Виктором Усть-Илимск посетил молодой парламентарий от болгарской социалистической партии. Когда он услышал рассказы от устьилимцев об отряде своих земляков, то искренне пожалел, что его малолетний возраст в то время не позволил ему приехать вместе с ними в этот «тёплый», хотя и с зимними трескучими морозами, город.

Валентина как одного из бывших руководителей молодёжного отряда и как представителя болгарского посольства городская администрация Усть-Илимска пригласила на открытие в городе памятной плиты, посвященной Стефану Станеву, которое состоялось в середине сентября 2013 года. Намеченная церемония была открыта в установленный час у стадиона «Юбилейный». На ней присутствовали

ветераны — первостроители лесопромышленного комплекса и гидроэлектростанции, почётные горожане, бывшие руководители Братскгэсстроя и города.

Валентин привлёк к участию в этом знаменательном событии другого подвижника болгаро-русской дружбы — посла Доброй воли, президента детского международного фестиваля «Музыкальная радуга» Бисера Кирова. Его творчество хорошо известно в нашей стране. Он был удостоен звания Заслуженный артист Российской Федерации. Вечером Бисер Киров дал концерт на главной площади города перед Домом культуры «Дружба». Его искусство покорило жителей города и, судя по горячим, долго не смолкавшим аплодисментам, согрело их, вопреки прохладной погоде.

Сегодня в городском музее есть небольшой раздел, посвящённый творчеству этого замечательного певца. Некоторые материалы о нём, а также, в частности, его знаменитую шляпу, похожую на ковбойскую, были подарены музею Валентином.

А за год до открытия мемориальной плиты в честь Стефана Валентин и Бисер побывали в Барнауле для участия в праздничных мероприятиях, посвящённых очередной годовщине образования Алтайского края. Они использовали своё пребывание там, чтобы встретиться с ветераном Великой Отечественной войны Алексеем Ивановичем Скурлатовым. Он был прообразом знаменитого памятника «Алёша» в Пловдиве. Из Барнаула они преодолели на машине сотню километров, чтобы попасть в село Налобиха, где проживал заслуженный ветеран. Трогательная встреча состоялась в школьном музее боевой славы. Девяностолетний ветеран удивил гостей своей бодростью и прямой осанкой.

Из села Налобиха Валентин и Бисер выехали в Косихинский район, где они посетили мемориальный музей космонавта Германа Титова.

На следующий день Бисер Киров в Барнауле принял участие с песней «Алёша» в концертной юбилейной программе. Как всегда, его выступление вызвало восторженную реакцию зрителей. Второй раз Бисер и Валентин перед поездкой в Усть-Илимск посетили полюбившийся им Алтайский край по приглашению губернатора в составе официальной делегации, возглавляемой послом Бойко Коцевым. На сей раз Бисер выступал с концертами в Барнауле и в Белокурихе. Не могли Бисер и Валентин позволить себе не встретиться вновь с прославленным ветераном. Все врученные ему на концерте в Белокурихе цветы Бисер подарил Алексею Ивановичу Скурлатову.

После завершения своей миссии в болгарском посольстве, Валентин продолжил деятельность в Москве по укреплению отношений дружбы и сотрудничества с Россией в качестве представителя Фонда «Устойчивое развитие Болгарии», который возглавляет большой друг России Станка Шопова. Несколько лет назад Валентин был избран в руководство общероссийской неправительственной организации «Союз друзей Болгарии». Он также является членом Попечительского совета Евразийского международного университета в Москве.

О своих отношениях с русскими друзьями Валентин часто в шутку говорит: «Наш совместный полёт продолжается».

Самое пристальное внимание болгарскому отряду в Усть-Илимске уделяли лидеры Димитровского комсомола. Вначале Бойчо Щерянов, а после его перехода на работу в государственные органы Станка Шопова, которая не оставляла отряд без практической помощи до конца его пребывания на сибирской земле. За время своей работы в Усть-Илимске некоторые отрядовцы заочно окончили институты в городе Иркутске, обзавелись семьями, встретив своих спутниц жизни. Наверное, все горожане собрались на проводы

болгарского отряда. По примеру Димитровского комсомола на эту стройку присылали свои отряды Союз свободной немецкой молодёжи из ГДР и польская молодёжная организация. Они работали по два года. Отношение горожан к ним и к их работе на стройке проявилось во время проводов. Немцев тоже провожали чуть ли не всем городом. А провожать поляков пришло около десятка человек. К автобусу, на котором отбывали в аэропорт поляки, кто-то из городских шутников незаметно прикрепил метлу. Поляки её увидели, лишь, когда выехали за пределы города. Позже руководитель горкома партии признавался:

— За болгар меня наградили орденом Трудового Красного Знамени. А за поляков я получил выговор по партийной линии.

Большую работу проводил Ленинский комсомол по подготовке и проведению всемирных фестивалей молодёжи и студентов, которые превращались в настоящие манифестации молодёжи планеты против мирового империализма. О масштабах такой работы может свидетельствовать то обстоятельство, что на фестивали, как правило, направлялось более тысячи советских представителей. А в дни фестиваля проводилось более сотни конференций, заседаний «круглых столов» и семинаров, на которых обсуждалась роль молодёжи в международном демократическом движении, её участие в политических процессах, а также проблемы образования и культуры.

Только ленивый некоторое время назад, да порой и сегодня, не бросал и продолжает бросать комья грязи в советских людей. Недоброжелатели изобрели даже презрительное словечко «совок», чтобы испачкать им несколько поколений людей, которые своими мечтами и делами были устремлены в будущее. Не их вина, а их беда, что в бывшей огромной стране появились силы, а в остальном мире они

существовали всегда, которые своей целью поставили уничтожить эту страну и похоронить устремлённость в будущее её многонационального народа.

Прошедшие годы без такой молодёжной организации, как комсомол, особенно наглядно показали, сколь велики были его заслуги в строительстве нашего советского государства, защите его завоеваний на полях сражений и в отстаивании дружбу и сотрудничества в международном молодёжном движении. Сейчас нет организованной силы в мире, которая объединяла бы молодое поколение против всеразрушающего воздействия на людей глобальной финансово-олигархической корпоратократии, превратившей европейский континент в своего сателлита. И это является огромной трагедией современного человечества с непредсказуемыми последствиями в будущем.

В заключение можно сказать, что нужно помнить и ценить, что в СССР был накоплен колоссальный положительный опыт работы по воспитанию подрастающего поколения, имеющий историческое значение, опыт, который можно и нужно использовать сегодня и передать будущим поколениям

ВОСПОМИНАНИЯ И НАБЛЮДЕНИЯ

Г. П. Троценко

Чрезвычайный и Полномочный Посланник

КАЛЕЙДОСКОП МОЕЙ ПАМЯТИ

ФОРТУНА МНЕ УЛЫБНУЛАСЬ

О том, что время летит стремительно, говорилось миллионы раз. И все же каждый вынужден ощутить это на себе. Причем фиксируется это ощущение тем чаще, чем дальше мы отдаляемся от изначальной точки отсчета своей жизни. Констатация этого ощущения носит, как правило, все более ностальгирующий характер. Действительно, большая часть жизни уже прожита, а оставшаяся — неизвестна по своей продолжительности и, как правило, не сулит физического и душевного комфорта. Это и побуждает с щемящей тоской вспоминать то время, когда жизнь казалась бесконечной по протяженности и безграничной по возможностям. Уходящее время, словно комета в небе, оставляет за собой длинный хвост из событий и дел. Все они, разные по своему характеру и значимости, и составляют содержание и смысл жизни каждого из нас. Уже позже, оглядываясь назад, порой думаешь, а что было бы, если бы сделал/поступил не так, а эдак. Одни считают, что есть какая-то предопределенность и закономерность в траектории их жизни, а другие утверждают, что все,

начиная с самого факта рождения, строится на случайностях. Более точный ответ на этот вопрос дает, пожалуй, один из философских постулатов, согласно которому закономерность есть пересечение случайностей.

И сейчас, когда прошло более 55 лет с момента поступления в МГИМО МИД СССР и, соответственно, более 50 лет со времени его окончания, все еще хорошо помню, благодаря какой случайности я, так сказать, пересекся с этим высшим учебным заведением. Там, где я родился и провел свои первые 18 лет жизни, мало кто знал о существовании такого вуза, тем более что в то время справочники для поступающих в вузы не издавались. Для заканчивающих среднюю школу варианты поступления ограничивались главным образом диапазоном от педагогического института до политехнического, да и то за пределами родного города, т.к. своих вузов он не имел. А могли ли быть иные идеи в провинциальном городке на северо-западе Казахской ССР?! Менее чем 100-тысячное население города Актюбинска (ныне Актобе) состояло наполовину из вчерашних жителей ближайших и в основном украинских по национальному составу (следствие земельных реформ П. А. Столыпина в начале XX века) деревень (к этому пласту принадлежали и мои родители). Другая же половина, помимо небольшой прослойки представителей титульной нации (казахов), была представлена в большинстве своем переселенцами периода Великой Отечественной войны: бежавшие с охваченных войной территорий России и Украины и/или прибывшие из разных районов Советского Союза инженерно-строительные кадры для возведения и эксплуатации крупного завода по производству ферросплавов, а также принудительно перемещенные — поволжские немцы, чеченцы, крымские татары, прибалты и корейцы.

Как бы то ни было, незадолго до окончания школы в 1965 г. в моем окружении случайно оказался человек,

который в ходе общего разговора невзначай упомянул о существовании, конечно же, только в Москве, Института международных отношений. Бесконечно благодарен ему за это! Это была, так скажем, та первая случайность, которая стала для меня поворотной и определяющей для всей последующей жизни.

Другая случайность уже произошла во время сдачи вступительных экзаменов. Как обладателю «золотой медали» мне для поступления необходимо было сдать на «отлично» профилирующие предметы, т.е. историю и иностранный язык. Экзамен по истории проходил 2 июля. Этот день был на редкость знойным. Когда я зашел в аудиторию для «экзакуции», уже после трех часов дня, жара прямо-таки висела в воздухе. После непродолжительной подготовки я сел непосредственно перед экзаменующими, чтобы держать ответ. С первыми двумя вопросами справился вполне достойно. Третий же вопрос касался помощи Советского Союза Китаю в его сопротивлении японской агрессии в 30-е годы прошлого века. Ответил я на этот вопрос тоже, как мне казалось, нормально. Однако один из экзаменующих был китаист, и он стал меня дотошно допрашивать по существу вопроса. Мои знания ограничивались школьной программой, а потому я «поплыл». Выслушав мои сбивчивые ответы на уточняющие вопросы, экзаменатор-китаист выносит вердикт: «Ну что, молодой человек, не дотягиваете вы до «отлично». В аудитории наступает напряженная пауза. И в этот момент в открытое настежь окно аудитории, спасаясь от жары, влетает голубь и садится на разделяющий меня и экзаменаторов стол. Это было настолько неожиданно, что второй экзаменатор (дама) обращается к своему коллеге со следующими словами: «Это знак свыше! Давайте мы проявим к молодому человеку снисходительность и поставим ему «отлично».

Еще одна случайность произошла после того, как я был уже зачислен в МГИМО. По неизвестным до сих пор причинам ректорат института определил мне южноазиатскую направленность обучения, хотя я сам настраивался на европейскую (поступал с немецким языком). Помню, как в самом конце августа 1966 г. на общем собрании зачисленных в вуз проходило оглашение распределения по языковым группам. В какой-то момент я услышал свою фамилию в связке с неким непонятным языком. Желая уточнить, спросил сидящего рядом со мной, что это за язык, на что получил ответ: «Бурду какой-то». Вот так мне выпал лотерейный билет, на котором значился урду. Не могу сказать, что я был как-то обескуражен и расстроен этим выбором. Нет, этого не было. Скорее, было некое удивление и любопытство. Не могу также сказать и того, что я сразу проникся глубоким интересом к избранной для меня специализации. Это произошло уже позже, во время работы непосредственно в Южной Азии.

Работа на южноазиатском направлении в течение более чем 40 лет, из которых ровно половину я провел в странах Индийского субконтинента (Пакистан и Бангладеш), была чрезвычайно интересной и познавательной. Находясь непосредственно «в поле», т. е. на выезде, я открыл для себя другой мир, другую цивилизацию, к которой привязался и полюбил на всю последующую жизнь. Подтверждением возросшего интереса к этому региону стало и то, что уже во время первой командировки в Пакистан по линии МИД СССР (1971–1977 гг.) у меня появилось желание отразить и проанализировать в академическом ключе те события и процессы, свидетелем которых я был.

ПАКИСТАН

Страна на изломе

Пакистан к началу 70-х гг. прошлого века не был страной, которая входила в число приоритетных для Советского Союза, как, например, соседние Индия и Афганистан. Причин для этого было много, но главной среди них была та, что вскоре после раздела Британской Индии по религиозному принципу на Индию и Пакистан и предоставления новообразованным государствам независимости (август 1947 г.) правящие круги Пакистана взяли курс на тесное военно-политическое сотрудничество с Великобританией и США. Следствием последнего был, в частности, и инцидент с американским самолетом-разведчиком U-2, взлетевшим 1 мая 1960 г. с авиабазы на севере Пакистана и сбитым советскими ракетами под Свердловском. Тем не менее, с учетом близости Пакистана к границам СССР, советское руководство все же уделяло известное внимание поддержанию отношений, главным образом торгово-экономических, с этим довольно динамично развивающимся государством. Свидетельством заинтересованности Советского Союза в поддержании нормальных отношений с Пакистаном было также и то, что, когда в сентябре 1965 г. между Индией и Пакистаном из-за спорной территории Кашмир возник очередной вооруженный конфликт, руководство СССР предложило обеим странам провести в Ташкенте встречу «в верхах» с целью прекращения вооруженного противостояния. Трехсторонняя конференция состоялась в январе 1966 г.

Для непосредственно работающих в Пакистане по линии разных министерств и ведомств советских граждан эта страна до начала 70-х гг. была относительно спокойным местом. Проявления исламского фундаментализма были ограниченными и в целом не носили радикального и масштабного

характера. Понятие и факты исламского терроризма появились уже позже, в основном после «апрельской революции» в Афганистане в 1978 г. и «исламской революции» в Иране в 1979 г. Пока же этого не произошло, в Пакистане не было заметных антисоветских проявлений — как на уровне официальном, так и среди религиозно настроенной части населения. Исключение из этого составляет период национально-освободительной войны в Восточном Пакистане, когда при политической поддержке Советского Союза, прежде всего в Совете Безопасности ООН, и военном вмешательстве Индии на стороне повстанцев «мукти-бахини» (в пер. с бенгальского — «освободительная армия») народ этой части Пакистана создал в 1971 г. независимое государство Бангладеш (в пер. с бенгальского/урду/хинди — «страна бенгальцев»).

Вызревание этих событий мне пришлось наблюдать уже во время преддипломной практики в Пакистане (сентябрь 1970 г. — февраль 1971 г.), когда в декабре 1970 г. в этой стране впервые были проведены прямые всеобщие парламентские выборы. Когда же я прибыл на работу в Генеральном консульстве СССР в Карачи (октябрь 1971 г.), внутривнутриполитическая ситуация в Восточном Пакистане была накалена до предела вследствие отказа правящего в то время в Пакистане военного режима Яхья Хана передать власть победившей в ходе выборов Народной лиге и развернутых против этой партии и поддержавшего ее населения широкомасштабных репрессивно-карательных акций со стороны военной администрации.

Обструкция военного режима Яхья Хана, который отстаивал интересы доминировавшей в целом в стране с момента ее образования феодально-буржуазной элиты Западного Пакистана, в передаче власти Народной лиге была вызвана тем, что лидер этой партии Шейх Муджибур Рахман добивался прекращения полуколониального статуса

Восточного Пакистана, где на тот момент проживало около 55% из 130 млн. чел. населения всего Пакистана, и предоставления ему широких прав автономии в рамках единого Пакистана. Отказ военного режима передать власть Народной лиге и последующие репрессивно-карательные акции в отношении ее сторонников и вообще бенгальского населения побудили Ш. М. Рахмана заявить 26 марта 1971 г. о независимости этой части Пакистана и образовании Бангладеш. Развязанное после этого массовое кровопролитие в отношении бенгальцев Восточного Пакистана со стороны армии и полиции, укомплектованных практически полностью выходцами из Западного Пакистана, спровоцировало возникновение повстанческого движения «мукти-бахини» из числа сторонников Народной лиги и других политических сил, разделявших идею независимой Бангладеш.

Значительную, если не сказать решающую, роль в событиях в Восточном Пакистане сыграла Индия. Она изначально симпатизировала Народной лиге и желанию этой партии изменить полуколониальный статус Восточного Пакистана, тем более что в самой Индии, главным образом в Западной Бенгалии, проживала вторая половина разделенного бенгальского этноса (индусы по вероисповеданию). Когда же пакистанская военщина стала проводить массовую резню среди бенгальского населения Восточного Пакистана, что привело к бегству в смежные районы Индии, прежде всего в Западную Бенгалию, почти 10 млн. чел. (все население Восточного Пакистана составляло в то время более 70 млн. чел.), Индия была вынуждена вмешаться вооруженным путем. Этому предшествовало заключение в августе 1971 г. между Советским Союзом и Индией Договора о мире, дружбе и сотрудничестве, который блокировал вероятное вмешательство США и КНР на стороне Пакистана. Вспыхнувший в начале декабря 1971 г. очередной индийско-пакистанский

вооруженный конфликт проходил главным образом в пределах Восточного Пакистана, хотя для того, чтобы сковать основную часть пакистанских войск и воспрепятствовать им направить подкрепление в восточную часть страны, индийская армия вела ограниченные боевые действия и в отношении Западного Пакистана.

Карачи, где было наше Генеральное консульство и еще несколько советских учреждений, являлся крупнейшим деловым и промышленным центром, а также практически единственным морским портом Западного Пакистана, где к тому же находились военно-морская база и стратегические запасы получаемой извне нефти. Ввиду последних двух обстоятельств город неоднократно подвергался воздушным налетам индийской авиации, которая — по злой иронии судьбы для находившихся здесь наших граждан — состояла в основном из самолетов советского производства.

Война, разумеется, существенным образом повлияла на характер нашей работы и жизнь в целом. На территории Генерального консульства и других советских учреждений собственными силами сотрудников были сделаны некие подобия бомбоубежищ, которые имели скорее психологическую, нежели практическую пользу. Воздушные налеты на Карачи, в котором по распоряжению местных властей был введен тотальный блэкаут, проходили в основном ночью, при том что сирены, извещавшие о налетах индийской авиации, срабатывали с запозданием, а порой и после их завершения. Ввиду этого день у нас проходил в тягостном и напряженном ожидании ночи, а ночь — в тревоге и страхе, особенно когда были слышны разрывы сбрасываемых на город бомб. Тревожно было и днем, но уже по другой причине. Проходившие и прежде, в частности после заключения советско-индийского Договора о дружбе и сотрудничестве, протестные выступления — главным образом религиозных

и отчасти маоистских организаций — с началом войны приобрели форму погромных акций в отношении находящихся в Карачи и других городах Пакистана советских учреждений. Несколько раз демонстрации радикальных мусульманских организаций молодежи подходили и к Генеральному консульству. В такие моменты мы наглухо закрывали входные ворота и двери здания и готовились к худшему из возможных сценариев развития ситуации, тем более что охранявшая Генеральное консульство местная полиция при приближении воинственно настроенной толпы исчезала. В такой вот обстановке, примерно через неделю после начала войны и после достижения соответствующей договоренности между Москвой и Исламабадом, была осуществлена экстренная эвакуация из Пакистана большей части советских граждан (прежде всего членов семей сотрудников). К счастью для всех, и для нас в том числе, полномасштабный вооруженный конфликт между Индией и Пакистаном продолжался недолго — всего две недели. 16 декабря 1971 г. почти 100-тысячная пакистанская армия в Восточном Пакистане капитулировала и было заявлено о прекращении огня на всех фронтах, включая западный.

Штрихи к политическому портрету З. А. Бхутто

Сокрушительное политическое и военное поражение в Восточном Пакистане вынудило капитулировать и военный режим Яхья Хана — власть в Западном Пакистане была передана Зульфикару Али Бхутто, лидеру получившей в этой части страны большинство во время парламентских выборов 1970 г. Пакистанской народной партии (ПНП). После отделения «восточного крыла» возникла новая реальность, и к ней надо было срочно адаптироваться, чтобы не усугублять положение дел дальше. Один из вопросов, который следовало незамедлительно решить, — как поступить с Шейх

Муджибур Рахманом. Дело в том, что вскоре после объявления независимости Восточного Пакистана и начала репрессивно-карательных акций в этой части страны военный режим Яхья Хана арестовал лидера бенгальцев и доставил его в Западный Пакистан, где он и находился в тюрьме на момент распада Пакистана. З. А. Бхутто прекрасно понимал, что удерживать и дальше в заточении Ш. М. Рахмана — значит лишать себя возможности выстраивать новые взаимоотношения с уже бывшим Восточным Пакистаном, а также блокировать решение вопроса освобождения и возврата на родину почти ста тысяч своих военнопленных. Однако взять на себя ответственность в принятии решения судьбы Ш. М. Рахмана, когда общественное мнение Пакистана все еще находится во взвинченном состоянии после восточно-пакистанского кризиса и индо-пакистанского вооруженного конфликта, З. А. Бхутто не мог себе позволить. Ввиду этого он решил провести блиц-референдум.

Случаев прямого общения с новым лидером Пакистана или хотя бы возможности присутствовать на встречах с ним у меня, к сожалению, не было. Да и как такое могло произойти? — он руководитель страны, а я всего лишь начинающий дипломат, к тому же работающий не в Посольстве СССР в столице Пакистана, а в Генеральном консульстве в Карачи. И все же мне выпадала несколько раз возможность наблюдать З. А. Бхутто с близкого расстояния. Самым первым и памятным случаем оказался тот, что произошел буквально через несколько дней, как он в самом конце декабря 1971 г. пришел к власти. Было это так.

2 января 1972 г. в Карачи прошел инициированный З. А. Бхутто огромный митинг, на котором присутствовало около одного миллиона человек. На указанное мероприятие были приглашены и представители дипломатических и консульских миссий в Карачи. Руководство Генерального

консульства направило на это необычное действо одного старшего сотрудника, а меня в качестве его сопровождающего. Однако, поскольку З. А. Бхутто должен был выступать на языке урду, в плане получения представления о содержании выступления расчет, разумеется, делался на меня. Преодолев людскую толпу и полицейские кордоны, мы прибыли на место проведения митинга и, расположившись с помощью организаторов этого мероприятия максимально близко (примерно метрах в двадцати) к той платформе, с которой должен был выступать глава страны, прождали его появления часа полтора. Большое открытое пространство, где проходило это действо, позволяло видеть, как колыхнется людское море, притом что там, где возникали какие-то волнения, их успокаивали тысячи полицейских, вооруженных длинными бамбуковыми палками. Периодически толпа «подогревала» себя лозунгами «Пакистан зиндабад! Бхутто зиндабад!» (в пер. с урду — «Да здравствует Пакистан! Да здравствует Бхутто!»)

И вот наконец-то на платформе в окружении соратников по своей партии и нескольких министров только что созданного им правительства появился З. А. Бхутто. Это был относительно высокий и моложавый мужчина (на тот момент ему было 44 года) со спадавшими прядями слегка волнистых и темных волос с проседью, а также с довольно светлым для южноазиата лицом. Он был одет в темно-серый национальный наряд «камис-шальвар» (длинная, до колен, свободная рубаша и шаровароподобные штаны). В следующие часа два с половиной он страстно, с энергичной жестикуляцией и на пределе голосовых возможностей стал пересказывать собравшимся все перипетии, разумеется, в выгодной для себя интерпретации, восточно-пакистанской драмы. (Как известно, к саботажу передачи власти во всем Пакистане Ш. М. Рахману на основе парламентских выборов 1970 г. был причастен не только военный режим Яхья Хана, но и З. А. Бхутто, т. к.

в противном случае он не мог претендовать на что-то большее, чем создание двух из четырех провинциальных правительств в Западном Пакистане.) Всецело завладев вниманием толпы, он постепенно подводил ее к дилемме, что же делать: держать в тюрьме и дальше Ш. М. Рахмана и тем самым лишать себя возможности договориться с ним на каких-то приемлемых для Пакистана условиях или же незамедлительно освободить лидера вновь возникшего государства и тем самым дать шанс на выстраивание новых отношений с отколовшейся частью страны. Эта мысль, лейтмотив всего выступления З. А. Бхутто, многократно повторялась в его речи и в конечном счете, когда миллионная толпа уже была наэлектризована до предела, он прямо поставил перед ней вопрос, освободить ли Ш. М. Рахмана. Людское море на одном выдохе прорычало: «РихА карО!» (в пер. с урду — «Освободить!») Присяжные вынесли вердикт.

Противоречивый и непредсказуемый Пакистан

Яркий, харизматичный и прогрессивно настроенный З. А. Бхутто вынужден был признать новую реальность и направить свои усилия на нормализацию отношений как с Индией, так и с Бангладеш. В более широком плане внешнеполитический курс Пакистана при З. А. Бхутто характеризовался многовекторностью и прагматизмом, проявлением которых было и расширение взаимодействия с Советским Союзом. В известной степени к развитию отношений с СССР побуждало З. А. Бхутто и то обстоятельство, что во внутренней жизни страны, обещая всем гражданам «роти, капра, макан» (в пер. с урду — «хлеб, одежда, жилище»), он взял курс на построение «исламского социализма» («Ислам — наша вера, демократия — наша форма власти, социализм — наша экономическая система»), что являлось отражением популярности и притягательности идей социализма среди развивающихся

стран. (Внешнеполитический курс правительства З. А. Бхутто и, в частности, советско-пакистанские отношения в период его правления были представлены мною в коллективной монографии «СССР и Пакистан»/Москва: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1984.) Разумеется, «исламский социализм» З. А. Бхутто, который сам был одним из крупнейших полуфеодалов землевладельцев Пакистана, имел мало общего с «классическим» социализмом Советского Союза.

Помимо срочной корректировки внешнеполитического курса перед новым руководством страны остро стояла задача сохранения единства и целостности Пакистана, т. е. той части, которая осталась в его границах после декабря 1971 г. События в Восточном Пакистане, приведшие к образованию Бангладеш, явились катализатором резкого обострения и прежде существовавших противоречий и трений между основными этнонациональными компонентами западной части страны. В основе этого было, с одной стороны, доминирование во всех сферах жизни блока феодально-буржуазных слоев пенджабцев, составлявших более 60% от всего населения Западного Пакистана, и буржуазии примерно 8% урдуязычных мусульманских беженцев («мухаджиров») из Индии периода раздела британской колонии на два государства, а с другой стороны, дискриминация и ущемление в той или иной степени социально-экономических и политических прав и интересов т. н. малых национальностей (пуштуны — 16%, синдхи — 12% и белуджи — 2,5% от всего населения). Под впечатлением от успеха национально-освободительной борьбы бенгальцев в Восточном Пакистане среди «малых» национальностей началось широкое движение, в ходе которого их представители выдвигали требования от предоставления большей автономии до создания собственных государств (в Северо-Западной пограничной провинции — Пуштунистан, в Синде — Синдхухдеш (в пер. с урду/синдхи — «страна

синдхов»), в Белуджистане — Великий Белуджистан). Даже входившие в доминировавший в стране пенджабо-мухаджирский альянс представители последних стали тоже требовать создания собственной провинции на базе округа Карачи, где компактно осела значительная часть «мухаджиров» после их исхода из Индии. Движения представителей «малых» национальностей в 1972–1975 гг. носили разные формы: от мирных политических акций до вооруженных выступлений.

Работая в Генеральном консульстве СССР в Карачи, в консульский округ которого входили Синд и Белуджистан, я мог отслеживать эти бурные события не только по СМИ, но и отчасти вживую. Впоследствии эти события и процессы были мною изложены и проанализированы сначала в диссертации, а потом (более расширенно и актуализированно) и в опубликованной монографии на тему «Национальный вопрос в Синде» (Москва: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1990).

К середине 70-х гг. З. А. Бхутто, синдху по национальности, удалось где-то силой, а где-то путем определенных уступок погасить или заметно ослабить национальные или сепаратистские движения «малых» народов Пакистана. Тем не менее политическая ситуация в стране в целом оставалась довольно напряженной, в том числе и потому, что проводившиеся правительством ПНП прогрессивные реформы и преобразования в общественно-политической и экономической жизни в штыки воспринимались религиозно-консервативными кругами Пакистана. Не удалось З. А. Бхутто в полной мере поставить под свой контроль и армию, которая традиционно играла значительную роль в политических процессах в стране и периодически брала государственную власть в свои руки. Именно неспособность обуздать генералитет армии и стоила З. А. Бхутто не только потери власти, но и жизни. Несмотря на убедительную победу

на парламентских выборах в марте 1977 г., назначенный им же самым годом ранее в обход других, более заслуженных кандидатур командующий армией Зия-уль-Хак сместил З. А. Бхутто в июле 1977 г. и взял власть в свои руки. Позднее против З. А. Бхутто был инспирирован судебный процесс, результатом которого было то, что в апреле 1979 г. он был казнен. Обращения и просьбы к Зия-уль-Хаку руководителям многих стран, включая и Советский Союз, помиловать незаконно отрешенного от власти премьер-министра были проигнорированы узурпатором.

Период правления Зия-уль-Хака (1977–1988 гг.) был, пожалуй, наиболее мрачной главой в истории Пакистана. Будучи фанатичным приверженцем ислама, во внутренней политике Зия-уль-Хак не только подверг радикальной ревизии все то прогрессивное, что сделал З. А. Бхутто, но и в рамках активно продвигаемой им т. н. исламизации внедрял в общественную и экономическую жизнь страны нормы шариата, в частности исламские налоги, беспроцентные депозиты и кредиты в банках, публичные казни и наказания, юридическое закрепление неравенства женщин, запрет азартных игр и алкоголя и т. п. На международной арене для большинства руководителей государств в течение ряда лет он был нерукопожатной и токсичной фигурой. Однако все резко изменилось после «апрельской революции» в Афганистане в 1978 г. и в особенности после того, как в декабре 1979 г. СССР ввел в эту страну свой «ограниченный контингент».

Эскалация вооруженного конфликта в Афганистане и, как следствие, бегство из страны, главным образом в соседний Пакистан, более 2,5 млн. афганцев (из 15 млн. чел. всего населения) сделали Исламабад востребованным и важным игроком в геополитическом противостоянии Советскому Союзу со стороны т. н. Запада и реакционных мусульманских режимов. В этом контексте Зия-уль-Хак — с его радикальными

исламскими воззрениями и готовностью внести свой вклад в борьбу против Советского Союза — приобрел особую ценность в глазах Запада и прежде всего США. Пакистан стал основным плацдармом вооруженного противодействия Советскому Союзу. Через Пакистан отрядам «моджахедов» в Афганистане поступало оружие, а непосредственно на пакистанской территории размещались не только афганские беженцы, но и лагеря подготовки местными и зарубежными военными инструкторами т.н. исламских борцов. Именно здесь и в это время из числа афганских беженцев стали формироваться и соответственно обучаться будущие «талибы». И все же конец у Зия-уль-Хака был такой, какой он заслужил, — бесславный. После того, как в результате долгих и сложных не прямых переговоров между Кабулом и Исламабадом при посредничестве ООН в апреле 1988 г. было достигнуто соглашение по урегулированию «афганской проблемы», западные кураторы и покровители Зия-уль-Хака, видимо, решили избавиться от него как личности весьма одиозной. В августе 1988 г. самолет, на котором Зия-уль-Хак совершал поездку по стране, потерпел крушение, а президент-самозванец погиб.

Работать в Пакистане, пока Зия-уль-Хак был у власти, мне не пришлось. Весь этот период я отслеживал из Москвы, трудясь в южноазиатском подразделении МИД СССР и периодически участвуя в обсуждении «афганской проблемы» с коллегами из Института востоковедения Академии наук (ИВАН) СССР, в том числе в рамках «ситуационных анализов», которые проводились по инициативе и под руководством Е. М. Примакова, являвшегося в то время директором института.

По поводу «афганской проблемы» и вовлеченности в нее Советского Союза уже написано и сказано много, а потому я ограничусь лишь небольшой ремаркой. Насколько я помню, произошедший в апреле 1978 г. в Афганистане «левый

переворот» был большим сюрпризом не только для внешнего мира в целом, но и для руководства нашей страны, хотя оно сразу его признало и поддержало. Прямая вовлеченность в афганский кризис была, безусловно, большим просчетом советского партийно-правительственного истеблишмента, который при принятии решения на этот счет исходил из таких, вроде бы, очевидных, но не бесспорных соображений, как: во-первых, необходимость противостоять попыткам США и их сателлитов потеснить Советский Союз в этой части Азии, а во-вторых, возможность в этом контексте расширить сферу своего влияния за счет создания еще одного государства социалистической ориентации. Последнее желание было совершенно нереалистичным, т.к. архаичный исламский Афганистан не был готов к радикальным политическим и социально-экономическим преобразованиям. Тем не менее при обсуждении «афганской проблемы» как в МИДе, так и в академических учреждениях типа ИВАН превалировал оптимизм насчет того, что «большой скачок» из феодализма в современность все же возможен, т.е., подобно Монголии, Афганистан можно социализировать. Вовлеченность СССР в афганский кризис и последовавший за этим против нашей страны «крестовый поход», инициированный коллективным Западом и поддержанный КНР, а также подавляющим большинством исламских стран, при том что Пакистану отводилась роль форпоста военно-политического противодействия, явились по сути дела катализатором деградации и в конечном счете развала Советского Союза. Вот чего стоила одной из супердержав ошибка тогдашнего ее политического руководства! Да, разумеется, помимо «афганской проблемы», большую лепту в дело развала СССР внесли Горбачев и Ельцин — гореть им в аду.

Во вторую командировку в Пакистан (опять же в Генеральное консульство СССР в Карачи) я прибыл в самом

начале октября 1988 г. Чувствовалось, что страна вздохнула с облегчением после того, как закончился период почти что средневекового мракобесия, связанный с одиозной личностью Зия-уль-Хака. Теперь она готовилась к всеобщим парламентским выборам, намеченным на ноябрь 1988 г.

Эти выборы преподнесли Пакистану, да и миру в целом, большой сюрприз. За период своего правления Зия-уль-Хак сделал все, чтобы исключить возвращение Пакистанской народной партии к власти. Наряду с масштабными репрессиями в отношении ее членов и сторонников были предприняты также меры по фактическому обезглавливанию, в том числе и в буквальном смысле слова, ее руководства и прежде всего семейства Бхутто. Один из сыновей З.А. Бхутто — Шахнаваз — был убит в 1985 г. в Париже при невыясненных обстоятельствах, а вдова Нусрат и старшая дочь Беназир и ее брат Муртаза, спасаясь от преследований, большую часть времени были вынуждены жить в изгнании. Как бы то ни было, возглавившая ПНП Беназир вернулась в конце 1986 г. в Пакистан для продолжения борьбы против режима Зия-уль-Хака. На состоявшихся в ноябре 1988 г. парламентских выборах ПНП одержала убедительную победу и Беназир Бхутто стала премьер-министром. Это произошло вопреки всем прогнозам, учитывавшим в том числе и то, что, получившая образование в США (Гарвард) и Великобритании (Оксфорд), Беназир Бхутто значительную часть своей жизни (на тот момент ей было 35 лет) находилась за пределами Пакистана и что ортодоксальное мусульманское общество страны не примет женщину в качестве главы правительства, тем более после проводившейся в течение десяти лет оголтелой исламизации. Как и ее отец, Беназир Бхутто была яркой и харизматичной личностью. В течение последующих почти 20 лет она была значимой фигурой на политической сцене Пакистана, дважды становилась премьер-министром

и дважды досрочно теряла власть. Финал у Беназир Бхутто был такой же трагичный, как и у ее отца. В декабре 2007 г., когда после очередного, почти десятилетнего военного режима Первез Мушаррафа Пакистан готовился к новым парламентским выборам, она стала жертвой целенаправленного теракта, совершенного на предвыборном митинге.

Что я делал в Пакистане

Итак, непосредственно в Пакистане я проработал в общей сложности более 11 лет. Что касается характера и существа работы, то она была весьма многообразна и выходила за пределы расхожего представления о дипломатической службе. И в первой, и во второй командировках я был практически единственным «урдистом» в коллективе Генерального консульства, что накладывало на меня много дополнительных обязанностей в сравнении с теми сотрудниками, кто обходился одним лишь английским языком. В первой командировке мне как молодому специалисту, в рамках или в дополнение к дипломатическим/консульским функциям, приходилось заниматься переводами (урду и английский), набором студентов из числа местной молодежи в советские вузы, а также организационно-протокольной работой типа подготовки дипломатических приемов, встреч/проводов в аэропорту советских делегаций и приезжающих или проезжающих через Карачи сотрудников наших дипломатических учреждений — Генерального консульства в Карачи и Посольства в Исламабаде. Помимо этого, опять же благодаря знанию урду я был почти что штатным сотрудником «Дома дружбы» (Представительство «Союза Советских Обществ Дружбы» в Пакистане), где для местной общественности проводилась лекционно-пропагандистская работа, а также различные культурно-массовые мероприятия (художественная самодеятельность, конкурсы, викторины, выставки и т. п.).

На обилие и нескончаемость дел я не жаловался, старался выполнять их ответственно и добросовестно. Большая загруженность и многообразие обязанностей способствовали более скорому и успешному освоению профессии заграничника по широкому диапазону, что в дальнейшем, когда я был уже на более значимых должностях, позволило спокойно реагировать на возникающие проблемы и трудности. Например, во время второй командировки в Пакистан в качестве консула в дополнение к основным дипломатическим обязанностям на меня (вместе со специально командированным из Москвы инженером) была возложена задача по надзору за строительством пакистанским подрядчиком уже своего служебно-жилого корпуса Генерального консульства (до этого была аренда зданий у местных домовладельцев). Иногда возникали и совершенно неожиданные проблемы. Так, в середине августа 1990 г. Карачи оказался в топе мировых новостных сообщений в связи с угоном пассажирского самолета «Аэрофлота» ТУ-154 дюжиной уголовников, которых в Якутии этапировали из одного места заключения в другое. Являясь в это время Управляющим Генеральным консульством (генеральный консул был в отпуске в Москве), я совместно с представителями соответствующих служб Пакистана вел переговоры с угонщиками об их сдаче местным властям и освобождении самолета и находящихся на его борту около полусотни заложников из числа рядовых советских граждан. Готовя этот угон, уголовники исходили из того, что с учетом плохих отношений между Советским Союзом и Пакистаном последний примет их как героев. Пакистанские же власти, узнав, что угонщики не являются «мусульманскими братьями», отнеслись к ним, как к обычным нарушителям закона, согласно которому за угон воздушного судна полагается от пожизненного заключения до смертной казни. Позднее в течение почти двух лет мне пришлось вживую отслеживать проходивший над

ними судебный процесс в Карачи. В конечном счете угонщики были осуждены на пожизненный срок (в реальности лет на десять) и, насколько мне известно, не все из них дожили до освобождения и возвращения на родину.

И все же основной моей работой, от которой я получал наибольшее удовлетворение, была политико-дипломатическая. Она, в частности, включала в себя встречи и обсуждения с представителями официальных кругов и общественности вопросов широкого спектра международной политики и двухсторонних советско-пакистанских отношений. На основе этого и тщательно отслеживаемых сообщений местных СМИ мною готовились информационно-справочные и аналитические документы по внутренней и внешней политике Пакистана, а также по состоянию и перспективам советско-пакистанского взаимодействия в различных областях.

Архаичная глубинка. Отзвук афганского кризиса

Продолжительная работа на пакистанском направлении, к тому же дополненная растущим личным интересом к Пакистану, способствовала тому, что я становился экспертом по этой стране. Погружению в проблематику Пакистана в немалой степени содействовало знакомство с реалиями этой страны вживую, в том числе автомобильные поездки по ней. В общей сложности мне довелось совершить около десяти таких автопробегов. То были не самостоятельные поездки, а вместе с кем-то из сотрудников Генерального консульства СССР/России. Знание не только английского, но и языка урду и отчасти синдхи (я его стал учить по собственной инициативе уже находясь в Пакистане) делало меня востребованным попутчиком в командировках/поездках генерального консула и других старших дипломатов. Благодаря этим поездкам я мог видеть страну вживую и во всех ее проявлениях — как природно-климатических, так и социально-

экономических. По первому блоку я поделюсь своими наблюдениями чуть ниже, а здесь же хочу привести несколько замечаний по второму.

В Пакистане в 70-е годы прошлого столетия можно было наблюдать широкий и разнообразный диапазон социально-экономических укладов жизни. Так, если в городах достаточно бурно развивались капиталистические отношения, в частности в области промышленности, торговли и сферы услуг, при наличии социальных и материальных проявлений и свидетельств современной цивилизации, то за их пределами в той или иной форме сохранялось зачастую практически средневековые как в социальном, так и экономическом плане. В сельской местности если и были какие-то проявления современной цивилизации, то они носили очаговый или даже точечный характер: где-то уже пользовались электричеством, а где-то можно было видеть более или менее современную сельхозтехнику или относительно современные транспортные средства. Социально-экономическая архаика была особенно характерна для Белуджистана и Северо-Западной пограничной провинции (сейчас она называется Хайбер-Пахтунхва), а также частично для Синда и Панджаба. Одним из наиболее зримых примеров архаичности был социальный уклад в сельской местности: тут все еще в полной мере сохранялась родоплеменная структура общества, при которой носителями политических, административных и судебных полномочий выступали лидеры племен, при том что соплеменники должны были неукоснительно соблюдать их волю и предписания практически во всех сферах жизни. Спокон веку здесь действовал также своеобразный местный домострой. Мне пришлось неоднократно вживую общаться с представителями феодально-племенной знати.

Так, в декабре 1973 г., во время поездки в Белуджистан, который непосредственно граничит с Ираном и Афганистаном и который наряду с Синдом входил в консульский округ

Генерального консульства СССР в Карачи, была встреча с Навабом Акбар Шахбаз Ханом Бугти (в СМИ и в обиходе он именовался Акбар Хан Бугти — А.Х. Бугти), главой одного из крупнейших белуджских племен, который к тому же в это время являлся губернатором (номинально глава исполнительной власти, назначаемый президентом Пакистана) провинции. Личность эта была очень своеобразная и колоритная в тог-дашнем Пакистане. А.Х. Бугти, высокий и физически крепкий мужчина средних лет на момент нашей с ним встречи, отличался крутым и строптивым нравом, у него весьма непросто складывались взаимоотношения с центральными властями страны, и зачастую он вместе с рядом других вождей белуджских племен выступал, в том числе вооруженным путем, против диктата Центра. В биографии А.Х. Бугти был такой примечательный момент: будучи еще 12-летним подростком, он убил своего соперника, что, по местным обычаям и понятиям, было воспринято как проявление мужества и доблести.

В связи с А.Х. Бугти я был свидетелем достаточно неординарного инцидента. Вскоре после отделения Восточного Пакистана и образования Бангладеш пришедший к власти в Пакистане З.А. Бхутто, в рамках адаптации страны к новым условиям, в марте 1972 г. совершил визит в Москву. В числе его сопровождавших лиц был и А.Х. Бугти. Вскоре после того как завершился этот визит, к нам в Генеральное консульство, минуя полицейскую охрану у входа, неожиданно пришел внешне диковатый мужчина (глядя на него, можно было подумать, что он спустился с гор), к тому же с ружьем. Запустивший его внутрь нашего учреждения дежурный комендант позвонил мне и взволнованно сообщил, что у нас в офисе вооруженный человек и что странный визитер чего-то добивается, но никто не может понять, чего именно. Мне как единственному знатоку местного языка пришлось пойти на общение с ним. В ходе разговора (нежданный гость,

к счастью, мог говорить на урду) выяснилось, что после поездки в Советский Союз А.Х. Бугти не вернулся на свою малую родину, а потому его племя выражает крайнюю обеспокоенность за судьбу своего лидера и в этой связи направило к нам в Генеральное консульство ходока для выяснения, что же произошло с главой их племени. В течение примерно получаса с помощью других сотрудников Генерального консульства мне удалось узнать, что после посещения Советского Союза А.Х. Бугти планировал на некоторое время съездить на лечение в Болгарию, где, видимо, и задержался. Получив эту информацию, я, как мог, успокоил «человека с ружьем» и выпроводил его из Генерального консульства.

Запоминающимися были встречи во время поездок в Белуджистан и с другим представителем феодальной знати — ханом княжества Калат, где проживали в основном брагуи (одна из малых национальностей Пакистана), Мир Ахмад Яр Ханом Ахмадзай (в СМИ и обиходе он чаще именовался Ахмад Яр Хан — А.Я. Хан). На момент наших встреч он также был губернатором провинции (в этом качестве он в начале января 1974 г. сменил А.Х. Бугти и занимал должность до июля 1977 г.). Следует заметить, что А.Я. Хан, являясь правителем княжества Калат, во время раздела Британской Индии и образования Пакистана активно, в том числе вооруженным путем, добивался независимости для Белуджистана, однако в конечном счете вынужден был отказаться от своих самостоятельных устремлений. В одно из посещений Белуджистана А.Я. Хан пригласил нас (тогдашнего генерального консула с супругой, а также меня в качестве «адъютанта его превосходительства») к себе в родовое поместье в Калате (район расположен в центральной части провинции), где у него находился удивительной красоты дворец-резиденция.

Во время второй моей командировки в Пакистан (октябрь 1988 г. — август 1993 г.) возможности для поездок

по стране резко сократились. Причиной этого было главным образом отсутствие должных гарантий безопасности, ввиду того что Пакистан превратился в прифронтовое государство, стал при поддержке США и других стран Запада по существу основным плацдармом противодействия ограниченному контингенту советских войск в Афганистане, а в самом Пакистане находились около 2,5 млн. афганских беженцев, а также участники боевых действий — т.н. «моджахеды» («талибы» еще не вышли на авансцену, они в это время только формировались в лагерях беженцев). Практически единственным безопасным способом перемещения по стране был для нас воздушный транспорт, хотя порой в порядке большого исключения все же осуществлялись и автомобильные пробеги в сопровождении усиленной военной охраны.

В конце декабря 1989 г. тогдашний генеральный консул решил совершить поездку в Белуджистан именно наземным способом, т.е. на автомобиле. Конечной точкой поездки была столица провинции г. Кветта, посещение глубинки не планировалось по причине все той же безопасности, вернее — ее отсутствия. Я же сопровождал его как непосредственный заместитель (занимал должность консула), а также в качестве знатока пакистанских реалий. В Кветте мы находились три дня. В отличие от прежних сюда приездов в относительно спокойные 70-е годы, когда этот небольшой город примерно в пару сотен тысяч жителей жил своей неторопливой и где-то даже немного сонной жизнью, в нынешний заезд в нем чувствовалась некая взбудораженность и напряжение, вызванные в том числе и тем, что рядом с городом находились лагеря афганских беженцев в несколько сот тысяч человек. Мы в основном пребывали в хорошо охраняемой гостинице Кветты, там же и проходили несколько наших встреч с представителями местных общественно-политических кругов. За пределы гостиницы мы выезжали только три раза: один раз для нанесения официального

визита губернатору провинции, другой — для встречи с представителями местного бизнеса, а третий раз для посещения генерального консула Республики Афганистан (РА).

В отношении Генерального консульства РА на тот момент сложилась достаточно парадоксальная ситуация: Пакистан вел хоть и необъявленную, но активную войну против правительства Республики Афганистан (ранее Демократическая Республика Афганистан — ДРА), тем не менее не закрывал его дипломатические и консульские представительства. Правда, практическая деятельность этих представительств была почти полностью парализована. Как мы могли убедиться воочию сами, Генеральное консульство РА в Кветте фактически находилось на осадном положении. Штат представительства состоял из генерального консула, двух дипломатов и одного административно-технического работника. Женщин, разумеется, в Генеральном консульстве не было. Глава афганского представительства поделился с нами информацией о своих опасных буднях. С учетом фактора пребывания рядом с Кветтой и непосредственно в ней беженцев и боевиков из числа своих соотечественников сотрудники Генерального консульства РА выезжали за пределы миссии только в случае острой необходимости. Как бы то ни было, генеральный консул РА, который, по его же собственному признанию, не был кадровым дипломатом, а являлся представителем правящей в то время в Афганистане партии, был чрезвычайно рад и признателен нам за визит, т.к. это дало ему возможность выговориться и отвести душу с единомышленниками. По случаю нашего приезда он проявил верх гостеприимства и хлебосольства: тут же во дворе представительства был запечен барашек, что позволило нам пиршествовать почти весь день.

Это была моя последняя поездка в Белуджистан, да и вообще за пределы Карачи. Дальше последовали «лихие 90-е годы» с развалом Советского Союза и вызванными этим

проблемами в нашей работе, в том числе и значительным урезанием финансирования загранучреждений, что не позволяло совершать затратные мероприятия, в частности поездки по консульскому округу и стране пребывания в целом.

Что я видел в Пакистане

Длительное пребывание в Пакистане позволило мне не только соприкоснуться с политическими реалиями этой страны, но и узнать и увидеть много интересного. В этой связи хотел бы прежде всего отметить знакомство с историческими и природными достопримечательностями.

Самым впечатляющим и значительным историческим памятником является, безусловно, древний город Мохенджодаро (в пер. с синдхи — «город мертвых»). Мне довелось побывать на месте раскопок этого уникального города раз пять, тем более что от Карачи он находится примерно в четырехстах километрах. Все посещения Мохенджодаро пришлось на первую командировку, когда передвигаться по стране было довольно легко в плане получения разрешения от местных властей и относительно безопасно («афганский синдром» еще не возник). В 70-е гг., т.е. спустя примерно 50 лет с момента обнаружения внушительного по размерам и впечатляющего по своему архитектурному совершенству древнего города, чей возраст оценивается как минимум в 5 тыс. лет, у археологов и историков все еще только формировалась информативная база, которая не давала ответа на вопросы, почему и каким образом погибла эта древнейшая цивилизация городского типа. Только к концу XX века на основе новых артефактов и проведенных исследований появилась гипотеза, согласно которой этот древний город погиб в одночасье и был предан забвению на многие тысячи лет в результате применения против него оружия массового поражения (вероятно, атомного), о чем говорят термическая

оплавленность части его строений из кирпича и сохраняющийся там до сих пор высокий уровень радиации.

Впечатляющими являются и памятники, относящиеся к более позднему времени. К их числу можно, в частности, отнести древний город Таксила, где в III веке до н. э. возникли буддийские монастыри, крупнейший в мире средневековый мусульманский некрополь в Тхатте (на 10 кв. км находится около полумиллиона захоронений в виде каменных надгробий и мавзолеев), величественные творения Великих Моголов — построенные в XVI–XVII веках «Шахи кила» (в пер. с урду — «Царская крепость»), «Бадшах-э-масджид» (в пер. с урду/персидского — «Королевская мечеть») и «Сады Шалимар» в Лахоре, а также сооруженные в начале и середине XVIII века внушительные крепости в Хайдерабаде — «Пакко килло» (в пер. с синдхи — «Мощная крепость») и Бахавалпуре — «Деравар» (примерный пер. с урду — «Войсковой форпост»).

Даже если бы не было этих удивительных рукотворных древних памятников и достопримечательностей, поездки по стране — а мне посчастливилось проехать на автомобиле почти по всему Пакистану: от Аравийского моря/Индийского океана на юге, вдоль могучего и полноводного Инда, до почти что Гималаев на севере — эти поездки были чрезвычайно интересны и познавательны благодаря природным красотам и особенностям этой части Индийского субконтинента. Большое впечатление произвела на меня поездка в высокогорный район Гиндукуш, в частности в долину Сват. Здесь, при движении на машине по узкой дороге, с большим трудом отвоеванной человеком у гор, с одной стороны над тобой нависает колоссальный массив горной породы, готовой, кажется, обрушиться в любую секунду, а с другой стороны, у самого края дороги, открывается бездна, куда можно свалиться тоже в любую секунду. Головокружительный серпантин на горных дорогах можно было наблюдать не только в Северо-Западной

пограничной провинции, но и на пути в красивый высокогорный курортный город Мурри (в пер. с урду — «вершина»), находящийся примерно в 30 км от столицы страны в направлении «Азад Кашмира» («Свободный Кашмир», пакистанская часть спорной с Индией территории).

Север и северо-запад Пакистана были интересны еще и тем, что тут я напрямую столкнулся со свидетельствами прохождения по этой земле непобедимого войска Александра Македонского. Одно из свидетельств заключалось в том, что при поездках по смежной с Афганистаном Северо-Западной Пограничной провинции Пакистана можно было часто видеть тянувшиеся вдоль дорог захоронения, обозначенные горками камней. Здесь, по утверждению пакистанцев, нашли свое последнее пристанище воины великого завоевателя и полководца. Другим свидетельством являлось то, что жители высокогорных и труднодоступных районов этой части Пакистана по своему внешнему виду, языку, укладу жизни и религии заметно отличались от всего остального населения страны. В Пакистане эти немногочисленные народности проходят под общим названием «пахАри» (в пер. с урду — «горцы») или «кафИры» (в пер. с урду/арабского — «безбожники», «язычники»). В большинстве своем внешне они отчасти похожи на европейцев и говорят на языке, совершенно отличном от преобладающего в этой части Пакистана пушту. Мои попытки установить с ними вербальный контакт на английском, урду и синдхи были безуспешны. По утверждению местных историков, эти народности являются хоть и далекими, но прямыми потомками тех эллинских военных поселенцев, которые оставлял после себя Александр Македонский в завоеванных землях. Сохранили же «пахАри» свою самобытность благодаря тому, что находились в труднодоступных горных районах, вдали от основных дорог и путей, по которым проходили миграционные потоки.

БАНГЛАДЕШ

Вторая половина моей дипломатической службы, в частности во время работы в центральном аппарате Министерства иностранных дел России, была больше связана с Бангладеш, Непалом, Шри-Ланкой и Мальдивами, хотя вопросами Пакистана, равно как и Индии, Афганистана и Ирана, тоже приходилось в той или иной степени заниматься. Такой расширенный диапазон, безусловно, способствовал формированию более полного и комплексного понимания проходящих в Южной Азии и смежных с нею регионах политических процессов. И все же мое «пакистанское прошлое» до конца меня не отпускало. Проявилось это в том, что вновь работать непосредственно «в поле» пришлось уже в Бангладеш (1997–2001 гг. и 2006–2012 гг.). В этом, можно считать, была оправданность и логика, если учесть, что до декабря 1971 г. эта страна была частью Пакистана, а мучительные роды ее в качестве независимого государства мне пришлось наблюдать с близкого расстояния.

Пророчество Сталина сбылось

Образование независимой Бангладеш было неизбежно и предопределено изначально. Ведь все, что связывало восточную и западную окраины Индийского субконтинента в момент освобождения от британского господства и образования в 1947 г. Индии и Пакистана, было религией — исламом. Все остальное же, в частности предшествующая история, этнонациональный состав населения, язык, культурные традиции и социальный уклад жизни — заметно отличались. Был еще один мощный фактор, который, безусловно, рано или поздно должен был сработать на разобщение этих столь непохожих, но вошедших в состав одного «мусульманского государства» бывших частей Британской Индии. Фактор

этот — географическая отдаленность друг от друга и разделение более полутора тысячами километров индийской территории. Как утверждает советская легенда, очень похожая на правду, когда Сталину сообщили об образовании в 1947 г. Пакистана, он, посмотрев на географическую/политическую карту, сказал: «Это государство в таком виде долго существовать не будет». И он оказался прав! Пакистан с его восточной частью просуществовал менее четверти века. Процесс распада Пакистана, как уже отмечалось, был существенно ускорен тем полуколониальным статусом, который отвела Восточному Пакистану правящая в рамках всего государства феодально-буржуазная элита западной части страны. Дискриминация восточного «крыла» Пакистана проявлялась практически во всем, в том числе в распределении бюджетных средств на социально-экономическое развитие, в комплектации госаппарата и армии, а также в статусе национального языка.

Отказ в признании за бенгальским языком, на котором говорило около 55% населения всего Пакистана и почти 99% населения в его восточной части, равных прав с урду (конституционно провозглашенным единственным государственным языком страны, хотя родным языком он был только у 3,5% населения) вызывал острое недовольство и противодействие со стороны бенгальцев уже в первые же годы после создания Пакистана. Примером протестного движения в этой связи было выступление в феврале 1952 г. студентов Даккского университета, которое было жестоко подавлено властями. Много позже, уже в конце 90-х гг., именно это событие, которое в Бангладеш широко отмечается как государственная памятная дата, дало основание Дакке выступить в ООН с инициативой объявления 21 февраля Международным днем родного языка, который с 2000 г. отмечается в мире. В настоящее время бенгальский язык относится к одному из наиболее

распространенных на планете: он является родным языком у более чем 275 млн. чел., из которых около 175 млн. чел. живет в Бангладеш, а более 100 млн. чел. — в Индии. Есть еще один примечательный факт в связи с носителями этого языка: из двенадцати Нобелевских лауреатов, кровно связанных с Индийским субконтинентом, четверо — Рабиндранат Тагор (Британская Индия), Амартья Сен (Индия), Абхиджит Банерджи (гражданство США) и Мохаммад Юнус (Бангладеш, разработчик теории и практики микрокредитования и микрофинансирования) — бенгалцы.

И все же, несмотря на все различия и несходство между Пакистаном и его бывшей восточной частью, у них есть, помимо общей религиозной принадлежности, роднящий фактор. Он заключается в весьма схожей матрице внутривнутриполитического развития. В Пакистане гражданское правление часто и надолго прерывалось военным режимом: из 75 лет существования этой страны более 30 лет пришлось на военные режимы. Это же происходило и в уже независимой Бангладеш: из 50 лет самостоятельного существования более 17 лет страна жила в условиях военного режима в том или ином варианте. Почему это происходило, есть много причин, самой фундаментальной из которых, конечно же, является общая слабость демократических институтов. Наряду с этим, ключевым фактором, обуславливающим такую канву внутривнутриполитического развития, является также чрезвычайная политизированность высшего звена офицерского корпуса, что приводило к тому, что периодически его представители под предлогом спасения отечества от некомпетентных и коррумпированных гражданских правительств (что в ряде, если не в большинстве случаев было действительно так) брали бразды правления государством в свои руки. Немаловажным обстоятельством, побуждающим армию напрямую вмешиваться во внутривнутриполитические процессы, было и то, как

идет борьба между основными политическими партиями страны. Противоборство между ними, особенно во время выборных кампаний, проходит настолько остро, непримиримо и масштабно, что по своему накалу и размаху зачастую напоминает гражданскую войну.

Вода, вода, вода...

Когда я первый раз подлетал к Дакке, а это было днем в конце августа 1997 г., то глядя из иллюминатора авиалайнера, я невольно задавался вопросом, а где же самолет приземлится. Вопрос возникал не случайно, т.к. видимая с высоты территория почти сплошь состояла из водного пространства — рек, озер и других больших и средних по размеру водоемов.

Да, Бангладеш маленькая страна — всего 145 тыс. кв. км, что по площади примерно как три Московские области, — притом что даже в засушливый период (ноябрь — февраль) она почти на одну десятую состоит из водных пространств. По территории Бангладеш протекают не только могучие и полноводные Ганг и Брахмапутра (здесь она называется Джамуна), но и более полусотни рек поменьше, а потому что с высоты птичьего полета, вернее самолета или вертолета, и кажется, что эта страна состоит в основном из водного пространства, тем более что и рельеф местности на большей ее части низменный или равнинный. Принято считать, что вода — это источник жизни. Да, это так. Однако когда ее слишком много, то это уже катастрофа почти для всего живого, что обитает на суше, в том числе и для человека.

Такого рода катастрофа случается в Бангладеш практически каждый год, когда в летние по местным понятиям месяцы (май — октябрь) здесь идут проливные и затяжные муссонные дожди, а реки к тому же еще переполняются от таяния снегов в верховьях Ганга и Брахмапутры в Гималаях.

По количеству выпадающих атмосферных осадков Бангладеш находится на одном из первых мест в мире: в среднем по стране в год выпадает больше 2 тыс. мм, а в северо-восточных и юго-восточных районах даже до 4 и более тыс. мм. Мощные и сверхмощные наводнения происходят здесь с цикличностью в 10–15 лет. В 1998 г. я наблюдал такое. Не только вся страна на две трети ушла под воду (было затоплено более 100 тыс. кв. км из 145 тыс. кв. км), но и защищенная дамбами столица Дакка напоминала Венецию, т. к. отдельные районы города настолько погрузились под воду, что там можно было передвигаться только на лодках. Даже территория нашего Посольства, находящегося в относительно равнинном и благополучном районе Гульшан, и прилегающие к нему улицы были затоплены почти по колено.

Наводнения вызывают большие людские потери (счет идет на тысячи, а порой и десятки тысяч) и причиняют огромный ущерб экономике Бангладеш, т. к. разрушаются дорожные коммуникации, рушатся жилые здания и строения, гибнет домашний скот, смывается урожай ряда сельскохозяйственных культур и т. д. и т. п. Безопасная для людей и всего живого территория начинает походить на острова в море, куда, спасаясь от стихии, стекается-сбегается и население, и животные. Наводнения несут с собой еще и резкий всплеск заболеваемости холерой, дизентерией, малярией, денге и рядом других болезней. В этой связи, видимо, неслучайно ВОЗ ООН разместила в Дакке крупнейший в мире Международный центр исследований диарейных заболеваний. Только относительно возвышенные северо-восточные и холмистые юго-восточные районы Бангладеш, в частности Силхет и Читтагонгский горный район — ЧГР, граничащие с Индией и Мьянмой, если и страдают от обилия воды в период тропических муссонов, то не в той степени, что равнинная или низменная часть страны, на которую приходится до 90% всей территории.

Еще одной напастью, вызываемой водой, являются морские цунами или циклоны/ураганы, которые периодически и непрогнозируемо поражают обширные прибрежные территории, тем более что подавляющая часть прилегающих к океану районов находится практически вровень с зеркалом моря. Масштаб этих природных явлений и, соответственно, причиняемых ими бедствий бывает разный. Одним из наиболее разрушительных был тот, что случился в ноябре 1970 г., когда стихия смыла в воду более полумиллиона человек с островов в Бенгальском заливе и в прибрежной полосе. Мне довелось видеть в ноябре 2007 г. последствия циклона «Сидр», который был далеко не самый мощный, но и он поража́л масштабом своих разрушений.

Уязвимость территории Бангладеш по отношению к водной стихии как внутри страны, так и со стороны моря позволяет климатологам относить эту страну к числу тех, которые в первую очередь и в значительных размерах страдают от глобального потепления и, соответственно, подъема уровня мирового океана. По их прогнозам, при таком развитии событий Бангладеш может потерять до половины своей территории, а климатические беженцы отсюда составят до 100 млн. чел. Уже сейчас один из больших по площади районов Бангладеш, Сундарбан (в пер. с бенгальского — «прекрасный лес»), на располагающейся смежной с Индией территории и известный крупнейшими в мире мангровыми лесами, затоплен или заболочен. Эта часть страны, практически непригодная для жизни человека, относится к категории природного заповедника, где в большом количестве обитают крокодилы и тигры.

А есть ли хоть какая-то польза от того, что Бангладеш периодически захлебывается от обилия воды и утопает в водных пространствах? Да, разумеется, есть. Наиболее очевидным преимуществом этого является то, что практически вся

территория страны зеленая и здесь по существу нет пустынь. К этому же относится возможность возделывать большую часть земель для производства необходимых человеку сельскохозяйственных культур, а также разводить домашний скот. Следует заметить, что благодаря вышеописанным погодно-климатическим особенностям в течение года крестьяне снимают три и более урожая и за счет этого страна в целом достигла самообеспеченности в продовольствии, в частности по рису как основной зерновой культуре. В относительно спокойное от проливных дождей время водные артерии Бангладеш активно используются людьми не только для сельскохозяйственных целей и рыболовства, но и как естественная и разветвленная сеть коммуникаций, по которой перемещаются тысячи пассажирских и транспортных судов, а также рыболовецких лодок и даже т.н. плавучих домов. Я несколько раз проплывал на туристических судах по Гангу и Падме (после слияния Ганг и Джамуна имеют такое общее название) и мог наблюдать, как эта артерия жизни бурлит своей людской активностью. Помимо того, что в оба конца сновали многочисленные транспортные и пассажирские суда, рыболовецкие и другие лодки, а по воде еще сплавляли бамбуковые плоты, вдоль незастроенной части берегов были расставлены большие рыболовецкие сети, а вдоль застроенной разного рода и размера зданиями и строениями береговой линии живущие здесь люди решали в воде свои повседневные нужды: купались, стирали, использовали воду для промышленных и потребительских целей.

Наличие большого водного пространства, которое к тому же циклично увеличивается в разы, вкупе с агрессивным влажным тропическим климатом предопределили то, что в Бангладеш немного сохранившихся архитектурных памятников Средневековья, а тем более раннего периода. Одним из них является крупнейший на Индийском субконтиненте

древний (построен в конце VIII века) буддийский монастырь («вихара») в Пахарпуре, находящийся в 250 км от Дакки. Другим памятником является столица средневековой Бенгалии, Сонаргаон (в пер. с бенгальского — «золотая деревня»), которая отстоит от нынешней на расстоянии 25 км, также известная как город-призрак (необитаем с конца 40-х годов прошлого века, после бегства отсюда индусов во время раздела Британской Индии на два государства; из-за влажного тропического климата подвержен разрушению и находится на грани исчезновения; с 2006 г. взят под защиту ЮНЕСКО). Непосредственно в Дакке достойны внимания Форт Лалбаг («Крепость Красный сад», построена во второй половине XVII века) — дворцовая крепость Великих Моголов, Звездная мечеть и Розовый дворец середины XIX века, последний являлся резиденцией бенгальских навабов (в настоящее время в нем находится Национальный музей Бангладеш), а также здание парламента современной постройки.

Некоторый дефицит рукотворных памятников древности с лихвой компенсируется природными достопримечательностями, которые открываются во время путешествий по стране. Дорожная сеть довольно разветвленная, хотя дороги весьма низкого качества, к тому же еще и узкие (и в этом проявляется недостаток жизненного пространства). Как бы то ни было, поездки по стране были всегда интересны и познавательны, они давали возможность получить представление о том, как живет «глубинка» этой неординарной страны. Путешествовать было приятно еще и потому, что, как уже отмечалось выше, практически вся страна очень зеленая. Опять же, ввиду чрезвычайной населенности, на всем пути следования можно было видеть многочисленные поселения и рядом с ними возделываемые поля риса, джута, овощей и фруктов, а также многих других сельскохозяйственных культур.

Бангладеш и бангладешцы — какие они?

Хочу поделиться еще несколькими своими наблюдениями и впечатлениями непосредственно от Бангладеш и ее народа. Что меня удивило по приезду в Бангладеш, так это то, как она перенаселена. Это чувствовалось не только в столице страны Дакке, но даже и в сельской местности. Согласно данным ООН, Бангладеш уже давно входит в число стран с наибольшей плотностью населения. На данный момент в стране проживает около 175 млн. чел., тогда как общая территория государства составляет около 145 тыс. кв. км. В отличие от Пакистана, который, надо заметить, при территории в 804 тыс. кв. км. имеет в настоящее время население почти 230 млн. чел., Бангладеш менее разнообразна по своим природно-климатическим условиям, притом что, как уже отмечалось выше, большая часть ее территории находится почти на уровне омывающего ее на юге Бенгальского залива/Индийского океана, а страна в целом испещрена широкой сетью больших (Ганг, Брахмапутра/Джамуна, Мегхна) и малых рек, а также озер и водоемов. Последние два обстоятельства делают Бангладеш и прежде всего ее население весьма уязвимыми для происходящих практически ежегодно в период муссонных дождей наводнений, масштаб которых порой бывает катастрофическим. Наводнения мне и раньше пришлось наблюдать в Пакистане, но там за счет гораздо большей территории страны и наличия горных районов это природное явление все же не было таким всеохватывающим и разрушительным для населения и экономики. В связи с наводнениями меня поражало также то, что население страны проявляло не только выработанное веками мужество противостоять этой стихии, но и способность довольно быстро преодолевать ее разрушительные последствия.

Еще одно чувство, которое долго не покидало меня во время первого очного знакомства с Бангладеш, было то,

что я словно вернулся в Пакистан начала 70-х гг., т. е. на 30 лет назад. Да, страна явно отставала от Пакистана в своем социально-экономическом развитии, что подтверждалось и тем фактом, что по классификации ООН она принадлежит к группе «наименее развитых стран», т. е. самых бедных. Ведь не случайно в свое время Генри Киссинджер назвал ее «помойкой Азии». Да, весьма обидная для Бангладеш характеристика, но в чем-то справедливая.

Тем не менее, несмотря на все эти неблагоприятные природно-климатические условия и низкий уровень социально-экономического развития, народ Бангладеш обладает, на мой взгляд, одним из самых высоких коэффициентов выживаемости, сопротивляемости невзгодам. Эти его способности, надо полагать, выработались благодаря все тем же природно-климатическим факторам и ограниченному жизненному пространству. Действительно, нам будет сложно представить, как на территории, примерно в три раза превышающей площадь Московской области, проживает 175 млн. чел., что по численности равно всему населению России и условно трех Белоруссий вместе взятых, притом что в период наводнений эта территория почти наполовину уходит под воду. Да, условия влажных тропиков позволяют здесь снимать три и более урожая в год, тем не менее ограниченность жизненного пространства, природных ресурсов и чрезмерная перенаселенность делают свое дело. Последнее обстоятельство вынуждает бангладешцев быть чрезвычайно активными, я бы даже сказал, агрессивными, в поисках своего «места под солнцем». Деловая и социальная активность этого народа отмечается и за рубежом, в США и Европе в частности. Примеры подобной активности наблюдались и в России. Многие из нас могут помнить, как в 90-е гг. в Москве и ряде других крупных городов России бурно развивалась оптово-розничная торговля компьютерной техникой, готовой одеждой,

ингредиентами для быстрого приготовления прохладительных напитков типа «Зуко» и т.п. Так вот, за всем этим «базарным бизнесом» в значительной мере стояли бангладешцы из числа выпускников или еще студентов советских/российских вузов. Впоследствии многие из них, женившись (реально или фиктивно) на россиянках и обретя гражданство России, создали здесь крупные бизнес-структуры. Осевшие и натурализовавшиеся у нас в стране, прежде всего в Москве, бангладешцы, общее число которых, вероятно, исчисляется в настоящее время десятью тыс. чел., с целью дальнейшего продвижения бизнес-интересов своей страны и делового сообщества создали Российско-бангладешскую торгово-промышленную палату.

Известным фактом является также то, что Бангладеш в последние несколько десятилетий является одним из основных в мире поставщиков трудовых мигрантов, в частности в богатые страны Персидского залива и Ближнего Востока, Европы, а также в США. Всемерное поощрение выезда своих граждан на заработки за рубеж стало даже частью государственной политики Бангладеш. Это позволяет властям не только избавляться от излишков рабочей силы у себя в стране и снижать социальную напряженность в обществе, но и получать из-за рубежа за счет валютных переводов мигрантов дополнительные поступления в национальный бюджет. О масштабах явления говорит тот факт, что в настоящее время за рубежом работает более 10 млн. бангладешцев, которые ежегодно переводят на родину до 20 млрд. ам. долл.

Если же говорить об экономике в целом, то, как минимум в последнюю четверть века, помимо ориентированного в основном на удовлетворение внутренних нужд сельского хозяйства, главной ее отраслью в плане занятости и наполнения бюджета является производство швейной и трикотажной одежды. Продукция этой отрасли в последние годы составляет более

трех четвертей всего экспорта Бангладеш, причем основными рынками сбыта являются Европейский Союз и США. По объему экспортируемой готовой одежды Бангладеш занимает сейчас второе (после КНР) место в мире (в 2021 г. эта статья экспорта дала казне около 33 млрд. ам. долл.).

Еще одним источником пополнения госбюджета валютой является участие с 1988 г. армейских и полицейских подразделений Бангладеш в миротворческих операциях по линии ООН. В последние несколько лет Дакка зарабатывает на этом около 300 млн. ам. долл. ежегодно, притом что по общей численности поставляемых миротворцев она вышла на первое место.

Когда я первый раз оказался в Бангладеш, меня поразили не только упоминавшиеся выше подверженность наводнениям и проливным дождям, перенаселенность, отсталость и нищета этой страны, но и то, какое место занимают женщины в обществе. Имея за плечами опыт длительной работы в Пакистане, где женщины, так сказать, задвинуты на второй план (это видно особенно в сельской местности, где порой у иностранца складывается впечатление, что страна населена исключительно мужчинами, т.к. женщин нигде не видно), я был немало удивлен, когда по приезду в Дакку увидел, что женщины свободно в одиночку и группами перемещаются по городу, притом что в их внешнем облике и поведении почти не чувствовались закомплексованность и сдержанность, в известной мере свойственные пакистанкам. Конечно, и здесь согласно исламским традициям и предписаниям большая часть женщин-мусульманок в качестве одежды использует свободные длинные платья и «камис-шальвар» (среди последователей индуизма, а также представителей верхних слоев общества широко используется «индийское» сари) с практически обязательным покрытием головы платком или шарфом, тем не менее в целом у «слабого пола» чувствовалась

некая раскованность. В этом, видимо, проявлялись глубинные корни индийской социокультуры, предшествовавшей исламизации этой части Южной Азии. Кстати, замечу, что и одевание мужчин в сельской местности и у бедных слоев городского населения заметно отличается от того, что в ходу в Пакистане: вместо «камис-патлун» или «камис-шальвар» здесь используется длинная юбка, а по существу кусок ткани, которым оборачивается нижняя часть тела, притом что на верхнюю часть надеваются рубашки, майки и т. п. Да, безусловно, Бангладеш — страна мусульманская, но ислам здесь в целом менее ортодоксальный и жесткий, чем, скажем, в Пакистане, а тем более в Афганистане. Раскрепощенность женщин в Бангладеш проявляется не только в манере держаться, но и в том, в какой степени они вовлечены в социально-политическую и экономическую жизнь в стране.

Одним из наиболее зримых примеров если не полного равноправия, то по крайней мере отсутствия жестких ограничений является тот факт, что на протяжении последних более чем тридцати лет на политической сцене доминируют две партии, лидерами которых являются женщины: Шейх Хасина в «Авами лиг» (Народная лига) и Халеда Зия в Националистической партии Бангладеш — попеременно практически в течение всего этого времени они возглавляли правительства страны. Да, конечно, изначально и одна, и другая вошли в большую политику благодаря, можно сказать, фактору сочувствия и сострадания со стороны сограждан-избирателей, поскольку во время военных переворотов первая потеряла отца, а вторая — мужа. Однако этот фактор если и работал, то только вначале, потом же обе они стали фигурами самодостаточными. Да, безусловно, они представляют элиту общества, где исламская регламентация в отношении женщин не носит жесткого характера.

Другим проявлением, гораздо более широкого масштаба, является то, что значительная часть женщин вовлечена в общественную трудовую деятельность не только в сельской местности, где они заняты, в частности, в культивации риса, джута, овощей и фруктов, а также сборе чая и т. п., но и в городах на промышленном производстве. Например, на предприятиях по изготовлению швейной и трикотажной одежды, экспорт которой дает более 75% поступлений валюты в национальный бюджет, рабочая сила примерно на 90% состоит из женщин. В сфере услуг, в частности в торговле, в отличие от Пакистана, есть также представительницы слабого пола. Такое положение дел свидетельствует не столько о равенстве полов, сколько о бедности населения, что и вынуждает женщин заниматься работой ради выживания, в том числе и на тяжелых и низкооплачиваемых производствах, таких как дорожное строительство и т. п. Фактор бедности толкает женщин заниматься и «древнейшей профессией». Эта сфера услуг особенно распространена в больших городах, где помимо уличной проституции существуют целые кварталы борделей. Законодательно этот вид деятельности не запрещен, а в обществе в целом отношение к ней вполне терпимое при том понимании, что это тоже работа, необходимая для выживания. В отношении тружениц этого фронта СМИ используют эвфемизм «sex-worker» (работник секс-услуг).

Описывая Бангладеш, невозможно не высказать ряд наблюдений и соображений по поводу ее столицы. Расхожее выражение «город контрастов» не вполне применимо к Дакке, т. к. не передает всей глубины и «колорита» таковых. Да, здесь, как и в любом другом мегаполисе мира, есть стороны привлекательные и приятные глазу, а есть то, что вызывает недоумение, возмущение, а иногда и сострадание. В Дакке элементы второй категории возникают гораздо чаще, чем в других городах мира. Говоря о столице страны, следует

начать с того, что город, особенно его старая часть, не имеет какой-то четкой и логичной планировки: здесь районы жилых построек разного уровня комфортности и достатка плотно соседствуют с торговыми, коммерческими и промышленными зонами. Из-за дефицита жизненного пространства Дакка по площади в три раза меньше, чем Москва (в границах без Новой Москвы) — 360 кв. км против 1070 кв. км, а по населению превышает нашу столицу раза в полтора (в настоящее время в столице Бангладеш проживает более 20 млн. чел.). Ввиду этого в глаза бросается чрезмерная скученность народа и транспортных средств (грузовиков, автобусов, такси, мотоциклов, мото- и велорикш, а также частных автомобилей). Наряду со свидетельствами вопиющей нищеты, притом что до 30% населения города живет в трущобах, а десятки тысяч нищих всех возрастов и половой принадлежности «утюжат» его улицы, настоящим бичом столицы является перманентный транспортный коллапс, создаваемый как непосредственно средствами передвижения, так и просто перемещающимися людьми. Значительная доля указанного хаоса происходит по вине более чем полумиллионной армии велорикш, снующих по всем улицам и переулкам, нимало не заботясь о соблюдении хоть каких-то элементарных правил дорожного движения, которое, кстати, если и регулируется, то только на больших магистралях, да и то условно. Основным принципом водителей всех транспортных средств является нахальство и сноровка. Ввиду такой ситуации рассчитать время перемещения по заданному маршруту в принципе не представляется возможным. Например, от российского Посольства до местного Министерства иностранных дел расстояние примерно 10 км, однако на преодоление на автомобиле этой дистанции в лучшем случае может потребоваться минут сорок, а в худшем — до полутора часов. За все время пребывания в Дакке я только один

раз преодолел это расстояние минут за пятнадцать. И все потому, что в этот день (20 марта 2000 г.) президент США Билл Клинтон во время своего шестидневного турне по странам Южной Азии решил сделать остановку на несколько часов в Дакке (впервые за все время существования Бангладеш), а власти страны и города сделали все возможное, чтобы не омрачить пребывание высочайшего гостя, и в этой связи за сутки до его визита очистили город от грузового и пассажирского транспорта, велорикш и нищих.

Невозможно обойти стороной еще одну отличительную особенность Дакки. Чрезмерная скученность населения и вопиющая нищета его значительной части обуславливают наличие здесь такого явления как воровство, грабеж и насилие. Жертвами являются не только свои же сограждане, но и иностранцы, притом что и дипломатический статус не спасает их от этих проявлений. Пострадавшие от действий криминальных элементов были и в нашем посольском коллективе, в том числе и я сам во время первой своей командировки (ночное проникновение в квартиру и похищение денег и ряда предметов, хотя я и жил в наиболее охраняемой части посольского городка).

Обретение нового опыта

Итак, вопросами Бангладеш я напрямую стал заниматься с августа 1997 г., момента начала моей первой командировки в качестве советника-посланника в Посольстве России в этой стране. Командировка оказалась неоднозначной, порой весьма нервной. Причина этого была не в каких-то трудностях по исполнению непосредственно политико-дипломатических функций — здесь все было вполне достойно, тем более что я уже имел немалый опыт работы как за рубежом, так и в центральном аппарате МИД СССР/России. Проблема заключалась во взаимоотношениях с руководителями

дипломатической миссии. Не вдаваясь в существо этих трудностей, хочу лишь констатировать, что по истечении двух лет моего пребывания в Дакке действующий на тот момент посол был досрочно отозван, а его замена прибыла почти год спустя, тогда как все это время я был Временным поверенным в делах России в Бангладеш. Оказавшись во главе диппредставительства, я сделал все от меня зависящее, чтобы соответствовать занимаемой должности в том, что касается не только обеспечения должного порядка в посольском коллективе, но и прежде всего поддержания на надлежащем уровне двухсторонних российско-бангладешских отношений.

В связи с последним хочу лишь тезисно отметить, что в тот конкретный период времени наметилось оживление российско-бангладешского сотрудничества, что, в частности, выражалось в активизации двухстороннего взаимодействия в области энергетики (модернизация построенных еще Советским Союзом электростанций, а также проработка возведения с российской помощью новых энергообъектов). Другим важным направлением в двухсторонних связях с Бангладеш стало возобновление после более чем двадцатилетнего перерыва взаимодействия в области военно-технического сотрудничества: в соответствии с подписанным в феврале 1999 г. межправительственным соглашением годом позже российская сторона поставила Дакке 8 истребителей «МИГ-29». Следует упомянуть и такой аспект в наших связях с Бангладеш, как установление межпарламентского взаимодействия как в рамках двухстороннего формата, так и в более широком плане. По поводу последнего могу сказать, что я по существу инициировал участие России в лице Государственной Думы в учреждении нового международного форума, а именно: Ассоциации азиатских парламентов за мир — ААПМ (идея создания этой организации была предложена Бангладеш, а первая учредительная встреча прошла

в Дакке в сентябре 1999 г. с участием 26 стран; с 2006 г. указанная организация называется как Азиатская парламентская ассамблея — АПА, которая состоит в настоящее время из 42 стран-членов 16 стран-наблюдателей). Узнав из СМИ и от азиатских партнеров по дипкорпусу о готовящейся учредительной конференции и обнаружив, что Россия не находится в числе приглашенных, я инициативно встретился со спикером Национальной ассамблеи Бангладеш и выразил удивление, что Российская Федерация, крупнейшая азиатская страна, не приглашена на указанную встречу. Следствием моей беседы с главой бангладешского парламента было то, что Дакка практически моментально исправила указанное «упущение»: в адрес Государственной Думы было направлено соответствующее приглашение и ее представитель принял участие в учредительной конференции ААПМ.

Подводя итог вышеизложенному, могу заметить, что моя первая командировка в Бангладеш была непростой, но она меня многому научила. Полученный в этой командировке как отчасти негативный, так и большей частью позитивный опыт пригодился мне и во время второго, заключительного заезда в Бангладеш через пять лет.

Как складывались российско-бангладешские отношения

Отношения между СССР/Россией и Бангладеш развивались в целом неконфликтно, но неровно. Заметное еще со времени пребывания в рамках Пакистана экономическое сотрудничество, главным образом в области энергетики, получило дальнейшее развитие в первые несколько лет после образования Бангладеш, что было предопределено в том числе и тем, что в противовес странам Запада и КНР Советский Союз политически поддержал национально-освободительную борьбу бенгальцев Восточного Пакистана. Однако после военного переворота в августе 1975 г., в ходе которого

была учинена кровавая расправа над отцом-основателем Бангладеш Шейх Муджибур Рахманом и практически всей его семьей, отношения между нашими странами в течение последующих 20 лет были ограниченными, а порой даже не вполне дружественными. Это было результатом следования руководства Бангладеш, главным образом военных режимов, в фарватере политики стран Запада, в том числе в связи с вовлеченностью СССР в «афганский кризис». Расширение двухстороннего сотрудничества и международного взаимодействия между Россией и Бангладеш началось после того, как в 1996 г. к власти в стране вернулась Народная лига во главе с Шейх Хасиной, одной из двух дочерей Шейх Муджибур Рахмана, которым удалось избежать физической расправы в 1975 г. Шейх Хасина предприняла шаги для того, чтобы возобновить то довольно тесное и многоплановое сотрудничество с нашей страной, которое закладывалось при ее отце. Однако позитивная динамика в этом плане была заморожена в 2001 г. после того, как в результате парламентских выборов власть перешла к возглавлявшей Националистическую партию Бангладеш (НПБ) Халиде Зия, вдове главы одного из военных режимов (Зиаур Рахман, правил страной в 1976–1981 гг., убит в ходе очередного военного переворота), которая во внешней политике больше ориентировалась на страны Запада, консервативные мусульманские режимы и КНР. Возвращение Шейх Хасины к власти в 2009 г. (после промежуточного правления военно-технократической администрации в 2007–2008 гг.) позволило ей возобновить курс на развитие всестороннего сотрудничества с Россией.

Моя вторая командировка в Бангладеш началась в ноябре 2006 г. У власти в преддверии предстоящих в этом же году очередных парламентских выборов находилось временное технократическое правительство. Однако, ввиду взвинченности внутривнутриполитической ситуации из-за острого

противоборства между НПБ и Народной лигой, выборы не состоялись, а власть по распоряжению президента страны перешла к военно-технократической администрации, основной задачей которой было разрядить социально-политическую обстановку с последующим проведением отложенных выборов.

Мафия не дремлет

Отправляясь в Бангладеш во второй раз, у меня было четкое понимание того, что область энергетики является наиболее востребованной и перспективной для российско-бангладешского сотрудничества. В связи с этим Посольство уделяло первостепенное внимание указанному направлению двухстороннего взаимодействия. Хочу заметить, что эту работу приходилось выполнять в основном мне самому, т.к. штат Посольства был небольшим (непосредственно МИДовцев было шесть человек), притом что сотрудников, способных вести торгово-экономическую проблематику профессионально и на постоянной основе, практически не было. В советское время в Бангладеш были и офис Государственного комитета СССР по внешним экономическим связям (ГКЭС), и Торговое представительство (от Министерства внешней торговли), однако в постсоветское время в рамках т.н. самоликвидации и оптимизации они были закрыты. На мой взгляд, это было неоправданно, тем более что у ГКЭС и Торгпредства в Дакке на правах собственности оставалась большая недвижимость — огромные по местным меркам корпуса зданий и надлежащая инфраструктура. Вскоре после ликвидации отделения Торгпредства, в самом начале нулевых годов, указанная собственность была сдана ФГУП «Госзагрансобственность» Управления делами Президента РФ в аренду за гроши местному (бангладешскому) проходимцу, притом что возражения и предостережения Посольства, что

с учетом местного законодательства и практики, эта сделка чревата утратой российской собственности, были с негодованием отвергнуты. Через пару лет после заключения соответствующего договора арендатор прекратил выплату даже той мизерной арендной платы, которая была предусмотрена контрактом, и практически осуществил самозахват этой немалой российской собственности. Уже во время моей второй командировки в Бангладеш Посольство неоднократно обращало внимание Центра на необходимость возврата захваченной собственности, учитывая в том числе и то обстоятельство, что местные власти, МИД Бангладеш, в частности, с пониманием относились к такой возможности. Для практического решения вопроса возврата собственности ФГУП «Госзагрансобственность» следовало подать соответствующий иск в суд Бангладеш. Однако указанное российское ведомство, по чьей вине возникла эта проблема, на призывы Посольства реагировало вяло и каких-либо конкретных действий не предпринимало.

Итак, Посольство, на которое в соответствии с установками Центра возлагалась в том числе задача всемерно содействовать продвижению торгово-экономических интересов России, активно занималось стимулированием уже существующих и поиском новых возможностей для отечественного бизнеса. Например, уже через несколько месяцев после моего прибытия в Дакку в соответствии с предварительной договоренностью, достигнутой мною с определенной бизнес-структурой, когда я был еще в Москве, приезжала группа российских предпринимателей и руководителей предприятий для презентации своих возможностей. К последним относился, в частности, Тушинский машиностроительный завод, предлагавший строительство малых гидроэлектростанций. Безусловно, интерес к расширению существующих и установлению новых связей с Россией у Бангладеш, как

официальных структур, так и частных, присутствовал. Одним словом, усилия Посольства по изысканию новых торгово-экономических проектов ложились на благодатную почву. Информация об открывающихся новых возможностях сотрудничества с Бангладеш стала чаще появляться и в сообщениях российских СМИ, что, безусловно, способствовало повышению внимания и интереса к этой теме со стороны потенциальных российских инвесторов. И не только инвесторов, но и желающих «погреть руки» на этом деле.

В какой-то момент Посольство узнало, что в Дакку прибыли некие люди, которые встречаются с местными бизнес-структурами и пропагандируют возможность создания с российской помощью электростанций, способных генерировать энергию от магнитного поля Земли. Одним словом, «перпетуум-мобиле»! Вдруг в эти же дни я и пара других сотрудников Посольства получили приглашение на частный ужин-встречу у одного из руководителей Общества бангладешско-российской дружбы. Придя на это мероприятие, мы там неожиданно для себя встретили среди гостей и «форейтора прогресса», т.е. пропагандиста выше названной идеи «вечного двигателя». Уже по внешнему виду было понятно, что это типичный бандюк, который, однако ж, раздавал присутствующим свои визитки, где он представлялся как Сэр ХУЗ. Данного «аристократа» сопровождала под стать ему мадам а-ля Грицацуева. Во время предшествующей непосредственно ужину тусовки указанный самозванный Сэр подошел к моему заместителю и без обиняков его спросил: «А Посольству «крыша» нужна?»... Несмотря на всю утопичность проталкиваемого проекта, Сэру, тем не менее, все же удалось заинтересовать своей идеей нескольких доверчивых и явно не друживших в школе с физикой местных бизнесменов, получить от них некий задаток, после чего новоявленный Остап Бендер, разумеется, растворился в воздухе.

Роль «мягкой силы» в развитии сотрудничества

Позитивной динамике в двухстороннем сотрудничестве в период моего пребывания в Бангладеш, помимо надлежащих усилий по углублению политического взаимопонимания и расширению торгово-экономического и научно-технического взаимодействия, способствовали и меры, предпринимаемые в области информационно-пропагандистской работы, а также культурного обмена. В плане информирования местной общественности о нашей стране посольство наладило регулярное издание журнала «Russian Digest», в котором находили освещение различные актуальные вопросы внутренней и внешней жизни России, в том числе и события в двухсторонних российско-бангладешских отношениях. Наряду с этим я сам как руководитель миссии часто давал местным СМИ интервью, а также выступал перед политической общественностью и в профессионально-образовательных учреждениях, в частности в «National Defence College» («Национальном колледже обороны» — центре переподготовки и повышения квалификации высшего звена госаппарата и вооруженных сил страны) и в Дипломатической академии Бангладеш. По части же пропаганды культуры посольству, ввиду сложности привлечения в Бангладеш перестроившихся на исключительно коммерческий подход российских театральных и музыкальных организаций, в дополнение к тем мероприятиям, которые проводились Российским центром науки и культуры — РЦНК — в Дакке (Представительство «Россотрудничества»), приходилось использовать нестандартные «малые» формы культурной экспансии, в частности самодеятельность из посольского коллектива, включая школьников. Несмотря на такой исключительно любительский характер выступлений, они, тем не менее, хорошо воспринимались общественностью страны, а также находящимся в Дакке дипломатическим корпусом.

Поддержанию двухсторонних отношений на должном уровне и их дальнейшему продвижению в известной мере способствовала деятельность в Бангладеш Общества бангладешско-российской дружбы и Ассоциации выпускников советских/российских вузов (Soviet Alumni Association).

В состав первой организации входили, как правило, люди известные и влиятельные, в том числе представители руководства ведущих политических партий, прежде всего «Авами лиг», действующие и бывшие члены местного парламента, послы в отставке, ранее возглавлявшие бангладешскую миссию в Москве, а также авторитетные люди из числа творческой элиты. Общество бангладешско-российской дружбы во взаимодействии с посольством и РЦНК в Дакке проводило мероприятия, которые получали широкое освещение в местных СМИ и получали соответствующий резонанс в общественно-политических кругах Бангладеш.

Значительную роль в поддержании позитивного имиджа России имела деятельность Ассоциации выпускников советских/российских вузов. На момент моего пребывания в Бангладеш эта общественная организация представляла более 5 тыс. чел., получивших в Советском Союзе/России высшее образование по разным профессиям и специальностям. Особо значительную роль играли выпускники первых наборов, т.е. те, кто получил вузовское образование вскоре после обретения Бангладеш независимости. В подавляющем большинстве получившие в те годы в нашей стране добротное профессиональное образование в различных областях добились признания и высокого положения в той или иной сфере общественной деятельности не только в Бангладеш, но и в ряде случаев за ее пределами, и это притом, что в соответствии с советскими критериями набора изначально они были выходцами из среднего и ниже среднего слоев общества. Главное же для нас было то, что они сохранили добрую

память и признательность нашей стране, протянувшей в те трудные для Бангладеш годы руку помощи молодежи вновь образованного государства. Таким образом, можно сказать, что сделанное нашей страной капиталовложение в дело обучения граждан Бангладеш стало приносить ощутимые дивиденды.

Во время моей второй командировки в Бангладеш указанная организация, ставшая уже заметным субъектом в общественно-политической жизни страны, провела с участием представителей местного правительства и парламента несколько очень значимых мероприятий, которые также получили широкое освещение в местных СМИ и большое звучание/резонанс в обществе. К числу таковых относились, в частности, несколько научно-практических конференций по вопросам социально-экономического развития Бангладеш, в том числе во взаимодействии с Россией.

Мои «пять копеек» в копилку российско-бангладешского сотрудничества

Направляясь в Бангладеш в качестве главы дипломатической миссии, я довольно четко представлял себе, какие приоритеты должны быть в моей работе, чтобы в наибольшей степени выполнить установку Центра на расширение и углубление российско-бангладешского сотрудничества и взаимодействия. Еще находясь в предыдущей командировке в 1997–2001 гг., я, можно сказать, на «собственной шкуре» прочувствовал, какая проблема в Бангладеш, в решении которой Россия могла бы сыграть значительную роль, является наиболее жгучей. Проблема эта — острый дефицит электроэнергии, из-за которого не могла успешно развиваться экономика в целом и промышленное производство в частности. Существовавшие на начало 2000-х гг. энергогенерирующие объекты, главным образом тепловые электростанции на газе,

в том числе и построенные с советским/российским участием, в лучшем случае покрывали 60–70% потребностей страны, притом что почти две трети населения вообще не имели доступа к электроэнергии. Необходимость радикального решения хронического энергетического кризиса все острее осознавалась правящими кругами страны. В этом контексте в 2006–2007 гг. соответствующие ведомства Бангладеш стали зондировать возможность строительства первой в стране атомной электростанции при финансовом и техническом содействии России. Эта заинтересованность усилилась после возвращения Шейх Хасины к власти в январе 2009 г. Изначально соответствующее российское ведомство по атомной энергетике скептически отреагировало на запрос Дакки по поводу строительства АЭС, полагая, что Бангладеш технологически к этому не готова. Посольство, тем не менее, продолжало ставить перед Центром вопрос о необходимости все же внимательно и беспристрастно изучить возможность сотрудничества с Бангладеш в области атомной энергетики. В конечном счете отношение Госкорпорации «Росатом» к этой идее сменилось на позитивно-заинтересованное, тем более что МАГАТЭ дало положительное заключение на счет возможности использования Даккой атомной энергии. Не все так просто было и в самой Бангладеш. Помимо внутренней оппозиции, в том числе в связи с вопросом безопасности («синдром Чернобыля», а позднее и «Фукусимы»), сильное противодействие возможному строительству Россией АЭС в Руппуре (район в центре Бангладеш) оказывали дипломатические и прочие представители ряда наших т.н. международных партнеров, включая и стратегических. Наибольшее усердие в этом плане проявляли, разумеется, США.

Как бы то ни было, внешнее противодействие, а также внутренний скепсис и опасения были преодолены, и в мае 2010 г. в Москве было подписано межправительственное

Соглашение о сотрудничестве в деле использования атома в мирных целях, а в ноябре 2011 г. в Дакке — Соглашение о строительстве в Бангладеш АЭС «Руппур» мощностью 2000 МВт по российскому проекту. Годом позже началась его реализация. Значимость этого важнейшего в двухстороннем сотрудничестве проекта заключается еще и в том, что Бангладеш стала первой в мире страной из числа «наименее развитых», где началось строительство АЭС.

Наряду с продвижением идеи сотрудничества в области использования атома в мирных целях, в 2010 г. удалось также запустить переговорный процесс по взаимодействию в области разведки и разработки газовых месторождений в Бангладеш, который в частности привел к заключению в 2012 г. соответствующего контракта между ОАО «Газпром» и Государственной нефтегазовой корпорацией Бангладеш «Петробангла». Атомный и газовый проекты были наиболее значимыми в деле расширения и углубления российско-бангладешского сотрудничества. Произошли заметные подвижки и в ряде других областей взаимодействия, в частности в военно-техническом сотрудничестве, а также в торговле (товарооборот увеличился с 50 млн. ам. долл. в 2005 г. до почти 400 млн. ам. долл. в 2011 г.). Убедительным свидетельством качественного улучшения российско-бангладешских отношений являлось то, что с ноября 2010 г. возобновились прямые контакты на высшем уровне (посещение России премьер-министром Шейх Хасиной — первый визит такого уровня с 1972 г.).

По поводу своей работы в Бангладеш хотел бы отметить и то, что успешному решению конкретных аспектов сотрудничества и взаимодействия между нашими странами, несомненно, благоприятствовала возможность прямого выхода на премьер-министра и ее непосредственное окружение, а также руководство Министерства иностранных

дел и других профильных министерств и ведомств. С рядом представителей местного руководства у меня сложились достаточно тесные и доверительные отношения. Это позволяло оперативно и вживую обсуждать с ними соответствующие вопросы и пути их решения. Показателем доверительности в отношениях с близким окружением премьер-министра и несомненной пользы от этого для динамики российско-бангладешского сотрудничества может служить нижеприведенный факт.

Да, Шейх Хасина посетила Россию в ноябре 2010 г., и у нее была встреча с В. В. Путиным, однако это было в рамках проводившегося в Санкт-Петербурге международного мероприятия «Тигриный саммит». Вскоре после этой поездки бангладешская сторона стала ставить вопрос о желательности проведения официального визита премьер-министра в Россию с тем, чтобы предметно обсудить состояние двухсторонних отношений и наметить дальнейшие перспективы сотрудничества. Посольство передавало в Центр высказывавшееся пожелание Дакки, однако Москва в лице Администрации Президента РФ и МИД РФ реагировали на эти импульсы сдержанно, заявляя о том, что заинтересованность Шейх Хасины посетить Россию с целевым официальным визитом должна быть более четко артикулирована, а сам визит необходимо наполнить существенным содержанием. Все это я передавал личному секретарю Шейх Хасины, с которым у меня еще в первую командировку в Бангладеш сложились весьма конструктивные взаимоотношения (тогда он был генеральным директором Протокольного департамента МИД Бангладеш). При очередной нашей встрече он меня прямо спросил, что же надо сделать, чтобы процесс пошел. Я высказал мнение, что вопрос мог бы сдвинуться с мертвой точки в том случае, если бы премьер-министр Шейх Хасина направила Президенту России личное послание, в котором бы

недвусмысленно заявила о своем желании посетить Москву с официальным визитом. В ответ на это мой визави спрашивает, а что могло бы быть изложено в таком послании. Я ему опять же высказываю свои соображения на этот счет. И вдруг он мне задает вопрос, а не мог бы я составить и дать ему проект этого послания. Я согласился это сделать. Через пару дней я передал ему подготовленный мною самим проект послания Шейх Хасины, а примерно через неделю премьер-министр уже за своей подписью направила личное послание Президенту России. Ее послание на 99% базировалось на предоставленном мною проекте. По получении Президентом РФ личного послания Шейх Хасины практически сразу заработал механизм подготовки ее официального визита в Россию, и в конечном счете он состоялся, но уже после того, как у меня закончилась командировка и я был отправлен «на заслуженный отдых».

Покидал я Бангладеш в феврале 2012 г. с чувством удовлетворения. Было отраднo, что удалось внести свой вполне конкретный и осязаемый вклад в дело заметного укрепления двухстороннего сотрудничества, которое будет служить интересам народов наших стран. На одном из прощальных мероприятий, которые традиционно проводятся как по официальной линии, так и по линии деловых и общественных кругов в связи с отъездом посла, держа ответственное слово на комплементарные напутствия принимающей стороны, я сказал почти что по Мартину Лютеру Кингу: «I have a dream.../У меня есть мечта. Надеюсь, что, когда через несколько лет торжественно будет вводиться в эксплуатацию АЭС «Руппур», вспомнят и тех, кто изначально способствовал реализации этого проекта». Говоря это, я, тем не менее, уже тогда понимал, что такого не будет, т.к. основное свойство памяти у людей вообще, а тем более у власть имущих, состоит не в том, чтобы помнить, а в том, чтобы забывать...

Просматривая сейчас в Ютьюбе многочисленные видеорепортажи наших соотечественников, занятых на завершающем этапе строительства АЭС, и видя, что на прежде пустынном и ничем не примечательном месте возник целый современный город с высотными жилыми корпусами, а рядом с ним идет грандиозная стройка, на которой помимо нескольких тысяч наших специалистов, работу получили десятки тысяч местных граждан, ловлю себя на мысли: а ведь всего этого могло и не быть, не прояви я в свое время упорство и настойчивость в поддержке идеи возведения этого крупнейшего и чрезвычайно важного для экономики всей Бангладеш объекта.

И последнее. Если бы кто-то меня сейчас спросил, хотел бы я что-то изменить или скорректировать в профессиональной составляющей моей жизни, я бы ответил отрицательно. Эта часть моего жизненного пути сложилась вполне удачно. По прошествии более полувека, могу сказать, что она сложилась таким образом в том числе благодаря тем случайностям, о которых я упоминал в самом начале своего повествования. Сейчас же решительно могу утверждать, что то были не просто случайности, а счастливые случайности.

СООБРАЖЕНИЯ ПОД ЗАНАВЕС

Психологический климат в коллективе

Во время своих продолжительных командировок за рубеж на разных этапах дипломатической работы мне пришлось находиться в разнообразных и постоянно меняющихся по составу коллективах советских/российских сотрудников. На основе наблюдений, как извне, так и изнутри, за тем, как и чем живет небольшое по численности сообщество людей, у меня сложились определенные умозаключения, которые, полагаю, в той или иной степени отражают общие

закономерности человеческих взаимоотношений и в то же время отмечают некую специфику.

Разумеется, в любом коллективе действуют примерно одни и те же объективные факторы и субъективные нормы взаимоотношений. Однако при работе в загранучреждениях взаимоотношения между членами коллектива складываются и развиваются все же немного по другой схеме, чем у себя на родине. При работе на родине, в частности в Центральном аппарате МИДа, время и пространство человеческого общения делятся на служебное и личное. Как правило, одно не пересекается с другим. Отбыв повинность на службе, где действует определенный порядок/регламент и этикет взаимоотношений между сослуживцами, человек приходит к себе домой в круг родных и близких или, если он одинок, по крайней мере в свою «берлогу», и освобождается от нормативов рабочего коллектива, в большей или меньшей степени отключается от того, что было в офисе. При работе на родине на взаимоотношения в коллективе, как правило, не оказывают влияния т. н. личные обстоятельства (жена, дети и др.). За счет переключения со служебного на личный режим человек в той или иной мере освобождается от стресса и напряжения, которые были у него на работе. Да, это общеизвестная истина, а потому нет смысла далее ее разбирать.

В случае же пребывания в загранучреждении работают немного другие факторы и обстоятельства. Там действуют, во-первых, служебные рестрикции и запреты, характерные для режимного предприятия и касающиеся многих сторон жизнедеятельности, во-вторых, человек находится в ограниченном и замкнутом пространстве, где ему надлежит соблюдать вышеупомянутые ограничения на его свободу действий, в-третьих, он находится в чужой и, возможно, не очень дружелюбно настроенной стране, где есть потенциальные

угрозы для россиян, и, в-четвертых, работает фактор семьи (жена и дети).

Нахождение в коллективе загранучреждения можно в известной степени сравнить с жизнью в коммунальной квартире, где все ее жильцы волей-неволей вынуждены сосуществовать, невзирая на особенности каждого из ее обитателей. Особенность такой коммуналки за рубежом еще и в том, что в ней не только живут, но и работают. При нахождении в замкнутом и ограниченном пространстве человек раскрывается, можно сказать, во всей красе. Краса эта далеко не всегда с восторгом и одобрением принимается его сослуживцами и соседями по «муравейнику», в связи с чем возникают трения и конфликты. Характер взаимоотношений между сослуживцами формируется не только на служебном поприще, но и зачастую в общем дворе посольского городка, в школе и на детских площадках, где активно общаются, а порой и выясняют отношения жены и дети. Наблюдения за жизнью наших коллективов за рубежом показывают также то, что чем меньше по численности загранучреждение, тем больше, как правило, острых углов во взаимоотношениях его сотрудников как по служебной, так и бытовой линии. В маленьких по численности коллективах чаще срабатывает фактор несовместимости между его членами, усиленный отсутствием альтернативных возможностей для взаимодействия и общения. При таком положении дел многое зависит от самоконтроля каждого сотрудника загранучреждения над своим эго и нравом, требуется быть дипломатом не только по профессии, но и по своей сути вообще. Если же сотрудник-мужчина находится в командировке вместе со своей супругой, а это, как правило, в большинстве случаев, то ему следует сдерживать не только себя, но и свою спутницу жизни.

Да, какой в коллективе загранучреждения психологический климат и как его члены взаимодействуют между собой,

во многом зависит от руководителя миссии. Однако любой руководитель посольства или генерального консульства прежде всего тоже человек, со своим собственным багажом достоинств и недостатков. Опять же при работе за рубежом, где контроль со стороны вышестоящих инстанций гораздо слабее, чем на родине, недостатки или особенности характера руководителя становятся более рельефными и ощутимыми для его подчиненных. Некоторые руководители могут впадать в иллюзию, что после бога и президента/министра они вторые на этом свете и что им предоставлены ничем не ограниченные права и полномочия. Такой настрой у руководителя ведет к созданию в коллективе обстановки самодержавия со всеми вытекающими из этого последствиями. В советское время, на которое у меня пришлась практически половина профессиональной жизни, за рубежом так или иначе действовала определенная система сдержек и противовесов: руководители загранучреждений, с одной стороны, и парткомы — с другой. В ряде случаев последние, имевшие выход на высшие партийные инстанции на родине, могли как-то сдерживать проявления самодержавия отдельных руководителей. В постсоветское время такого противовеса в загранучреждениях не стало, что привело к росту проявлений авторитаризма и злоупотреблений некоторых руководителей, чему я сам был свидетель. Не следует, однако, думать, что я против единоначалия и жесткой вертикали власти. Со всем наоборот. В условиях работы за рубежом должно быть и то и другое, но все это должно быть на разумной и сбалансированной основе. Излишняя свобода в режимном учреждении однозначно вредна. Это со всей очевидностью показали процессы, проходившие в самом начале 90-х годов, когда были ликвидированы парткомы, а в коллективы внедрилась бацилла псевдомократии и либерализма. Мне пришлось воочию наблюдать, как в то время далеко не самые достой-

ные и работающие сотрудники загранучреждения стали бунтовать и «качать» свои права.

Фактор влияния руководителя на психологический климат в коллективе имеет еще одну составляющую, это — супруга главы миссии, если таковая имеется. Существует общее понимание, что жена руководителя, помимо определенной вспомогательной роли в его работе с дипкорпусом и местной общественностью, должна содействовать поддержанию порядка и формированию должного психологического климата в коллективе. При таком в целом правильном понимании априори считается, что вспомогательная роль супруги главы миссии будет однозначно конструктивной и позитивной. Реальность же далеко не всегда подтверждает это понимание. Одним словом, все конкретно и всецело зависит от того, что из себя представляет жена руководителя.

Хочу высказать также свое скептическое отношение и по вопросу трудоустройства жен руководителей не только в своем учреждении, но и любом другом российском учреждении (работа в иностранной фирме должна исключаться напрочь). Ссылка на дефицит альтернативных кадров при назначении на должность в своем учреждении или же на отсутствие конфликта интересов, а также неиспользование административного ресурса при определении на работу жены руководителя миссии в другое российское учреждение в подавляющем большинстве случаев является всего лишь лукавством и фикцией. Полагаю, что для поддержания здорового климата в коллективе и, в частности, избежания кризисов по поводу трудоустройства супруги главы миссии, доступным ей поприщем деятельности должна быть только работа на общественных началах.

Одним словом, подводя черту под всем вышеизложенным по вопросу психологического климата в посольстве/генконсульстве и т. п., можно лишь констатировать, что коллектив

загранучреждения является живым и сложным организмом, в котором идеального ничего нет и в котором все зависит от работающих в нем конкретных людей. Руководителю же миссии следует помнить, что не только он следит за тем, как работают и живут его подчиненные, но и он сам является объектом постоянного и пристального внимания со стороны своих сослуживцев. Ввиду этого, в целях поддержания своего авторитета и сохранения уважения в коллективе, своими действиями руководитель не должен давать повода для девальвации этих двух понятий.

Рекомендации начинающим

Хотел бы высказать несколько общих соображений, которые могли бы быть полезны для начинающих дипломатов.

После зачисления в штат МИД России у молодого дипломатического сотрудника рано или поздно возникает возможность/необходимость выезда в длительную заграничную командировку в посольство, генеральное консульство и т. п. Как известно, в количественном отношении штат наших диппредставительств везде разный: в стратегически важных для России странах он, разумеется, большой (от нескольких десятков до нескольких сотен человек), тогда как в странах менее значимых он, соответственно, поменьше.

В заграничном учреждении, где штат сотрудников значительный, начинающий дипломат включается в одну из функциональных групп, в частности внутренней политики, внешней политики, экономики, двухсторонних отношений, консульских дел, протольно-переводческих вопросов и т. д. Работая в одной из этих групп, начинающий дипломат получает обычно пару-тройку вопросов, которые он должен отслеживать под руководством старшего коллеги, в том числе готовить информационно-справочные материалы. В своей работе молодой сотрудник мониторит закрепленные за ним

в соответствии с распределением должностных обязанностей проблемы и, как правило, не очень осведомлен о том, что делается в других группах. А что же происходит, если начинающий дипработник получил назначение в заграничное учреждение, где штат сотрудников идет на единицы? Здесь ему приходится работать одновременно по более широкому кругу — как вопросов, непосредственно касающихся политико-дипломатической проблематики, так и вопросов содействия административно-хозяйственным службам заграничного учреждения.

В связи с вышеизложенным возникает дилемма: что лучше — быть продвинутым в понимании пары-тройки проблем или же быть в большей или меньшей степени универсалом-«многостаночником». На мой взгляд — а я работал в основном в небольших коллективах, — лучше второй вариант. Он, возможно, будет более напряженным и затратным по времени, но в конечном счете позволит получить широкую и разнообразную подготовку, которая может быть востребована как на дипломатической работе, так и за ее пределами. Одним словом, в этом вопросе надо следовать установке А. В. Суворова: «Тяжело в учении — легко в бою».

Следующий блок соображений, которые я хотел бы высказать, касается важности знания иностранных языков, истории, религии, культуры, обычаев и традиций страны, куда командирован на работу дипломатический сотрудник.

Отталкиваясь от пушкинского «мы все учились понемногу чему-нибудь и как-нибудь», хочу заметить, что поскольку дипломатическая работа практически немыслима без знания иностранного языка, то «чему-нибудь» и «как-нибудь» абсолютно недопустимы в данном случае. Диалог как вид коммуникации должен отражать предельную точность позиции одной и другой переговаривающихся сторон. От адекватного восприятия будет зависеть и реакция в словах или делах. Есть даже немало исторических примеров, когда именно

неточность восприятия сказанного/заявленного противоположной стороной приводила к серьезным или даже катастрофическим последствиям. Считается, в частности, что в том числе неточность перевода с японского на английский язык заявления премьер-министра Японии в конце июля 1945 г. стала причиной атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки. Другой пример из этой серии — это перевод на английский язык известного заявления руководителя Советского Союза Н. С. Хрущева в 1956 г. о том, что «мы вас — капиталистический Запад — похороним», вызвавшее переполох у наших военно-политических противников, хотя сам советский лидер всего лишь вольно перефразировал Карла Маркса о том, что «пролетариат является могильщиком капитализма». Полагаю, что нет необходимости приводить еще какие-то доказательства значимости языковой компетенции в нашей профессии.

Другое соображение касается того, какие и сколько языков надо знать дипломатическому работнику. Как известно, есть страны, в которых имеют ограниченное хождение или вообще не имеют такового ни один из шести официальных языков системы ООН, а в делопроизводстве и обиходе используют свои национальные языки. В этой ситуации для успешной работы в таких странах необходимым и важным становится знание языка страны пребывания. Конечно, в контактах с официальными лицами и продвинутой общественностью этой страны можно использовать один из шести ООНовских языков, однако это существенно сужает поле для адекватного взаимопонимания с широкими слоями общественности страны пребывания. На основе собственного опыта работы в странах Южной Азии могу смело утверждать, что знание и использование одного из национальных языков дает знающему этот язык определенную фору при общении и решении тех или иных вопросов двухстороннего

взаимодействия. Ввиду этого считаю, что изучавшим в институте наряду с английским, испанским, французским и т. д. также языки, имеющие региональное или только страновое распространение/хождение, следует держать их в активной форме, и никак не предавать забвению. Изучение и знание любого иностранного языка — это своеобразное окно в другой мир, другую цивилизацию, ну а если человек владеет сразу несколькими языками, то он расширяет свой кругозор по большому диапазону. Мне пришлось наблюдать, как некоторые из моих сокурсников по институту или коллег по работе в МИДе либо с определенным стеснением использовали в своей работе изучавшийся ими региональный или страновой язык, либо вообще отрекались от него, переходя на другие, как им казалось, более престижные и перспективные направления, где можно было обходиться одним английским. У меня в этой связи возникал вопрос: а не жалко ли «отказнику» потраченных в течение пяти лет усилий на познание такого редкого или ограниченного распространения языка?

При работе в той или иной стране существенно важным является также знание ее истории, как современной, так и более отдаленной, что позволит лучше понять это государство в его подходах к международной проблематике и в отношении к нашей стране. Ведь, как известно, общественное сознание, равно как и коллективная память, хоть и уходят корнями в далекое прошлое, но в той или иной степени проявляются и в настоящее время. Ярким, хотя и негативным примером на этот счет является русофобия поляков, которая даже открыто признается отдельными представителями последних, говорящих, что «это у них в генах».

Не менее важным в этой связи является также знание истории религии и основных постулатов той или иной конфессии. Особое значение имеет знание основ религии и ее практики в буддийских и мусульманских странах, где

в большей или меньшей степени религия продолжает оставаться одной из основных форм общественного сознания, что зачастую даже закреплено законодательно. Хорошо известно, что христианство играло и в известной мере играет и сейчас важную роль в истории Европы и некоторых других регионов мира, а также оказывало большое влияние на культуру (в частности, на живопись, музыку и литературу), традиции и обычаи народов, разделявших эту веру. Аналогичная ситуация в буддийском и исламском мире, где религия играла в прошлом и продолжает играть в настоящем значительную или даже решающую роль в формировании общественного сознания и его внешних проявлений.

Итак, в заключение можно сказать следующее. Практически любая современная профессия требует того, чтобы совершенствовать знания и навыки в ней, что позволило бы быть конкурентоспособным и востребованным в государстве и обществе, а у самого человека было бы ощущение развития и позитивной динамики. Дипломатия как одна из древнейших профессий в мире в данном случае не является исключением, а потому тот, кто для самореализации избрал дипломатическое поприще, должен быть «вечным студентом».

Олег Пересыпкин

Чрезвычайный и Полномочный Посол

В СТРАНЕ ЦАРИЦЫ САВСКОЙ*

Мой друг и большой российский писатель Валерий Поваляев как-то в беседе со мной сказал, что, мол, ты же проработал в Йемене 13 лет и мог бы рассказать много интересного об этой стране и наших отношениях. Такое предложение меня очень заинтересовало, ведь Йемен — уникальная страна очень интересная по своей истории и географическому положению. В древности на территории Йемена существовало несколько государств, игравших большую роль в истории древнего мира.

Царица Савская Билкис, о которой говорится в Библии и Коране, отправилась из своей столицы — йеменского города Магрерб к иудейскому царю Соломону. Как говорится в священном писании, царица Савская разделила с Соломоном ложе и, вернувшись в свою вторую столицу эфиопский город Аксум, родила младенца, который стал первым императором Эфиопии. Последний император Эфиопии Хайле Силафи (Селассие) был 225-м потомком сына Соломона и царицы Савской и носил титул Лев Сиона.

Йемен занимает редкое по важности географическое положение. Крошечный остров Перим контролирует южный

* Орфография — автора.

выход из Красного моря через пролив Баб-эль-Мандеб в Индийский океан. Большой остров Сокотра является осколком большого континента, который когда-то находился в районе Индийского океана.

В ноябре 1928 года между СССР и йеменским королевством был подписан Договор о дружбе и торговле, который продлевался 3 раза. Наследный принц Йемена Мухамед-эль-Бадр в 1955 году находился в Европе и по дороге домой в Йемен посетил Москву. Советские руководители оказали ему теплый прием и после переговоров подписали ряд документов: о строительстве глубоководного порта в Ходейде, о поставках военной техники, о командировании советских военных специалистов и врачей. В 1956 году в г. Таизе было открыто советское диппредставительство, куда я был направлен в качестве переводчика арабского языка. Город Таиз был резиденцией короля Ахмеда, который был также главой умеренной шиитской секты зейдитов. В этом городе кроме советской дипмиссии, находились представительства ФРГ, Англии, Китая, Эфиопии, США и Италии. Диппредставительства мусульманских стран Египта, Алжира и Ирака находились в исторической столице Йемена — г. Санаа.

В марте 1961 года советский посол Николай Сулицкий и я, в качестве его переводчика, приехали в Ходейду. В резиденцию, где мы находились, пришел начальник строительства порта Абдалла Салляль со своим переводчиком Виктором Посувалюком. Салляль просидел у нас целый вечер и всю ночь, посол ушел отдыхать, а я с Виктором просидел до самого утра. Утром Салляль попрощался и отправился на работу в порт. После его ухода, я пошел в город и узнал последнюю новость: король Ахмед прилетел на советском вертолете в Ходейду и пошел в госпиталь, где лежал один из его родственников. В госпитале на короля было совершено покушение: три человека: Лакия, Улафи и Хандавани стреляли

в короля. Охрана короля разделилась на две группы: одна бросилась ловить покушавшихся, а вторая отвезла раненого короля в королевский дворец Дар-эль-Бони. По дороге они захватили нашего врача-хирурга. Во дворце раненого короля положили на большой стол и приказали нашему хирургу извлекать пули. Советский врач сказал, что для этой операции ему нужны инструменты и поэтому один из охранников должен поехать в госпиталь и забрать из кабинета доктора маленький черный чемоданчик с инструментами.

Через час охранник привез инструменты, и врач попросил бутылку виски. Йемен — страна строгого сухого закона, но во дворце нашлась бутылка. Доктор попросил принести ему глубокую миску, выложил туда инструменты и вылил на них полбутылки виски. Оставшуюся часть виски врач вместе с охраной вылили в рот короля Ахмеда. После этого врач извлек из тела монарха 6 пуль. Короля замотали в простыни и одеяла и отвезли на аэродром, откуда на вертолете отправили в г. Сохна, где были горячие минеральные источники.

Эта ситуация получила продолжение ровно через месяц. В апреле в ворота посольства постучал известный мне конюх королевской конюшни. Он привел красивого арабского скакуна и сказал, что это подарок короля доктору, который его лечил в Ходейде. Что делать с конем мы не знали, так как в посольство не могли его взять. По указанию посла я провел переговоры с конюхом и договорился о том, чтобы конь оставался в королевской конюшне, а наше посольство выделит денег на его содержание и необходимые выгул и тренировки.

25 сентября 1962 года после обеда в посольство пришел офицер йеменской армии и сказал, что он хочет переговорить с кем-то, кто хорошо знает арабский язык. Посольство работает до 14:00 часов и после обеда там оставался только завхоз, который, естественно, не знал язык, но знал порядка десятка арабских слов, необходимых ему для работы. Он

сказал йеменцу — приходи завтра (по арабски — букра). Йеменец посмотрел на завхоза и сказал, что «букра» будет «фантазия». На бытовом сленге арабского языка «фантазия» — это праздник. Вечером того же дня мы все собрались в посольстве: Временный поверенный в делах Посольства СССР второй секретарь Валентин Каменский, третий секретарь Александр Оганянц и я, получивший к этому времени первый дипломатический ранг — атташе. Завхоз рассказал о визите йеменца, мы просмотрели все календари и не нашли праздник, который приходился бы на 26 сентября. Каменский сказал всем прийти завтра в пиджаках (несмотря на жару), так как возможен выезд во дворец для росписи в книге почетных посетителей.

Утром 26 сентября я выхожу из дома и вижу, что на моей улице солдаты под руководством офицеров, закрывают все лавки. Офицер сказал, что в Санаа революция, король убит, а президентом назначен полковник Абдалла Салляль.

Посольство, естественно, должно было сообщить о том, что происходит в стране нашего пребывания, но Санаа далеко. Я «вооружился» четырьмя магнитофонами, включил приемник и слушал «Голос арабов» из Каира, «Голос Америки», Би-Би-Си и местное радио. Уже к обеду было ясно, что в Санаа произошел военный переворот. Я подготовил всю информацию из полученных мною данных и передал руководителю посольства, которую он затем направил в Москву.

Будучи в Москве по возвращению из Йемена, коллеги рассказали мне, что, получив нашу телеграмму, Н. С. Хрущев собрал помощников и стал рассуждать: «Республика же лучше, чем монархия» — с ним все согласились и решили признать первую республику на Аравийском полуострове.

30 сентября всех дипломатов, находящихся в Таизе, пригласили в Санаа. В президентском дворце нас принял Абдалла Салляль и его соратники Абдала Добби и Абдалла Джузелян.

Салляль сказал, что король убит, они у власти и просит дипломатов информировать свои правительства и признать республиканский режим в Йемене.

Затем все разошлись, Салляль попросил советских дипломатов задержаться. Салляль сказал, что власть будет тяжело удержать и ему нужны оружие, боеприпасы, медикаменты, продовольствие и пр. Он достал чистый лист, подписал его и сказал нам, чтобы мы написали все, что нужно молодой республике на наше усмотрение. Мы были молодые дипломаты, но прекрасно знали, что так делать нельзя. Мы объяснили, что мы не специалисты, в Йемене есть много советских специалистов — они готовы помочь. Салляль согласился. Мы вышли из дворца, нас встретил генерал Кузоваткин: «Египет признал республиканский режим и готов оказать необходимую политическую и военную поддержку новому режиму». Помощь будет доставляться самолетами и египтяне просят советских специалистов найти площадку для грунтового аэродрома. Длина посадочной полосы должна быть 5 км. Мы с генералом и Каменским выехали за город искать площадку. Вскоре нашли относительно ровное поле с камнями и мусором. Чтобы очистить площадку, по нашей просьбе, через несколько часов на грузовиках приехала группа старших школьников с корзинами. Они быстро очистили поле. В начале полосы поставили 3 бочки с ветошью, политой керосином и в конце полосы такие же 2 бочки. Когда прилетят самолеты, бочки будут гореть, и пилоты смогут ориентироваться.

Утром следующего дня АН-12 совершил успешную посадку на нашем импровизированном аэродроме. Из самолета вышли вооруженные египетские солдаты и стали выгружать боеприпасы. Вышли и пилоты.

Египет признал республику Йемен, так как к власти пришла группа свободных офицеров, которая была создана

в Йемене в 1953 г. СССР договорился с президентом Египта Насером о помощи египтянам доставлять их солдат в республику Йемен. Пилоты рассказали, что они прилетели с советского аэродрома в районе г. Калинина, вылетели в Египет, селились на военном аэродроме в окрестностях Каира. Самолет привез порядка 150 солдат и офицеров, ящики с патронами и боеприпасами. Наши пилоты переоделись в форму египетских офицеров, свою одежду и документы отдали советскому военному атташе. Группа арабских рабочих замазала опознавательные знаки на советском самолете и нарисовала опознавательные знаки египетских ВВС. На все ушло 2 часа. Затем самолет заправился и вылетел в сторону Йемена. Самолет сел в египетском Асуане для дозаправки и летел в Санаа над Красным морем. Самолет встречали английские истребители, базировавшиеся в Адене, но англичане не залетали на территорию Северного Йемена.

Самолет садится, следом за ним второй, из которого выходит наш посол в Йемене Николай Сулицкий. Вместе с послом идем к президенту Саллялю. Посол говорит, что СССР признал республиканский режим, и по договоренности с Египтом будет оказывать помощь по доставке египетских солдат и вооружения в республиканский Йемен.

Посольство СССР находилось в Таизе, и посол сказал, что хорошо бы перенести его в Санаа, чтобы быть в курсе происходящих событий, для этого необходимо помещение для размещения наших дипломатов и сотрудников. Абдалла Салляль взял со стола клочок бумаги, что-то написал и вызвал дежурного офицера. Салляль сказал ему, чтобы он пошел с нами искать здание для размещения посольства СССР. Я был не вооружен, и посол распорядился выдать мне дамский пистолет итальянской марки размером с пачку папирос «Казбек», таким образом, я был вооружен, но не опасен.

Целый час мы бродили по кварталу Бир-аль-Азиб, где в прошлом жили турецкие офицеры и местные чиновники. Мы нашли дом принца Касема, который был дядей свергнутого имама и занимал пост министра коммуникаций в правительстве монархического Йемена.

На территории большого сада (примерно 3 га) находился трехэтажный дом йеменской архитектуры и несколько хозяйственных построек. В большом доме размещалась группа египетских солдат, которых мы попросили покинуть помещения, так как тут будет располагаться посольство СССР. На переезд египтянам дали неделю. Ровно через семь дней я въехал в полностью очищенный дом. В нескольких комнатах оставались груды бумаги, книг и пр. Всё это я начал потихонечку разбирать. Рядом с домом находилась местная радиостанция, которую по ночам пытались захватить монархисты, и по ночам, закрывшись на все засовы, при свете яркой керосиновой лампы я разбирал бумаги. В один из вечеров я обнаружил пакет, в котором находились фотографии из Санкт-Петербурга. На одной из них была изображена миловидная женщина и подпись на русском языке: «Не забудь свою Людмилу, которая тебя очень любит 04.02.1904 г.». На другом фото была та же дама и молодой усатый мужчина. На следующий день я попытался встретиться с соседями этого дома и узнать про эти фотографии. Ко мне пришел йеменец, который представился родственником людей, изображенных на фотографиях, он сказал, что рядом с дамой был Мухаммед Рагиб-бей, бывший министр иностранных дел в правительстве имама Яхья.

Я вспомнил, что именно Рагиб-бей был тем человеком, который подписал 01.11.1928 г. Договор о дружбе и торговле с СССР. Он работал первым секретарем посольства Турции в Санкт-Петербурге, где, в начале 20-го века, вероятно, и познакомился с Людмилой Волковой. Йеменец сказал, что жена

Рагиб-бей была европейкой и он разговаривал с ней на французском языке. У них было две дочери, первая уехала в Стамбул, а вторая стала женой принца Касэма, к ним и переехал Рагиб-бей.

Официальная история делается живыми людьми. Хотим мы этого или нет, но симпатии и настроения живого человека оказывают влияние как на ход переговоров, так и на содержание подписываемых документов. Я не исключаю, что Рагим-бей, будучи турецким дипломатом, хорошо знал политику России на Ближнем Востоке и наши сложные отношения с англичанами. Возможно, именно он убедил имама Яхью подписать договор с СССР в пику Великобритании, которая захватила эмираты южного Йемена...

В настоящее время в Йемене сложилась непростая внутренняя ситуация. Но я уверен, что здравый смысл, характерный для йеменцев, восторжествует и они найдут решение всех существующих у них проблем. Счастливым Аравии — так называли древние римляне Йемен. Среди тех, кто не только работает над решением проблем страны, но и считает важным развивать и укреплять отношения с Россией — доктор Ахмед-аль-Вахейши, посол Йеменской республики в Москве, сопредседатель общества российско-йеменской дружбы, генерал Абдалла-аль-Башири и его заместитель генерал Али Салех аль-Ахмади, которые получили высшее военное образование в России, уроженец Адена Лобдо Фаттах Исмаил, бывший еще министром в Санаа и другие бизнесмены и общественные деятели Йемена.

А я, как человек, отдавший работе в Северном Йемене 13 лет своей дипломатической карьеры, желаю йеменскому народу, чтобы на территории Счастливого Аравии жил по-настоящему счастливый народ.

НЕ ВСЕ СТАНДАРТНО В ДИПЛОМАТИИ

Анвар Азимов

Чрезвычайный и Полномочный Посол

О НЕОБЫЧНОМ СЛУЧАЕ В ПРАКТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОСЛА РОССИИ В ХОРВАТИИ

В дипломатической работе любого посла непременно случаются необычные и/или курьёзные ситуации, когда ему приходится прибегать к самым нестандартным средствам и методам для решения возникшей проблемы. В моей практике также имел место случай, который иначе как детективным не назвать. Дело обстоит так.

Шел третий года моего пребывания в качестве Чрезвычайного и Полномочного Посла Российской Федерации в Хорватии. Велась обычная работа по продвижению наших интересов в этой дружественной, хотя все же евроатлантической стране (член НАТО и Евросоюза) со всеми вытекающими блоковыми обязательствами. При всем том наши многогранные двусторонние отношения динамично развивались, рос товарооборот, приближаясь к двум млрд.долл.США.

В январе 2018 г. провели в Загребе межмидовские консультации по двусторонней и международной тематике на уровне политдиректоров. В феврале «на полях» Мюнхенской конференции по вопросам безопасности состоялась

встреча Министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова с главой МИД РХ М. Пейчинович-Бурич. В марте провели в Загребе межмидовские консультации по европейской проблематике.

22 марта 2018 г. состоялся очередной телефонный разговор Президента Российской Федерации В. В. Путина с главой хорватского государства Колиндой Грабар-Китарович, совершившей затем официальный визит в Россию (в октябре 2018 года). Надо отдать должное К. Грабар-Китарович, много сделавшей на своем посту для развития хорватско-российских отношений в продолжение курса своих предшественников С. Месича (2000–2010 гг.) и И. Йосиповича (2010–2015 гг.) на укрепление сотрудничества с Россией. В апреле 2018 года с ее участием в Загребе была открыта беспрецедентная монументальная выставка Эрмитажа «Екатерина Великая», проходившая с большим успехом. В этом же месяце состоялись презентации достижений и инвестиционной привлекательности сначала Владимирской, а затем Калининградской областей. К. Грабар-Китарович приняла в Загребе губернатора Владимирской области С. Ю. Орлову, которая блистательно провела встречи с хорватскими руководителями и произвела большое впечатление на общественно-политические круги этой страны (ранее, будучи послом в Замбии (2005–2008 гг.), я принимал ее в качестве первого заместителя Председателя Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации, а затем и Постоянного представителя Российской Федерации при ОБСЕ). С. Ю. Орлова действительно является уникальной личностью и искусным руководителем, достойно представлявшим нашу страну в том числе и в Хорватии, где она продемонстрировала свои высочайшие профессиональные и личные качества для продвижения наших интересов.

Словом, Посольство России в Хорватии плотно занималось укреплением двусторонних отношений в различных

областях, готовилось к очередному приезду в начале июня 2018 года губернатора Санкт-Петербурга Г. С. Полтавченко и проведению декады культуры сначала Санкт-Петербурга, а затем Москвы с участием Мариинского и Большого театров, что было беспрецедентно в истории культурных отношений между нашими странами. Все шло своим чередом...

И вот 18 мая 2018 г. вечером раздался телефонный звонок в посольство из красивого прибрежного города Риека, что в 180 км от Загреба. Звонил Сергей Александрович Капчук, российский политик и предприниматель, покинувший Россию в 2005 году. Звонок принял консул Олег Владимирович Дунаевский, на которого я всегда мог положиться, доверял ему всецело. Он и доложил мне о сути дела.

Выяснилось, что когда-то С. А. Капчук был депутатом Законодательного собрания Свердловской области, занимал ряд других ответственных постов. Являясь успешным политиком, занимавшимся в том числе предпринимательством, он вступил в конфликт с ОПГ «Уралмаш», которая, по его словам, «рейдерски» захватила принадлежавший ему металлургический завод и, как он утверждал, через своих людей в правоохранительных органах сфабриковала уголовное дело против него с обвинением, в частности, в хищении крупных средств. На этом фоне он, опять же по его словам, вынужден был покинуть Россию, осев сначала на Кипре, затем в ОАЭ и, наконец, переехал в 2010 году в Лондон, где «с нуля» занялся риелторским и туристическим бизнесом.

Этот звонок серьезно встревожил нас. И вот почему. Капчук рассказал, что находится на склоне горного обрыва на окраине г. Риека, куда он прибыл к проживающему там племяннику, и вынужден там скрываться, поскольку его разыскивают местные спецслужбы, чтобы выдать британским властям, также начавшим против него преследование за какие-то отвергаемые им прегрешения. Российский

бизнесмен обратился к нам с просьбой взять его под защиту посольства и содействовать возвращению в Россию.

Поскольку речь шла о жизни и безопасности нашего соотечественника (безотносительно его прошлого) на срочном созванном совещании с участием советника-посланника, военного атташе, политсоветника, помощника посла по вопросам безопасности и консула было принято решение немедленно выехать двумя автомашинами в окрестности Риеки, разыскать С. А. Капчука и доставить его в посольство, гарантировав тем самым его безопасность. Машины ушли с интервалом в полчаса. Первый автомобиль должен был «подхватить» за собой возможные машины слежения местных спецслужб. Второй — с О. В. Дунаевским и его помощником — должен был следовать к месту пребывания С. А. Капчука. Всё сработало, как и было запланировано. Сергей Александрович был подобран в установленном месте и ночью был доставлен в посольство и размещен в гостевой квартире.

19 мая вместе с помощником посла по вопросам безопасности В. А. Шеховцовым мы встретились с С. А. Капчуком. Он вел себя достойно, благодарил, как он выразился, «за спасение» и к уже известной нам информации поведал следующее. В Лондоне он проживал с 2010 года, получив вид на жительство. Никаких материальных ценностей из России он не вывез, зарубежных активов не имел, на банковском счету находились незначительные средства. В Великобритании занимался бизнесом, «в политику не лез», какой-либо критики в адрес России не допускал (более того, являлся открытым сторонником политики В. В. Путина на усиление страны), всегда хотел вернуться на Родину. В 2018 году вошел в так называемый «список Титова» (список предпринимателей, желавших возвратиться в Россию). После его встречи в Лондоне с Борисом Титовым, который являлся уполномоченным Президента по защите прав предпринимателей, к Капчуку

в его лондонский офис явились британские спецслужбы. Они потребовали, чтобы Сергей начал сотрудничество с ними, и в частности, обвинил Россию и Президента В. В. Путина в организации отравления Скрипалей, а затем включился в регулярную публичную критику российской политики. При этом ему недвусмысленно дали понять, что в случае отказа весь его лондонский бизнес будет заблокирован, а сам он может даже погибнуть в результате какого-либо несчастного случая. В сложившихся условиях, утверждал Капчук, он решил совершить побег. Не без хитрости ему удалось пересечь границу с Францией, и там — в Париже — он обратился в российское посольство с просьбой предоставить ему новый загранпаспорт. Понятно, на это нужно было время. Не дождавшись ответа, а также почувствовав за собой слежку, он перебрался в Черногорию, оттуда автобусом в Хорватию, где в г. Риека проживал его племянник. Но, как выяснилось, англичане, реагируя на его отказ сотрудничать и не желая оставить в покое неудобного им свидетеля своей подрывной работы, уже успели создать для Капчука западню. На границе хорватские полицейские по запросу британских властей конфисковали все имевшиеся у него документы, выдав временное разрешение на возвращение в Британию, сопроводив это устным приказом вылететь из Загреба в Лондон ближайшим самолетом. Он же вместо Загреба направился к племяннику в г. Риека, но уже на второй день в дом, где он остановился, нагрянула полиция с явным намерением его задержать. Помогла хозяйка дома, предупредила об интересе полиции к его персоне. Непосредственно перед визитом правоохранителей он скрылся в малодоступной гористой части города.

Вот такую детективную историю рассказал нам Сергей Александрович. О судебных делах в России он предпочел особо не распространяться, отметив, что Уполномоченный при Президенте России по защите прав предпринимателей

Б. Ю. Титов обещал, что по возвращении в Россию Капчук не будет арестован и судебное дело против него пройдет в строгом соответствии с Законом. «А в этом случае, — сказал Капчук, — бояться мне нечего, виновным себя не считаю».

Я тут же проинформировал МИД России о случившемся, объяснил ситуацию и положительно решил вопрос о возможности содействия Капчуку в возвращении на Родину. Связался также с Б. Ю. Титовым, заручился и его поддержкой.

Легко сказать — возвратиться на Родину. Главное — в возникшей ситуации — убедить хорватов выпустить нашего гостя. А мне доложили, что вокруг посольства постоянно кружат машины спецслужб, были замечены также дипмашины с американскими и британскими номерами. Ясно, наши недруги пытаются контролировать ситуацию и не допустить выезда С. А. Капчука. Мне также стало известно, что британцы обратились в хорватский МИД с требованием выдать им обладателя конфискованных британских документов. Было очевидно, что англосаксы не отказались от намерений разыграть «антироссийскую карту» Капчука, уверяя — возможно — местные власти и в том, что мы, дескать, насильно удерживаем его в посольстве.

Мы же, в первую очередь, с разрешения Центра выписали гостю Свидетельство на возвращение в Россию (других наших документов у Сергея Александровича не было). Не было у него и достаточных средств для проживания в посольстве. Но это не беда — в течение почти месяца, пока он гостевал у нас под плотной внешней охраной, мы всячески заботились о нем. Сам же я заходил к нему практически ежедневно, и рассказывал о предпринимаемых действиях по его вызволению, а он делился со мной своими планами на дальнейшие свои шаги после возвращения на Родину. Главное, чего он добивался — пересмотра и отмены уголовного преследования за его «прежние грешки» которые он считал надуманными

и необоснованными. Через Б. Ю. Титова он отправил соответствующее обращение российскому руководству.

Лично я, в свою очередь, посетил МИД, МВД и зашёл к всесильному руководителю разведки — Агентства безопасности Д. Маркичу, которого неплохо знал. В МИД была направлена Нота посольства о разрешении на беспрепятственный выезд Сергея Александровича в Москву. Рассматривалась она долго — аж до 13 июня. Я понимал, что от мидовцев мало что зависит, но сработали доверительные отношения, установившиеся у меня с руководством министерства, в том числе с мидовским «куратором» России, Мне прямо предложили использовать имеющийся «дружеский потенциал» в моем общении по этому вопросу с первым вице-премьером и главой МВД Д. Божиновичем, с окружением президента, с премьер-министром, с главой разведслужбы

Контакты и ходатайства о разрешении выезда С. А. Капчука в Москву, однако, долгое время результатов не давали. В связи с этим С. А. Капчук стал изрядно нервничать. Похоже, он сомневался, что хорваты его выпустят, но мои многочисленные и разновекторные действия все же придавали ему определенную уверенность на благоприятный исход этого дела. Активно помогали наиболее близкие мне хорваты- бывший два срока президентом Стипе Месич и бессменный (более 20 лет) влиятельный мэр Загреба, обладатель нашего Ордена Дружбы Милан Бандич. Не могу пока называть все имена, но деятельное содействие оказывали и один из помощников премьера, и трое из ближайшего окружения главы государства К. Грабар-Китарович, которая, однако, в отличие от премьера Н. Пленковича не обладала реальной властью. В целом у меня с президентом сложились дружественные отношения, однако я старался не подводить ее и не ставить в неловкое положение. Позиция К. Грабар-Китарович и МИД Хорватии

мне была известна, они выступали за выезд С. А. Капчука в Москву, хотя на них оказывалось англосаксами сильнейшее давление. Ключевое значение имела позиция первого вице-премьера и главы МВД Давора Божиновича, он являлся и куратором местных спецслужб. Я понимал деликатность ситуации и особо, что называется, не перегибал палку в контактах с этим важным чиновником. Кстати, мы еще больше подружились с ним, когда я сопровождал его в сентябре 2019 года во время визита в Москву, в ходе которого была подписана программа сотрудничества между МВД наших стран. Помимо влиятельных друзей, я задействовал в интересах дела и депутатов Парламента (Сабора), в том числе воспользовавшись для этого визитом в Хорватию в начале июня 2018 года делегации Комитета Совета Федерации по международным делам во главе с его председателем К. И. Косачевым, а также культурно-деловой миссии Санкт-Петербурга, руководимой губернатором северной столицы Д. С. Полтавченко. К. Грабар-Китарович тепло приняла делегацию, а я не преминул аккуратно напомнить на встрече о судьбе находившегося уже три недели в посольстве С. А. Капчука.

Но шло время, а вопрос все не решался. С определенным раздражением говорил по телефону со мной по этому поводу Б. Ю. Титов. Своему же мидовскому куратору замминистра А. В. Грушко я однозначно сказал, что добьюсь возвращения С. А. Капчука в Москву. По совету своих близких и влиятельных друзей я намекнул местной стороне, что буду вынужден дать пресс-конференцию для представителей СМИ и выступить по телевидению с изложением нашей позиции по делу Капчука — благо, я часто, практически еженедельно, давал интервью «акулам пера» центральных загребских газет и ежемесячно выступал по местному телевидению. Этот мой ход, видимо, сработал. Во всяком случае, влиятельный мэр Загреба Милан Бандич 10 июня доверительно сказал

мне, что вопрос решается в нашу пользу и власти опасаются негативной реакции прессы и общественности в случае, если я решу апеллировать к ним.

13 июня после затянувшейся паузы меня наконец пригласил глава развед агентства Д. Маркич и сообщил, что в течение двух дней мы можем вывезти С. А. Капчука в Москву. Сразу договорился с ним о гарантиях, чтобы не возникли сюрпризы в аэропорту. Сказал, что лично буду сопровождать С. А. Капчука до трапа российского самолета и попрошу выделить мне в помощь в аэропорту ответственного сотрудника спецслужб. Сразу же после встречи с главным разведчиком страны собрал совещание в посольстве, чтобы обсудить сценарий возвращения «гостя» либо через Белград, но для этого надо было проехать автотранспортом 400 км и пересечь хорватскую границу, либо напрямую рейсом Аэрофлота Загреб-Москва. Единодушно был выбран второй вариант. Срочно сообщил об этом в Москву. Только потом зашел к Сергею Александровичу и сообщил ему хорошую новость. Он, видимо, перенервничал, заждался долгожданного решения хорватских властей, и поэтому реакция была какой-то вялой. Его больше интересовало, что произойдет, когда самолет приземлится в Шереметьево, не возьмут ли его «под руки» и не этапируют ли в Матросскую тишину. Он удалился в другую комнату и долго разговаривал по телефону с Борисом Титовым. Выглядел Капчук как-то неуверенно и, казалось, даже вовсе был не рад перспективе скорого возвращения домой....

Я был тверд. Через день Аэрофлотом ему надо будет лететь в Россию, гарантии безопасности в аэропорту Загреба получены, а в Москве он будет пользоваться покровительством Б. Ю. Титова. Словом, вариантов нет, если он передумает, то его тут же подхватят британцы и переправят в Лондон, а там его судьба будет незавидной. Видя неуверенность

Сергея Александровича, занервничал и мой помощник по вопросам безопасности — не выкинет ли в последний момент какой-либо «фортель» наш подопечный...

Как бы то ни было, надо было выполнять разработанный план. Еще раз «сверил часы» со своими и хорватскими коллегами, условились с ними о порядке безопасного прохождения С. А. Капчуком через таможенные и миграционные пункты аэропорта. Еще раз договорились, что мы с офицером безопасности сопровождаем С. А. Капчука до трапа самолета и покидаем аэропорт только после его взлета.

Утром 15 июня зашел к Сергею Александровичу, попросил его поторопиться со сбором вещей. Чувствовалось, что он сильно переживает и не столько о том, как будут обстоять дела в аэропорту Загреба, сколько по поводу того, что его ожидает в Москве. Заверил, что сюрпризов в Москве не будет. Говоря это и успокаивая тем самым Сергея Александровича, я, конечно же, не был на сто процентов в курсе того, что его ожидает, но все же внутренне был уверен, что все пройдет гладко и наш гость попадет под опеку Б. Ю. Титова. Перед тем как отправиться в аэропорт, Капчук вновь переговорил по телефону Титовым, и заметно успокоился. Титов, сообщил мне Капчук, заверил, что в Шереметьево его будут встречать специально откомандированные сотрудники ФСБ. При этом Титов добавил: «Если верите мне — летите!»...

В аэропорту все прошло четко и гладко, о чем позаботились местные спецслужбы, тем самым сдержав данное ими слово. С. А. Капчук, со своей стороны, вел себя исключительно корректно, благодарил нас за помощь и содействие.

Экипаж запустил двигатель, самолет начал медленное движение к взлетной полосе, но мы с помощником немного нервничали — а вдруг в последний момент возникнут неожиданности. Но нет — самолет наконец взлетел, а мы перевели дыхание: важное дело было сделано, нам удалось защитить

интересы гражданина нашей страны. Внутренне я пожелал Капчуку успехов и благополучия.

Такова эта необычная история российского гражданина, оказавшегося в тяжелом положении за пределами своей Родины. Таков был итог напряженной борьбы за судьбу соотечественника, которая завершилась победой, в том числе в результате действий хорватской стороны, не поддавшейся нажиму англосаксов, занявшей позицию, отвечающую интересам обоих государств. Победа досталась нелегко. Мы выразили глубокую благодарность хорватам, которые помогли нам в достижении стоявшей перед нами главной задачи — защиты интересов гражданина России.

От редакции: После прочтения этого материала мнения членов нашей редколлегии относительно целесообразности его публикации разделились. Оппоненты публикации указывали на морально-этическую сторону дела. Тем более, что нам так и не удалось выяснить дальнейшую судьбу Капчука. Имеющаяся информация на этот счет противоречива. В 2021 году Сергей Александрович, якобы, собирался баллотироваться на пост депутата Госдумы, но был отстранен от выборов на том основании, что, по утверждению представителей одной из конкурирующих партий, судебное преследование против него так и не было прекращено. Обратились за разъяснениями к автору этого материала — возможно, он мог бы прояснить суть дела. Анвар Сарварович, однако, ответил нам предельно коротко: «Смысл статьи не судьба Капчука, а работа и усилия посольства по защите интересов гражданина России. Большие о нем распространяться не вижу смысла».

Вот так. А как бы Вы поступили, окажись на месте российского посла в Хорватии?

И ВСЕРЬЕЗ, И В ШУТКУ

Владимир (Палыч) Иванов
Советник

ВЕЛИКАЯ СИЛА ИСКУССТВА

*«Такую музыку нужно слушать не раз и не два.
Но я больше одного раза не могу».*

Джоаккино Россини о Рихарде Вагнере

Чертыхнувшись, Палыч сел на кровати и посмотрел на часы. Было три часа ночи. Палыч вышел на кухню. Там, с обреченным выражением лица, курила жена. Даже на кухне были слышны гнусавые напевы под ситару и тамболу. Когда голос становился тише, включались бубен и барабан. В спальне же, выходящей окнами прямо на непальское ночное увеселительное заведение, не то что спать, разговаривать было невозможно. Можно было только кричать.

Все началось с того, что хозяин закуской, расположенной прямо напротив Российского культурного центра, решил расширить бизнес. Бамбуковая, с соломенной крышей, открытая пристройка к старому кирпичному дому и раньше пользовалась дурной славой. Завсегдатаи сидели до полуночи, а кто хотел выпить ночью, стучали в дверь в любое время.

Из развлечений в заведении был только старый магнитофон, который без перерыва играл индийскую или непальскую

попсу. В почти идеальном непальском климате старые жилые дома традиционно имеют только резные ставни без стекол. Поэтому все, что происходило внутри помещений, было хорошо слышно на улице и наоборот. Днем, когда в городе кипела жизнь и что-то подобное играли почти в каждом доме, проблем для работы центра заведение не создавало. Тем более, что находилось оно с тыльной части здания, куда выходили только окна квартиры директора. Ночью же не помогали и закрытые окна.

После того как с помощью полиции Палыч практически прикрыл незаконную ночную активность, хозяин притона озлобился и оформил лицензию на круглосуточную работу. Сначала Палыч хотел договориться с хозяином по-хорошему, предложив понизить громкость магнитофона до приемлемой, но понимания не встретил. Ссылаясь на демократические преобразования в стране, хозяин нагло заявил, что он свободный человек и с лицензией может делать что хочет.

Тогда Палыч решил привлечь на свою сторону сынишку садовника центра, который жил прямо над заведением. На эту мысль его навела удивительная для России, но довольно обычная для потомка горных непальских племен упёртость.

Палыч хорошо помнил ситуацию, когда на какой-то праздник пятилетнему пацану подарили настоящий полицейский свисток, он свистел несколько дней без перерыва с утра до вечера. В переулочек, слыша полицейские трели и думая, что идет облава на маоистов, перестали заходить прохожие. В заведении почти не стало посетителей, и играть национальную музыку было не для кого. Из близлежащих домов начали выселяться кошки и крысы. Под непрерывный свист в доме напротив скончалась больная старуха. И хотя была она преклонного возраста, и время умирать ей давно настало, из похоронной процессии, несущей под

свист тело на кремацию в адрес пацана раздавались проклятия и угрозы. Свистеть он перестал только после того, как доведенные до отчаяния соседи пообещали сжечь дом вместе со свистуном. Тогда отец, который страдал меньше всех, проводя время в саду русского центра, свисток отнял, а парня выпорол.

Заручившись поддержкой отца ребенка, Палыч объехал все близлежащие магазины игрушек и к своей радости обнаружил большую китайскую жестяную трубу, любимый музыкальный инструмент футбольных фанатов. Труба издавала душераздирающий рев и очень понравилась мальчику. Прочно устроившись на подоконнике над питейным заведением, он затрубил так, что улица содрогнулась. Посетители выдержали не более двадцати минут и стали разбегаться. Последний завсегдатай, который не успел допить налитое, ушел вместе со стаканом.

Хозяин пытался возмущаться, но соседи и родственники садовника, также уставшие от ночных песнопений, встали на сторону музыкального ребенка.

Смолкали звуки иерихонской трубы только с заходом солнца. Мстительный хозяин, несмотря на отсутствие клиентов, включал свой магнитофон на полную мощность и уходил с семьей спать к родственникам на соседнюю улицу.

Ситуация явно заходила в тупик. Рассчитывать на то, что пацан сможет продержаться еще несколько дней, не подорвав свое здоровье, было нельзя.

Ночевать в гостинной, выходящей на противоположную сторону русского центра, было неудобно. Нужно было искать кардинальное решение.

Решение нашла жена Палыча, профессиональный индолог и философ. Воспользовавшись паузой, созданной соло на трубе, она досконально перерыла фонотеку центра и вернулась с пачкой виниловых пластинок. Наступило

утро. Соседский пацан, проснувшись, снова взялся за трубу, но к обеду выдохся. Оживший хозяин, злорадно поглядывая в сторону русского центра, тут же запустил музыку. Улица замерла, ожидая дальнейшего развития событий.

На плоской крыше центра жена Палыча руководила группой местных сотрудников, которые сноровисто таскали наверх динамики, усилители, проигрыватель и кабели.

— Там где сила не помогает, — сказала жена, — должны действовать разум и знания. Будем воспитывать на европейской классике. На попытки Палыча, ссылаясь на авторитеты, протащить тезис о том, что Восток и Запад никогда не сойдутся, жена ответила коротко:

— Это мы посмотрим...

К вечеру, когда в забегаловку настороженно потянулись посетители, все было готово. Имевшаяся в наличии звуковая техника была нацелена на оппонента. И когда горизонт окрасился в закатный багровый цвет, жена дала команду:

— Начинаем!

С первыми звуками оцепенело не только окружение центра, казалось, сжалась вся природа. Бессмертную оперу Рихарда Вагнера «Валькирия» из тетралогии «Кольцо нибелунгов» соперник ожидал менее всего. Ко второму действию, когда на весь район прозвучала знаменитая ария Брунгильды «*Siegmond! Sieh auf mich!*» (*Зигмунд! Близок час!*) улицы, прилегающие к центру, опустели.

К третьему действию, когда валькирии носятся на конях и пытаются перекричать бурю, вызванную гневом Вотана, к главному входу в центр, с искаженными ужасом лицами, подтянулась группа местного населения. За руки они держали хозяина злополучного заведения.

Делегацию вышел встречать Палыч.

— Он больше не будет, — указывая на хозяина заведения, прошамкал возглавлявший делегацию древний старик

в застиранных белых солдатских кальсонах, как выяснилось, — старейшина улицы. Палыч видел его в первый раз. Как объяснили позже, он был такой дряхлый, что последние несколько лет, разбитый параличом, на ноги не вставал. И только бессмертный талант Вагнера вернул его к активной жизни.

— Выключите, пожалуйста, эти звуки из ада! — попросил старик, не имеющий иммунитета к европейской культуре. — Давайте договариваться.

Дальше все было просто. Зигфрид с Брунгильдой умолкли. Палыч с бывшим противником сели за чашу примирения. Жителям улицы из центра подтянули напитки. Закуску выставило заведение. Исцелившийся старейшина провозгласил тост за взаимопонимание и соседскую дружбу. Испуганно поглядывая на крышу центра, откуда приветливо махала рукой жена Палыча, все выпили.

График музыкального сопровождения работы заведения был согласован к взаимному удовлетворению. Отец юного музыканта сбегал наверх, вернулся с трубой и торжественно, как знак всеобщего примирения, под одобрительные крики присутствующих, Палыч и бывший противник — ресторатор растоптали ее ногами.

Великая сила искусства свела вместе Восток и Запад.

Непал, 1996 г.

О НАШИХ АВТОРАХ

**Анатолий Андреевич
ГРОМЫКО**

Родился в 1932 г. Окончил МГИМО, а затем аспирантуру Института. С 1961 по 1965 г работал в Посольстве СССР в Соединенном Королевстве. После этого занимал научные должности в Институте Африки и Институте США и Канады отечественной Академии наук. Вернулся затем в дипломатию, работал на высоких дипломатических постах в Посольствах СССР в США (1973–1974 гг.) и ГДР (1974–1975 гг.). Чрезвычайный и Полномочный Посланник.

С 1976 по 1991 г возглавлял Институт Африки, где продолжал работать вплоть до 2010 г. Доктор исторических наук, член-корреспондент Российской Академии наук. Автор многочисленных научных исследований и книг. Лауреат Государственной премии СССР, Почетный доктор Лейпцигского университета. С 2010 г читал лекции в Институте международной безопасности и в Московском Государственном Университете им. М. В. Ломоносова. Имел высокие государственные и ведомственные награды.

Увлекался живописью, являлся членом Союза художников России.

Ушел из жизни в 2017 г.

Анатолий Сафронович ЗАЙЦЕВ

Родился в 1939 г. Окончил Институт восточных языков при Московском Государственном Университете им. М. В. Ломоносова (сейчас — ИСАА МГУ), а также аспирантуру Института востоковедения Академии наук СССР. Кандидат экономических наук. Имеет многочисленные научные работы.

На дипломатической службе с 1966 г. Занимал ответственные посты в центральном аппарате МИД и в загранучреждениях. Являлся Послом СССР/России в Народной Республике Конго, а также Послом России в Исландии. Заместитель председателя Ассоциации российских дипломатов. Неоднократно отмечался высокими государственными и ведомственными наградами.

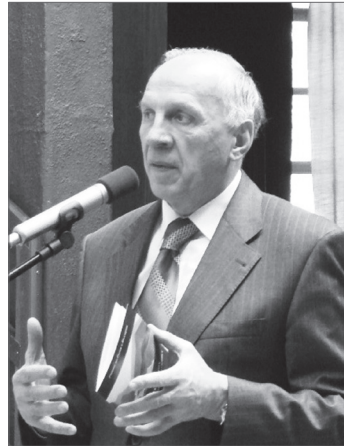
Александр Геннадиевич ЧЕРНОВ

Родился в 1950 г. Окончил Московский Государственный Университет им. М. В. Ломоносова. Трудовую деятельность начал в Гостелерадио СССР. Являлся заведующим корпунктом Советского телевидения и радио в Западной Африке, в дальнейшем возглавлял Службу радиовещания на страны Африки из Москвы на европейских и африканских языках. Автор ряда полнометражных документальных телефильмов, многочисленных теле- и радиорепортажей и публикаций в печати. Награжден Почетной грамотой за подписью председателя Гостелерадио СССР.

На дипломатической службе с 1995 г. Дважды являлся начальником Отделов в Департаменте Африки МИД и дважды советником-посланником в Посольствах России в Танзании и Нигерии. Чрезвычайный и Полномочный Посланник. Имеет Благодарность Президента В. В. Путина «за значительный вклад в реализацию внешнеполитического курса Российской Федерации». В настоящее время — главный редактор газеты общественных организаций Министерства иностранных дел «Наша Смоленка: люди и дела», член Президиума Совета ветеранов МИД, член Совета Ассоциации российских дипломатов.

Анатолий Викторович ПОТАПОВ

Родился в 1942 г. Окончил Московский институт радиотехники и горной электротехники, а также Высшую партийную школу при ЦК КПСС. Много лет отдал работе в комсомоле. В системе МИД — с 1986 года. Чрезвычайный и Полномочный Посол. Имеет весьма значительный послужной список в Министерстве и в ряде других ведомств:

1986–1992 гг. — первый заместитель управляющего делами МИД СССР — Российской Федерации.

В 1992 г. — проректор МГИМО МИД России.

1992–1996 гг. — старший советник Посольства России в Китайской Народной Республике.

1996–1998 гг. — помощник руководителя Администрации Президента Российской Федерации.

В 1998 г. — руководитель аппарата заместителя руководителя Администрации Президента Российской Федерации.

В 1998–2000 гг. — заместитель Министра по делам СНГ.

В 2002–2004 гг. — заместитель Министра иностранных дел Российской Федерации.

С 2004 по 2008 гг. — Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации в Болгарии.

Награжден Орденом «Знак Почета», Орденом Дружбы, Орденом «Стара планина» (Болгария), Орденом преподобного Сергия Радонежского II степени, Орденом святого благоверного князя Даниила Московского III степени и др.

Геннадий Павлович ТРОЦЕНКО

Родился в 1948 г. В 1971 г. окончил МГИМО. В том же году поступил на дипломатическую службу. Работал в Генеральном консульстве СССР в Карачи, Пакистан (в 1971–1977 гг. и в 1988–1993 гг.), а также в Посольстве Российской Федерации в Народной Республике Бангладеш (в 1997–2001 гг.). В 2001–2004 гг. являлся заместителем директора Третьего департамента Азии МИД России. С августа 2004 по сентябрь 2006 г. — заместитель директора Второго департамента Азии. С 21 сентября 2006 по 1 февраля 2012 г. — Чрезвычайный и Полномочный Посол России в Бангладеш.

Кандидат исторических наук. Имеет дипломатический ранг Чрезвычайного и Полномочного Посланника. Неоднократно отмечался государственными и ведомственными наградами.

Олег Герасимович ПЕРЕСЫПКИН

Родился в 1935 г. Окончил МГИМО. В МИДе занимал ответственные посты в центральном аппарате и в загранучреждениях. В 1980–1984 гг. — Посол СССР в Йеменской Арабской Республике. В 1984–1986 гг. — Посол СССР в Ливии. В 1986 г. был назначен ректором Дипломатической Академии и членом коллегии МИД. В 1996–2000 гг. — Посол России в Ливане.

Чрезвычайный и Полномочный Посол. Заслуженный работник дипломатической службы. Доктор исторических наук, Кандидат экономических наук. Профессор Дипломатической академии МИД России. Автор многочисленных книг, научных и публицистических статей по проблематике Арабского Востока. Заместитель председателя Ассоциации российских дипломатов. Неоднократно отмечался государственными и ведомственными наградами.

Анвар Сарварович АЗИМОВ

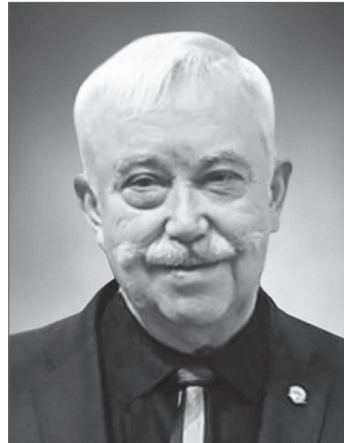
Родился в 1950 году. Окончил МГИМО. С 1973 г. работал на различных дипломатических должностях в центральном аппарате и загранучреждениях МИД. В 1994–1998 гг. — советник-посланник Посольства России в Индии. В 1998–2000 гг. — заместитель директора Третьего Департамента Азии. В 2000–2002 гг. — советник-посланник Посольства России в Югославии. В 2002–2005 гг. — заместитель директора Департамента общеевропейского сотрудничества. В 2006–2008 гг. — Чрезвычайный Полномочный Посол в Республике Замбия. В 2008–2011 гг. — Постоянный представитель РФ при ОБСЕ. Посол России в Хорватии в 2011–2015 гг.

Почетный работник МИД. Отмечен также Почетной грамотой Президента России, рядом государственных и ведомственных наград.

**Владимир Павлович
ИВАНОВ**

Родился в 1947 г. После окончания МГИМО занимался вопросами международного гуманитарного взаимодействия. С 1986 по 2011 гг. работал в системе Росзарубежцентра/Россотрудничества, возглавлял их представительства в Индии, Непале, Монголии, Болгарии. С 2012 г. являлся первым заместителем Фонда поддержки и защиты прав соотечественников за рубежом. Кандидат исторических наук. Ушел из жизни в 2020 г.

Все, кто работал с ним (в том числе сотрудники Ветеранской организации МИД), всегда отмечали неиссякаемое природное жизнелюбие Владимира Павловича. Его перу (помимо многочисленных научных и публицистических статей) принадлежат несколько искрящихся оптимизмом и непревзойденным юмором изданий. Публикуемый в этом сборнике рассказ взят из вышедшей в 2017 г. книги В. П. Иванова «Приключения в заповеднике и другие байки Палыча»...

Для записей

Для записей

О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

Сборник воспоминаний ветеранов дипломатической службы России

Том 31

Над сборником работали:

Составитель, главный редактор,

член Президиума Совета ветеранов — А. Г. Чернов

Редактор-консультант,

член Президиума Совета ветеранов — Ю. А. Спирин

Председатель Совета ветеранов — В. И. Морозов

Член Президиума Совета ветеранов — П. С. Акопов

Заместитель председателя Совета ветеранов — А. О. Семенов

Литературный редактор — Е. В. Степанов

Компьютерная вёрстка, макет — И. А. Ракитина

Корректоры —

Формат 60х84/16

Бумага офсетная

Гарнитура Minion

Тираж 750 экз.

Сдано в набор 16.11.2023

Подписано в печать ##.##.202#

Издательство «Вест-Консалтинг»

115230, г. Москва, Хлебозаводский проезд, д. 7,

стр. 9, этаж 7, пом. XIV, ком. 12

Тел. (495) 978 62 75

Типография «Наука»

121099, г. Москва, Шубинский пер., д. 6.